

Министерство образования Республики Беларусь  
Белорусский государственный университет  
Факультет философии и социальных наук  
Кафедра философии и методологии науки  
Кафедра философии культуры

Философия и общество  
в эпоху социальной турбулентности

Сборник научных статей и материалов  
XVII междисциплинарного научно-теоретического семинара  
«Инновационные стратегии в современной социальной философии»  
23 ноября 2023 года, г. Минск, Республика Беларусь

Минск  
2023

УДК 101.1:316(06)

Ф 561

Решение о депонировании вынес:  
Совет факультета философии и социальных наук  
Протокол № 3 от 31.10.2022

Редакционная коллегия:

А.С.Лаптёнок, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и методологии науки Белорусского государственного университета (отв. ред.);

О.В.Новикова, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

Рецензенты:

Д. Г. Доброродный, кандидат философских наук, доцент, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета;

Т. В. Бурак, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета.

Философия и общество в эпоху социальной турбулентности : сборник научных статей и материалов XVII междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 23 ноября 2023 года, г. Минск, Республика Беларусь / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Каф. философии и методологии науки, Каф. философии культуры ; [редкол.: А.С. Лаптёнок (отв. ред.), О.В. Новикова]. – Минск : БГУ, 2023. – 294 с. – Библиогр. в тексте.

Представлены научные статьи и материалы докладов участников XVII междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», который состоялся 23 ноября 2023 г. на факультете философии и социальных наук БГУ. Адресуется молодым ученым, преподавателям, научным и педагогическим работникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами современной философии, трансдисциплинарной науки и социально-гуманитарного познания.

## **КЛАССИФИКАЦИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ**

**Антоненко Дарья Евгеньевна,**

студентка Института социальных и гуманитарных наук,

Вологодский государственный университет

Научный руководитель – Дрянных Наталия Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии

Вологодский Государственный университет

**Аннотация:** В статье рассматриваются понятие и принципы интерактивного метода обучения, ориентированного на взаимодействие и диалог между учениками, а также на развитие их активности в учебном процессе, что способствует развитию коммуникативных навыков, универсальных учебных действий, стимулирует мотивацию учащихся, развивает творческое мышление, коммуникабельность, стрессоустойчивость и взаимоуважение. В тексте приведена классификация интерактивных методов обучения, которая включает в себя обучение на основе запросов, проблемно-ориентированное обучение, обучение на основе проектов, совместное обучение, обучение на основе игр и технологические методы. Данные методы вовлекают учащихся в учебный процесс, способствуют сотрудничеству и развитию критического мышления, создают здоровую атмосферу в классе.

**Ключевые слова:** интерактивные методы обучения; коммуникативные универсальные учебные действия; коммуникативная компетенция.

## **CLASSIFICATION OF INTERACTIVE TEACHING METHODS IN THE CONTEXT OF COMMUNICATIVE UNIVERSAL LEARNING ACTIVITIES**

**Antonenko Daria Evgenievna,**

pedagogical education with two training profiles: historical and social studies,

Vologda State University

**Dryannih Natalia Viktorovna,**

scientific supervisor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the

Department of Philosophy

Vologda State University

**Abstract.** The article discusses the concept and principles of an interactive teaching method, which is focused on interaction and dialogue between students, as well as the development of their activity in the educational process, and also promotes the development of communication skills, universal learning activities, stimulates students' motivation, develops creative thinking, sociability, stress tolerance and mutual respect. The text provides a classification of interactive learning methods, which includes query-based learning, problem-based learning, project-based learning, collaborative learning, game-based learning and technological methods. These methods involve students in the learning process, promote cooperation and the development of critical thinking, create a healthy atmosphere in the classroom.

**Keywords:** interactive teaching methods; communicative universal learning activities; communicative competence.

Интерактивный (от лат. «inter» – «между», «actus» – «действовать») – означает взаимодействующий, находящийся в режиме беседы, диалога с кем-либо. Другими словами, интерактивные методы обучения отличаются от активных тем, что они нацелены на более широкое взаимодействие между учащимися, не ограничивая их только общением с учителем. Они также способствуют развитию активности учащихся в процессе обучения, при этом роль учителя в интерактивных уроках заключается в направлении усилий учащихся к достижению целей урока.

Интерактивное обучение, по мнению В. А. Козловой, представляет собой «особую форму организации учебного процесса, в которой ученики взаимодействуют друг с другом, обмениваясь знаниями, идеями и способами деятельности. На уроках интерактивного обучения основное внимание уделяется диалоговому общению, которое способствует взаимопониманию и совместному решению задач» [1, с. 49].

По мнению Н. Н. Двудичанской, «интерактивное обучение позволяет достичь нескольких целей, из которых особенно важны развитие коммуникативных навыков и универсальных учебных действий. Такой подход способствует эмоциональной связи между учениками, развитию навыков работы в коллективе, умению учитывать мнение товарищей, а также стимулирует мотивацию, укрепляет знания, развивает творческое мышление, коммуникабельность, активную жизненную позицию, уважение к индивидуальности, свободу самовыражения, акцентирует внимание на деятельности, взаимоуважение и демократичность» [2, с. 15].

Интерактивное обучение представляет собой форму образования, в которой взаимодействие между учащимися и образовательными средствами

играет ключевую роль. Оно может проявляться как во время диалоговых уроков, где ученик приобретает опыт через взаимодействие с учителем или своими сверстниками, так и в контексте обучения, основанного на взаимодействии между человеком и компьютером. Компьютерные технологии стали неотъемлемой частью образования, обеспечивая возможность взаимодействия между учеником, учителем и обучающими материалами, которые основаны на информационно-коммуникационных технологиях. Они предлагают интерактивность, мгновенную обратную связь и способность предоставления больших объемов аудиовизуальной информации, соответствующей интересам учащихся.

В педагогической литературе, например, у М. В. Кларина интерактивное обучение обозначает «инструмент освоения нового опыта» [3], в работе И. Н. Семеновской и А. В. Слепухина «Классификация и проектирование методов обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий», интерактивное обучение подразумевает полное включение всех участников учебного процесса в совместную и продуктивную деятельность [4, с. 50]. Оно означает активное взаимодействие между учащимися, учителем и образовательной средой. В данном контексте интерактивность включает в себя взаимодействие участников образовательного процесса непосредственно с образовательной средой или с использованием различных средств, таких, как интерактивная доска, интерактивное телевидение, образовательные компьютерные программы и другие. Все эти понятия объединены в том, что интерактивность подразумевает взаимодействие между участниками образовательного процесса и учебной средой, независимо от того, происходит ли оно напрямую или через посредников.

Основные черты интерактивных методов обучения включают в себя следующие аспекты: возможность свободного обсуждения, активное участие в учебном процессе, проведение множества практических занятий, активную роль ученика, выполнение коллективных задач, систематический контроль во время практических занятий и выполнение письменных работ. Главной задачей интерактивного обучения является стимулирование творческого потенциала учеников и их интереса к учебному процессу, учитывая их собственные предпочтения и интересы.

Среди задач интерактивных методов обучения особенно актуальны следующие:

- повышение интереса учащихся к конкретному предмету;

- приближение учебных занятий к повседневной жизни путем развития навыков эффективной коммуникации;
- развитие стрессоустойчивости;
- обучение навыкам разрешения конфликтов.

Совершенствование навыков общения представляет собой значимую составляющую интерактивного обучения. Коммуникативная компетенция охватывает знания о способах взаимодействия как с окружающим миром, так и с людьми на расстоянии, умения работать в коллективе и усвоение разнообразных социальных ролей в групповой динамике [5, с. 50].

Один из ключевых принципов интерактивного обучения заключается в учете интересов и потребностей учащихся. Обучающий процесс должен быть ориентирован на стимуляцию творческого потенциала учеников и их мотивацию к обучению. Этого можно достичь через использование разнообразных методов, элементов игры, заданий с возможностью выбора и включения реальных примеров из жизни.

Интерактивное обучение представляет собой особую форму организации образовательного процесса, где основное внимание уделяется взаимодействию между участниками, развитию коммуникативных навыков и активной роли учащихся. Использование интерактивных методов обучения, включая информационно-коммуникационные технологии, способствует достижению этих целей и созданию благоприятной образовательной среды.

Формирование коммуникативной компетенции представляет собой процесс взаимодействия, который включает в себя готовность как к передаче, так и к усвоению информации при помощи речи на различных этапах жизни, начиная с начального образования и завершая высшим образованием, а также через систематическое самообучение. Этот процесс образует единую систему развития.

На основании выбора интерактивных методов и форм обучения разрабатываются этапы учебного занятия. Большинство теоретиков и практиков соглашаются относительно последовательности шагов при организации интерактивных уроков: начиная с выявления проблемы в учебном материале, проходя через поиск решения и выбор оптимального варианта, и заканчивая обязательной рефлексией после занятия. Также важными элементами таких уроков выступают диалоги, включая полилоги и дискуссии, которые могут включать в себя современные информационно-коммуникационные технологии в образовании [6, с. 171].

Классификация интерактивных методов обучения в контексте коммуникативных универсальных учебных действий включает в себя:

1) Обучение на основе запросов – этот метод фокусируется на обучении, ориентированном на учащихся, когда учащимся предлагается задавать вопросы, изучать темы и разрабатывать решения в процессе открытия. Учитель выступает в роли посредника, направляя учащихся в процессе обучения и оказывая поддержку по мере необходимости. Данный метод побуждают учащихся исследовать и изучать информацию, чтобы прийти к собственным выводам или решениям. Такой подход способствует развитию навыков критического мышления, навыков решения проблем и самостоятельного обучения. Это могут быть тематические исследования, проблемное обучение и обучение на основе проектов.

2) Проблемно-ориентированное обучение (ПОО) включает в себя представление учащимся реальных проблем или сценариев, а затем мотивирование их к разработке путей решения с использованием критического мышления, сотрудничества и творчества. Учащиеся работают в группах, чтобы разработать и представить свои решения, которые затем оцениваются их сверстниками и учителем. ПОО включает в себя ряд шагов, начиная с определения проблемы или сценария. Затем учащиеся работают вместе, чтобы проанализировать и понять проблему, собрать информацию и определить ключевые проблемы и факторы. После они создают и оценивают возможные решения, совместно работая над выбором наилучшего плана действий. Наконец, учащиеся размышляют о проделанной работе и процессе решения проблем, определяя области успеха и области для улучшения.

3) Обучение на основе проектов предполагает, что учащиеся работают над долгосрочными проектами, которые требуют от них применения знаний и навыков в реальном контексте. Проекты могут быть как предметными, так и междисциплинарными, включая исследования, проектирование и реализацию путей решения проблемы или задачи.

4) Совместное обучение понимается так, что учащиеся работают в небольших группах для достижения общей цели. Метод способствует командной работе, общению и социальным навыкам, а также повышает критическое мышление и способность решать проблемы. Совместное обучение предполагает, что учащиеся работают вместе в группах или в парах для выполнения задач, решения проблем или создания чего-либо.

5) Обучение на основе игр включает использование игр или симуляций для обучения содержанию и развития навыков. Игры могут быть

разработаны для имитации сценариев реального мира, позволяя учащимся практиковаться в решении проблем, принятии решений и критическом мышлении в безопасной и увлекательной среде. Игровое обучение может принимать различные формы, от простых онлайн-викторин до сложных виртуальных миров. Некоторые примеры игровой деятельности по обучению включают в себя: образовательные игры; моделирование; геймификация; дополненная реальность.

б) Технологические методы относятся к использованию цифровых технологий, таких как компьютеры, планшеты, смартфоны и Интернет, для поддержки и улучшения процесса преподавания и обучения.

Интерактивные методы обучения играют особую роль в развитии коммуникативной компетенции учащихся. Они позволяют учащимся активно взаимодействовать друг с другом, обмениваться знаниями, идеями и мнениями, а также решать задачи и проблемы в коллективе. Такой подход способствует развитию учеников как активных участников учебного процесса, способных эффективно общаться, высказывать свои мысли, слушать и уважать мнение других людей.

#### **Список литературы:**

1. Козлова, В. А. Интерактивные и проектные методы в обучении информационно-коммуникационным технологиям. Педагогика. Москва – 2008. С. 49
2. Двурличанская, Н. Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций. Москва, Просвещение. 2011. С. 15.
3. Кларин, М. В. Интерактивное обучение – инструмент освоения нового опыта. Педагогика [Электронный ресурс]. Москва - 2007. №7. – Режим доступа: [https://portalus.ru/modules/shkola/rus\\_readme.php?subaction=showfull&id=1191928437&archive=&start\\_from=&ucat=](https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1191928437&archive=&start_from=&ucat=)
4. Семенова, И. Н., Слепухин А. В. Классификация и проектирование методов обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2013. №5. С. 48-52. – Режим доступа: <https://www.edscience.ru/index.php/jour/article/view/178>
5. Хуторской, А. В. Общепредметное содержание образовательных стандартов [Электронный ресурс]. Москва: Изд-во ИНОТ. 2002. – Режим доступа: <https://clck.ru/34QqLG>
6. Коротаева, Е. В. Интерактивное обучение: вопросы теории и практики обучения [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. Екб. - 2012.

№2. С. 171-174. – Режим доступа:  
5750a98c1a28abcf0cd1107d.html?page=1

<https://vdocuments.site/>-

## СОЦИЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ПРОЕКТ В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

**Барковская Алла Викторовна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** Проект социальной онтологии в том формате, в котором он разрабатывается в век междисциплинарных и трансдисциплинарных методологий, – не столь давнее событие несмотря на то, что природа социального интересовала еще античную философию. Однако множество интерпретаций проблемного поля социальной онтологии, природы социального, роли метафизики и ее базовых принципов в построении онтологии социального и т.д. свидетельствует о незавершенности и сложности начатой работы. Онтология по-прежнему занята исследованием природы сущностей, но в то же время проводит четкие различия между естественнонаучной и социально-гуманитарной методологией их изучения. Элиминация привычных аналогий между «социальным» и «естественнонаучным», во многом привычных для социальных теоретиков, – гарант успеха в понимании специфики сферы социального мира, а значит, и особенностей проведения социального эксперимента, получения социальных фактов и условий обоснования последних.

**Ключевые слова:** метафизика; онтология; социальная онтология; социальный объект; социальная сущность; эксперимент; факт; конструктивизм, редуктивизм

### SOCIAL ONTOLOGY AS A PROJECT IN POST-METAPHYSICAL PHILOSOPHY

**Barkovskaja Alla V.,**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy,  
Belarusian State University

**Abstract.** The project of social ontology in the format as it is being developed in the age of interdisciplinary and transdisciplinary methodologies is not so long ago, despite the fact that the nature of the social was interested in ancient philosophy. However, many interpretations of the problem field of social ontology, the nature of the social, the role of metaphysics and its basic principles in the construction of the ontology of the social, etc. indicate the incompleteness and complexity of the work begun. Ontology is still engaged in the study of the nature of entities, but at the same time makes clear distinctions between the natural science and socio-humanitarian methodology of their study. Elimination of the usual analogies between "social" and "natural science", which are largely familiar to social theorists, is a guarantee of success in

understanding the specifics of the sphere of the social world, and hence the peculiarities of conducting a social experiment, obtaining social facts and conditions for substantiating the latter.

**Keywords:** metaphysics; ontology; social ontology; social object; social essence; experiment; fact; constructivism; reductivism

Современная онтология, предметно отличающаяся от так называемой онтологии созерцания, является результатом как целого ряда трансформаций философского дискурса, так и процессов социальной динамики. Уже в первой трети XX в. радикально меняется отношение философов к гносеологизму, методологизму и субъективизму, что, собственно, и возродило интерес к проблемам онтологии в разных областях естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, что впоследствии инициировало выход за границы дисциплинарного знания в сферу меж- и трансдисциплинарных исследований.

Постметафизическая традиция – это время очищения ума, в первую очередь, от умозрительности и субстанциальности классики, конвергенции философских течений, анализа проблем на стыке онтологии, гносеологии и антропологии, кардинального изменения масштабов и видов социальных практик. В этом контексте онтологическая проблематика занимает далеко не тривиальное место, особенно на фоне достаточно резкой критике метафизической традиции, коррелятивно связанной с онтологией, без ее упоминания по любым поводам никто не обходится. И это во многом связано с тем, что философское сообщество не готово распрощаться с метафизикой, ибо и сегодня испытывает потребность в комплексных представлениях о реальности мира, о конкретных формах собственного опыта и т.д. Современные технологии не только погрузили нас в виртуальную реальность, но и реанимировали старую метафизическую проблему, связанную с выяснением ряда вопросов: на чем основана природа реальности – на идеях ума или она существует отдельно и независимо от знания и сознания? Возможно ли возвращение к реальности в ее онтологической первозданности?

Интересно, что и в XXI в. тема корреляции метафизического и социального находится в повестке социальных исследований, хотя, на взгляд Р. Мейсон и К. Ричи, работа над социальной онтологией ведется уже несколько десятилетий, однако в наличии минимум публикаций по социальной метафизике и только один учебник включает ее в качестве темы. В этом случае важно преодолеть традицию, связанную с элиминацией

социальных сущностей из-под патронажа господствующей метафизики, путем переосмысления некоторых общепринятых метафизических допущений, поскольку, на их взгляд, отсутствуют веские основания полагать, что социальные факты, виды, группы, институты и структуры не подпадают под сферу действия метафизики. Социальные сущности не только имеют место в метафизических исследованиях, они заслуживают особого внимания. И даже, если эти социальные сущности не существуют, это все равно метафизический вопрос, поскольку вписывается в общее метафизическое исследование факта существования определенных социальных сущностей. К тому же некоторые темы социальной метафизики лежат на пересечении метафизики и других областей философии, в частности, политической философии, феминистской философии или этики [1].

Собственно, социальная онтология затрагивает базовые вопросы о природе социального мира, его характере, свойствах, действующих лицах и т.д. Она занимается и анализом различных сущностей в мире, возникающих в результате социального взаимодействия. Философский контекст связан с идеей осмысления феномена общества как такового, с экспликацией оснований общественного согласия людей, поэтому в социальной философии с достаточной степенью условности выделяют три рубрики, как репрезентантов проблемного поля, – социальное воспроизводство, социальный субъект и социальное программирование. Данный триумвират актуализирует вопросы, выясняющие «Что такое общество?», «Кто является социальным субъектом?» и «Возможно ли изменить общество?». Ответы на эти вопросы зависят от сложившихся и функционирующих социальных программ как систем теоретических и методологических принципов, ориентирующих и направляющих исследовательскую деятельность. Различия между программами зависят от принятой ими научной методологии анализа общественных явлений. Сами программы конкретизируются и реализуются в адекватных им теоретических картинах изучаемой сферы реальности (или того или иного класса объектов).

В этом контексте в социальной философии выделяют: 1) классическую традицию с ее позитивистской установкой возможности получения объективного знания, формирования субстанциальных представлений об обществе и природе социальных объектов, диагностике социальных изменений, технологии их измерений и верификации; 2) социальный конструктивизм, преодолевающей установки классики, и переносит акценты с рефлексивного анализа социальных объектов на

социальные практики и механизмы конституирования социальных компонентов, нередуцируемые к социальным технологиям; 3) социальный конструкционизм, понимающий социальность в качестве процессуальной, плюралистичной и открытой системы. Понимание процессов социального воспроизводства рассматривается в качестве ресурса для социального программирования, где общество – перманентный процесс.

Все эти подходы формируют в целом разные модели онтологий, но при этом встает вопрос, для каких социальных сущностей еще требуется разработать онтологию, на чем следует сосредоточить внимание при исследовании социального мира? Б. Эпштейн полагает, что существует множество онтологических категорий, которые могли бы быть разумными кандидатами на эту роль, например, социальные объекты (корпорации, университеты, толпы и долги), социальные свойства (такие как президентство и др.), общественные события (олимпийские игры или вторая мировая война), социальные типы, такие как расы, классы и т.д. Социальная онтология занимается не только выяснением вопроса о том, какие социальные объекты существуют, но и какими свойствами они обладают. При этом она должна брать в расчет и несоциальные объекты, но обладающие социальными свойствами [2, p. 151].

Социальная онтология, согласно В. Epstein, может быть представлена в виде двух проектов: 1) проекта обоснования, связанного с исследованием условий получения социальных фактов, которые являются метафизически достаточными причинами для их существования; 2) якорного проекта, ориентированного на выяснение того, что создает эти основополагающие условия для того, чтобы социальные факты были такими, какие они есть. Факт, как он обычно понимается в современной метафизике, является частью мира. Социальный мир включает в себя широкий спектр фактов, которые могут быть обоснованы удивительно разными способами, поэтому исследование оснований, как правило, более важно, чем исследование якорей. Скрупулезное философское исследование обоснования потенциально может способствовать успешному выполнению этого важнейшего шага в построении социальных моделей [2, p. 163].

Специфика социальной онтологии видится и в том, что она строится на основаниях, отличных от ее естественнонаучной версии, где эксперимент во многих случаях играет решающую роль в установлении эмпирических фактов и связей между ними. При исследовании реальности естественнонаучная онтология стремится обнаружить и зафиксировать в теории материальные основания природных объектов, их атрибуты и

отношения, складывающиеся между ними. Она явно или неявно опирается на некоторые фундаментальные положения физики (принцип элементарности, принцип сохранения, принцип детерминизма, принцип симметрии и др.). Природа социальных экспериментов качественно иная, поскольку социальные эксперименты обычно неповторимы, порой имеют лишь отрицательный исход, а их успешная результативность может быть, скорее, локальной, которая не поддается обобщению. Часто социальные теории опираются на достаточно условную статистическую информацию, возможность экстраполяции которой неочевидна, либо вообще базируется на некоторых смутных обыденных представлениях [3, с. 81]. В связи с этим И.Т. Касавин ссылается на позицию датского философа Финна Колина, который задается вопросом: различаются ли в своей реальности физические и социальные факты, являются ли первые из них более объективно сущими? В какой степени социальная реальность есть плод конвенции? Задаваясь этими вопросами, Колин критически анализирует сферу и границы конструктивистских доктрин [3, с. 75].

Так или иначе в социальных науках нет единого мнения по ряду принципиальных вопросов, связанных с разным толкованием понятий «социальная реальность», «социальный факт» (например, для реализма факты всегда даны в наличии, а для постмодернизма – они неуловимы), «социальный эксперимент», «социальный субъект», «социальный объект» и др. Б. Эпштейн полагает, что «объяснительные» и «предсказательные» неудачи социальных наук связаны, в первую очередь, с ненадежностью и аморфностью их онтологических оснований (так называемая «муравьиная ловушка» социального знания), которые необходимо переосмыслить (rebuilding). Для этого нужно отказаться, к примеру, от чрезвычайно востребованной в социальных науках аналогии между «социальным» и «естественнонаучным», т.к. она построена на принципе, что объекты социального знания основаны на поступках отдельных индивидов, подобно тому, как поведение муравьиной колонии якобы должно складываться из суммы инстинктов отдельных муравьев. Свою задачу он видит в стремлении показать, что философы и социальные ученые излишне антропоцентрируют социальный мир, последний никак не должен рассматриваться в таком ракурсе [4, с. 585].

В современной философской литературе в области социальной онтологии в качестве референтных представляют пять программ: СИФ-программа («коллективная интенциональность + институциональные факты») Дж. Сёрля; Кембриджская программа» Т. Лоусона; «Критический

реализм» М. Арчер; «Другой институционализм» (Дж. Сёрль, А. Грейф, Ф. Гуала); «Гафтская программа» Б. Эпштейна [4, с. 575-576].

Социальная онтология без сомнения – это продукт междисциплинарных и трансдисциплинарных стратегий исследования социального мира, в ходе которых появляется возможность более детально и предметно эксплицировать базовые принципы устройства социальной реальности, определить специфику социальных объектов, их свойства и т.п. Поиск ответов на многие неординарные вопросы социальной онтологии, расширение сферы применения метафизики в области социального и убедительное обоснование такой необходимости свидетельствуют о незавершенности начатой работы, тем более что социальный мир так изменчив и непостоянен.

#### Список литературы

1. Mason, R. Social Ontology/ Routledge Handbook of Metametaphysics/ R. Mason, K. Ritchie / R. Bliss & J. Miller (Eds.), Routledge) - In Ricki Bliss & James Miller (eds.), Routledge Handbook of Metametaphysics. 2020: <https://philpapers.org/rec/MASSO-3>.
2. Epstein, B. A Framework of Social Ontology. Philosophy of Social Sciences/ B. Epstein. – 2016. – 46(2). P. 147—167: <https://doi.org/10.1177/0048393115613494>
3. Касавин, И. Т. Социальная онтология и социальная эпистемология/ И.Т. Касавин / Эпистемология & Философия науки. – 2014 –Т. XL – № 2. – С. 74-84.
4. Орехов, А.М. Социальная онтология Эпштейна/ А.М. Орехов/Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2022. – Vol. 26. - No. 3. – С. 572—581.

## ГЕНЕЗИС ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

**Барсук Ирина Александровна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и  
идеологической работы УО «Академия МВД Республики Беларусь»

**Александренков Юрий Викторович,**

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической  
политики и государственного управления Академии управления при Президенте  
Республики Беларусь

**Аннотация.** Осуществляется попытка выявления духовно-теоретических истоков процесса становления цивилизационной идентичности восточных славян. Обосновывается дискуссионность исследуемой проблемы в контексте постсовременности: проблема эволюции и единства восточных славян; проблема многозначности термина, используемого применительно к восточнославянскому региону; проблема цивилизационной амбивалентности восточных славян.

**Ключевые слова:** идентичность; социокультурная идентичность; цивилизационная идентичность; восточные славяне; цивилизация.

## GENESIS OF CIVILIZATIONAL IDENTITY OF THE EASTERN SLAVS

**Barsuk Irina Aleksandrovna,**

Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of  
Philosophy and Ideological Work of the Educational Institution Academy of the Ministry of  
Internal Affairs of the Republic of Belarus

**Aleksandrenkov Yuri Victorovich,**

Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of  
Economic Policy and Public Administration of the Academy of Public Administration under  
the aegis of the President of the Republic of Belarus.

**Annotation.** An attempt is being made to identify the spiritual and theoretical origins of the process of formation of the civilizational identity of the Eastern Slavs. The authors substantiate the discussion of the problem under study in the context of postmodernity: the problem of evolution and unity of the Eastern Slavs; the problem of the ambiguity of the term used in relation to the East Slavic region; the problem of the civilizational ambivalence of the Eastern Slavs.

**Keywords:** identity; sociocultural identity; civilizational identity; Eastern Slavs; civilization.

Современная концепция цивилизационного развития основана на принципе этнокультурного полицентризма. Однако при более тщательном рассмотрении оказывается, что за кажущейся ясностью формулы «единство в многообразии» или «многообразие в единстве» лежит ряд проблем, непростых в концептуальном отношении и нелегких в смысле практического решения. Противоречивые оценки о роли и статуса восточных славян могут оказаться отвлеченными, если не обращать серьезного внимания на становление «сложноорганизованного набора надбиологических программ» [1, с. 9], которые хранятся и передаются в обществе в качестве культурной традиции. Вне их уяснения и экспликации трудно рассчитывать на адекватное понимание и научно-обоснованную прогностику в области социально-экономической и политико-институциональной динамики сообщества восточнославянских народов. В этой связи, в современном обществознании, в контексте определения цивилизационной специфики восточных славян ясно прослеживается традиция употребления понятия «идентичности» при исследовании данной этносоциальной общности. Поэтому, как отмечают многие современные исследователи, необходимо обратить внимание на то, что «идентичность современного человека переживает кризис». Верно и то, что возник кризис многих коллективных идентичностей. Индивидуальная идентичность начинает быть более сложным образованием, а иногда и чем-то вроде «полиидентичности» [2, с. 161]. Однако идентичность по-прежнему строится на определенном ценностном ряде, включающем понятия «патриотизма», «долга», «уважения к истории и культурным традициям», а уровень национально-культурной идентичности понимается в широком обобщенном смысле и рассматривается как интегративный, рационально конструируемый феномен, образующий «культурную скрепу» для проживающей на одной этнической территории коллективной общности [3].

Указанный ракурс исследования позволит выявить консолидирующие и дифференцирующие тенденции в процессе этнокультурной идентификации восточного славянства, инициирующие отличие в степени гомогенности процессов социокультурной динамики. Известный ученый-медиевист У. Эко в статье «Средние века уже начались» отмечает: «Всякая попытка установить полное соответствие Средневековья с нашей эпохой была бы наивной хотя бы по тому, что мы живем в период невероятно ускоренных процессов. Следовательно, параллель, если она допустима, должна устанавливаться между некоторыми моментами и ситуациями

нашей цивилизации. Средние века можно свести к некоему подобию абстрактной модели, которая будет итогом выбора, фильтрации, и выбор будет зависеть от вполне определенной цели. Наша же цель в том, чтобы иметь в распоряжении историческую картину, к которой можно было бы примерять тенденции и ситуацию нашего времени» [4].

Дискуссионность исследуемой проблемы предполагает важность обозначения следующих спорных вопросов.

1. *Проблема эволюции и единства «восточных славян».* В этой связи необходимо остановиться на территориальной идентичности, предполагающей выявление цивилизационной основы и выражающейся в образовании топонима «Русь» со специфическим смысловым пониманием идентифицируемой территории. Главный аспект этого процесса – этно-территориальные границы восточных славян, так как исследователи обращают внимание на трудности развития интеграционных процессов столь обширной и сравнительно мало заселенной территории, такой как восточноевропейская равнина. Согласно современным данным археологии, антропологии, этнологии и лингвистики славянской прародиной в середине I тыс. до н. э. является район Повисленья. К началу новой эры эта территория простиралась от Одера до Верхней Припяти, а, по мнению некоторых исследователей [5], – до Правобережья Среднего Днепра к югу от Припяти и на юг до границы со степью. В VI–VII вв. – складывается единый этноним – «словене». В ходе их расселения на обширных просторах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, взаимодействия с местным этническим субстратом происходило накопление локальных, местных различий, и с VII – VIII вв. начинают выделяться его региональные группировки. Часто «словене» связывают с западными, восточными и южными славянами, но такое деление появилось уже в X – XI вв. Тем не менее, в истории и археологии восточных славян связывают с восточной ветвью пражско-корчакской культуры, которая достигла Правобережной части Среднего Поднепровья, где на ее основе сформировалась лука-райковецкая археологическая культура [6, с. 28-45].

Нарративные памятники древнерусской письменности дают прямой ответ на вопрос: каково представление о совокупности восточных славян как особом едином народе? В записе «Повести временных лет» под 882 г. говорится, что в дружине Олега были «варяги, и славяне, и прочие, прозавшиеся Русью» [7, с. 138]. В целом, понятие «Русь», «Русская земля», «русский» и подобные употребляются в «Повести...» более 270 раз, причем в подавляющем большинстве случаев имеют отношение ко всем

восточнославянским народам либо их землям. Понятия эти первоначально возникли в Среднем Поднепровье, регионе Киев–Чернигов–Переяславль, а по мере расширения владений Киевской Руси распространяются на весь восточнославянский территориально-этнический массив. В своих сочинениях византийский император Константин VII по прозвищу Порфирогенит Багрянородный, который занимал престол с 945 по 959 гг., упоминает «народ рос» и «страну Росию» [8, с. 96]. Уже в IX в. сформировалось представление о «Русской земле» как едином государстве, охватывающем этническую территорию восточного славянства.

*2. Проблема многозначности термина, используемого применительно к восточнославянскому региону.* Именно в этой связи следует обратить внимание на то, что сам концепт «восточнославянская цивилизация» в последние десятилетия стал предметом перманентных дискуссий и обсуждений. Иногда используются такие синонимичные определения: «российская», «православная», «восточно-христианская» и др. В связи с этим необходимо сделать ряд пояснений: 1) определять Россию как государство-цивилизацию не совсем точно, так как в автохтонных территориальных границах ее можно рассматриваться лишь как часть восточнославянской общности; 2) говорить о православной цивилизации также не совсем правильно: во-первых, цивилизация не тождественна конфессиональному пространству; во-вторых, христианство не сводится к православию, так как восточные славяне исповедуют также католицизм, старообрядчество, протестантизм; 3) название восточно-христианская цивилизация также не совсем корректно применять с точки зрения цивилизационной динамики, так как пространство восточно-христианской общности состоит из территорий независимых государств, в которых восточное христианство исповедуется большинством населения. К таковым относятся: Армения, Беларусь, Болгария, Греция, Македония, Россия, Румыния, Сербия, Хорватия, Черногория. Поэтому оптимальным, наиболее корректным и наименее ангажированным, соответствующим цивилизационным критериям, представляется определение «восточнославянская цивилизация», которое фиксирует этнический показатель восточнославянского суперэтнуса.

*3. Проблема цивилизационной амбивалентности восточных славян.* Начиная с «Философических писем» русского философа П. Я. Чаадаева, концептуальное осмысление русской истории и культуры подчинено в основном выяснению специфики Российской империи между Западом и Востоком, особенностей русской культурной традиции. Еще

В.О. Ключевский считал, что в историческом отношении Россия, которая в XIX в. включала территорию современных государств Беларуси и Украины, – это «переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые влекли ее к Азии или в нее влекли Азию» [9, с. 47]. Эта уникальная специфика отражена и в художественно-поэтических формах. А.С. Пушкин писал: «История России требует другой мысли, другой формулы», Ф.И. Тютчев отмечает: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить» т.д. В целом попытка объяснить «загадку России», органично прослеживается сквозь призму проблемы «русской идеи», трактованной рядом философов как выражение смысла существования России в мире, ее исторической судьбы и исторической миссии. Однако славянофилов и западников, как и многих мыслителей XIX в. интересовало лишь место России по отношению к Европе и славянскому единству.

Сегодня, в эпоху социальной турбулентности, Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь получила конкретно-историческое выражение на национальном уровне в идеологии, нормативных и правовых актах белорусской государственности. Поэтому одним из наиболее важных направлений научных исследований в области отечественной философии является концептуально-теоретическое обоснование программы формирования национально-патриотического сознания белорусского общества на основе философского осмысления духовных традиций и их взаимосвязи с культурным наследием русского, украинского и других европейских народов.

#### **Список литературы**

1. Степин, В.С. Философия как рефлексия над основаниями культуры / В.С. Степин // Эпоха перемен и сценарии будущего : избранная социально-философская публицистика. – М., 1996. – С. 8–20.
2. Лекторский, В.А. Философия, познание, культура / В.А. Лекторский. – М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.
3. Астафьева, О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности / О.Н. Астафьева // Вопросы социальной теории: научный альманах [Электронный ресурс]. – 2010. – Т. 4: Человек в поисках идентичности – С. 255–281. – Режим доступа : <http://iph.ras.ru/page11097421.htm>

4. Эко, У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258 – 267.
5. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
6. Риер, Я.Г. Народы Центральной и Юго-Восточной Европы : в 2 ч. / Я.Г. Риер. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – Ч. 1 : Славяне и их соседи в средние века. – 512 с.
7. Повесть временных лет; подготовка текста, примеч. О.В. Творогова ; пер. с древнерусск. Д.С. Лихачева. – М. : Эксмо, 2012. – 320 с.
8. Древняя Русь в свете зарубежных источников ; под ред. Е.А. Мельниковой. – М. : Логос, 1999. – 605 с.
9. Ключевский, В.О. Сочинения : в 8 т. / В.О. Ключевский. – М. : Политиздат, 1957. – Т. 2 : Курс русской истории. – 467 с.

## **ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОЦИОДИНАМИКИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

**Бобр Александр Михайлович**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В материалах анализируется роль и значение демографического фактора социодинамики. Рассматриваются основные подходы к анализу демографических процессов в истории философской мысли. Раскрываются причины обострения демографической ситуации на рубеже XX-XXI вв. Исследуется демографическая ситуация в Республике Беларусь и ее влияние на социокультурное развитие республики.

**Ключевые слова:** социодинамика; демографический фактор; популяционизм; мальтузианство; демографический взрыв; демографический кризис.

## **DEMOGRAPHIC FACTOR OF SOCIODYNAMICS IN THE CONDITIONS OF TURBULENT DEVELOPMENT OF SOCIETY**

**Bobr Alexander Mikhailovich,**

PhD in Philosophy, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the  
Department of Philosophy and Methodology of Science  
Belarusian State University

**Abstract.** The materials analyze the role and significance of the demographic factor of sociodynamics. The main approaches to the analysis of demographic processes in the history of philosophical thought are considered. The reasons for the aggravation of the demographic situation at the turn of the XX-XXI centuries are revealed. The demographic situation in the Republic of Belarus and its impact on the socio-cultural development of the republic are investigated.

**Keywords:** sociodynamics; demographic factor; populationism; malthusianism; demographic explosion; demographic crisis.

В настоящее время в огромном море философских исследований доминирует социально-философская проблематика, в которой важнейшее место занимает анализ различных факторов, детерминирующих социодинамику. Большое количество научных работ посвящено исследованию экономических, природных, политических факторов,

влияющих на развитие социальных структур. На наш взгляд, недостаточное внимание уделяется анализу места и роли демографического фактора в динамике современного общества. Следует отметить, конечно, что имеется ряд интересных качественных работ по демографическим проблемам современности (Д. И. Валентей, А. Я. Кваша, А. Г. Вишневский, С. Капица и др.). Но в большинстве из них, как правило, рассматриваются прикладные аспекты демографии, приводятся теоретические, статистические данные, анализируются те или иные стороны демографических проблем как в глобальных, так и в региональных аспектах их проявления. Поэтому актуальным представляется философский анализ демографического фактора социодинамики, предполагающий системные исследования не только истории его влияния на характер и темпы развития общества, но и современных тенденций проявления данного влияния. Особенно актуализируют указанную задачу реальные, динамично проходящие сейчас процессы глобализации, модернизации общества, вызывающие социальную напряженность и турбулентность.

Демографический фактор развития общества постоянно находился в сфере внимания философов. Это можно проследить в становлении философской мысли в различных эпохах и регионах. Так, например, Конфуций развивал идею необходимости оптимального числа населения, способного обеспечить качественную обработку земли и достаточность сбора налогов. Это обеспечивало бы отсутствие обнищания и праздности. Античные философы Платон и Аристотель высказывали мысли о государственном регулировании роста и движения населения, предполагающем принудительное переселение части жителей в колонии, повышение брачного возраста и др. Даже в период средневековья мыслители отмечали роль народонаселения в развитии общества. Так, например, Фома Аквинский отмечал необходимость роста численности населения, так как это ведёт к увеличению рабочей силы в хозяйстве, росту налогооблагаемой массы, укреплению армии и обороноспособности. По сути дела, в это время закладываются основы особого направления в демографической политике под названием популяционизм, выступавшего за необходимость роста народонаселения. Данную тенденцию можно проследить и в русской традиции. Так, например, в своем трактате «О сохранении и размножении Российского народа» М.В. Ломоносов предлагает ряд как административно-правовых, так и культурно-просветительских мер, направленных на создание благоприятных условий для роста населения. Среди них особо следует отметить такие меры как, во-

первых, устранение причин бегства российских граждан за границу и, во-вторых, привлечение в страну людей из-за границы. Хотя эти идеи высказывались в середине 18-го века, но они не потеряли свою актуальность и в настоящее время.

Для справедливости следует отметить и наличие другого, противоположного популяционизму, направления в демографической политике – мальтузианства. Сторонники данного направления в росте населения видели угрозы для цивилизации. Они объясняли причины бедности и пауперизма бурным увеличением количества населения, его перенаселённостью. Поэтому они выступали за политику предупреждения избытка населения. Регуляция численности населения, по их мнению, идёт как разрушительными, аморальными факторами (война, эпидемии, голод), так и сознательными, моральными (христианский аскетизм, безбрачие, позднее вступление в брак). Как показывает современная реальность, данные идеи имеют актуальное звучание и в настоящее время, они находят свое отражение в различных доктринах и в XXI веке.

На рубеже XX-XXI вв. интерес к анализу демографического фактора социодинамики значительно вырос. Это обусловлено действием двух ярко проявившихся противоположных тенденций. Во-первых, бурным ростом количества народонаселения в ряде стран и регионов, что получило название демографического взрыва. Во-вторых, обострением демографической ситуации во многих странах, выражающейся в процессах депопуляции, падения рождаемости, старения населения. Действие данных тенденций ярко продемонстрировало влияние демографического фактора не только на экономическую и политическую сферу общества. Ведь различные аспекты этого влияния и раньше анализировались в экономической, социологической, политической литературе. Но в настоящее время стало активно исследоваться роль и значение демографического фактора в социальной, духовной сферах общества, в системе этноконфессиональных отношений. При этом большое внимание стало уделяться изучению обратного влияния вышеуказанных сторон функционирования общества на сами демографические процессы. Так, например, было показано действие религиозных факторов на решение демографических проблем. Уровень религиозности населения, этноконфессиональные отношения способны оказывать влияние на протекание демографических процессов (репродуктивное поведение населения, уровень рождаемости, брачность, разводимость и т.д.).

Демографический фактор оказывает большое влияние и на социально-экономическое развитие Республики Беларусь, которая в начале 90-х годов XX века вступила в полосу демографического кризиса. Эмпирическими показателями данного кризиса стали такие явления, как уменьшение общей численности населения, сокращение рождаемости, установки семей на малодетность, старение населения и т.д. До 1995 года в республике отмечается устойчивый рост населения, численность которого в 1994 году составила 10243 тыс. человек. Последующие годы характеризуются устойчивым уменьшением численности населения, в результате которого в 2023 году в Беларуси насчитывалось 9200 тыс. человек. За период 1995–2023 численность населения сократилась на 1043 тыс. человек, или на 10,2%.

Системный социальный кризис в 90-х гг. XX в., последствия Чернобыльской катастрофы, внешняя миграция, снижение рождаемости, старение населения привели к суженному демографическому воспроизводству в Беларуси. Осознание серьезности положения обусловило необходимость разработки национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь, что было зафиксировано в принятом в 2002 году законе «О демографической безопасности Республики Беларусь». В нем отмечаются демографические угрозы, которые отрицательно влияют на устойчивое развитие Республики Беларусь. Среди них наиболее опасными являются: а) снижение уровня рождаемости, в результате чего не восполняется численность населения; б) неблагоприятная возрастная структура населения, связанная со старением населения; в) деградация института семьи, выражающаяся в уменьшении числа браков, в росте количества разводов. Для минимизации негативных последствий указанных угроз предусматривается ряд мер социально-экономического, нормативно-правового, духовно-нравственного характера, призванных обеспечить демографическую безопасность республики.

## **КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР «ВСПЛЕСКА» ПЕРЕМЕН ВО ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ**

**Беляцкая Елизавета Владимировна,**

аспирант кафедры философии и методологии науки  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** Целостность личности связана с такими понятиями, как идентификация, идентичность личности и кризис идентичности. И влияние современного многослойного и антиномного контекста бытия человека на становление идентичности, на разрешение кризисов идентичности отдельного человека представляет особый интерес для междисциплинарного исследования, попытка которого предпринимается в статье.

**Ключевые слова:** идентичность, кризис, власть, поздняя современность, личность.

## **IDENTITY CRISIS AS A FACTOR IN THE "SURGE" OF CHANGE IN POWER RELATIONS IN THE LATE MODERN ERA**

**Belyatskaya Elizaveta Vladimirovna,**

Postgraduate student of the Department of Philosophy and Methodology of Science,  
Belarusian State University

**Annotation.** Personality integrity is connected with such notions as identification, personal identity and identity crisis. And the influence of modern multilayered and antinomian context of human existence on the formation of identity, on the resolution of identity crises of an individual - remains a topic for interdisciplinary reflection.

**Key words:** identity, crisis, power, late modernity, personality.

Кризисом идентичности называется такой период формирования личности, когда человек находится в поиске своей роли и предназначения в социуме. Для такого периода характерно ощущение человеком утраты или идентичности и столкновение с проблемой самоопределения. Проблематикой кризиса идентичности занимался вплотную Э. Эриксон. Он считал, что многие люди для того, чтобы избежать наступления этого кризиса, прибегают к специальному ускорению процесса самоопределения. А это приводит к тому, что разум молодого человека начинает постепенно

оправдывать существование предопределённости и, соответственно, не может полностью реализовать свой потенциал [2].

Э. Эриксон интересовался психоанализом и, в итоге, разработал собственную концепцию, где главную роль, с его точки зрения, в формировании личности играет Я, которое отвечает за психическое здоровье личности и её процесс самоидентификации, а также за сопричастность и полноценность. Я-психология Э. Эриксона трактует развитие личности как движение, которое имеет 8 стадий развития, от рождения человека до его смерти. При этом каждая стадия имеет кризисный характер перехода и, в результате такого кризиса, личность или продвигается в нужном направлении или движется в направлении ослабления собственного Я. Такие стадии заданы генетически, как он считал, и результаты кризиса зависят от социальных факторов. Наиболее принципиальным для становления личности является подростковый возраст.

С точки зрения автора, целостность Я – это итог постепенного вызревания с рождения человека всех предшествующих семи стадий развития и адаптации к победам и поражениям, а также проявление заботы о делах и людях, которые являются продолжателями рода и производителями материальных и духовных ценностей [2].

Особенностью кризисов идентичности является само понятие идентичности как осознание личности в своей принадлежности к какой-либо социальной и личностной позиции в рамках её социальных ролей и его состояния. Идентичность – это эпицентр жизненного цикла любого человека и оформляется она как психологический конструкт в подростковом возрасте. От качественных характеристик её зависит функциональность личности во взрослой жизни.

С точки зрения Э. Эриксона общество играет огромную роль в формировании личности и изменениях личности, и процесс её взросления напрямую сопряжено с той ролью в обществе, которую личность пытается выполнять. Роль в обществе в развитии личности очень близка по характеру биологическому развитию индивида, то есть существует, с точки зрения Э. Эриксона, групповая идентичность, при которой развитие может проходить в группе, в обществе и, соответственно, личность будет на себя примерять определенные роли, которые будут оказывать влияние на генетическое, психосоциальное, психосексуальное развитие личности на разных её стадиях [3].

Большую роль играет и проблема самоопределения индивида. Она выступает как попытка избежать наступления кризиса идентичности.

В этом контексте необходимо выделить разнообразные виды данных кризисов. В современной литературе существует два основных вида кризиса идентичности: это мотивационный кризис, который проявляется в условиях нехватки руководящих обязательств, но при этом индивид стремится к установлению личных целей и ценностей, и эмоциональный кризис. В случае такого кризиса индивид обладает рядом обязательств, но его поведенческие императивы не совпадают с данными обязательствами. Это приводит к оттеснению хотя бы одного из них на задний план [2].

В условиях глобализации происходит усложнение процессов разрешения проблемы самоопределения, потому что возникают дополнительные обстоятельства, которые разрушают целостность личности. Глобализация оказывает большое влияние на мировоззрение современного человека и делает его зависимым от быстрых темпов развития и постоянных изменений в различных сферах жизни. Соответственно, индивид часто не может выделить время для того, чтобы разрешить свой кризис идентичности, либо вообще не прибегает к временным мерам предотвращения данной проблемы, что приводит к утрате связей с окружением. Глобализация также негативно влияет на эффективность исследований в области кризиса идентичности, потому что препятствует возможности рассмотрения частных случаев из-за постоянного процесса адаптации индивидов к новым условиям, тенденциям и ценностям. «Жить в эпоху "поздней современности" (late modernity) значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории. Року и судьбе не отведено никакой формальной роли в этой системе, основанной, в принципе, на том, что я называю открытым человеческим контролем над природным и социальным мирами. Весь мир будущих событий открыт для преобразования людьми – в тех пределах, которые, насколько это возможно, устанавливаются в результате оценки риска. Тем не менее понятия рока и судьбы не исчезают полностью из жизни современного общества, и исследование их природы имеет определенный смысл для анализа категорий современности и самоидентичности» [4, с. 107].

Здесь необходимо рассмотреть трансформацию сексуальности, которая произошла также под влиянием изменения культурных форм взаимодействий самовыражения и сексуальной революции. Наиболее полно

данную проблематику рассматривал в своих работах Э. Гидденс. Он говорит о том, что достижения сексуальной революции привели к формированию определенного феномена, такого как отделение сексуальности от репродуктивной функции, а также признание права женщин на свою сексуальность и сексуальное удовольствие, коммерциализация секса, повышение толерантности к добрачным половым связям, нетрадиционным формам полового акта и повышение толерантности к гомосексуальным отношениям. Тем не менее, Э. Гидденс рассматривает все эти черты нового феномена через такое явление как любовь. Он выделяет три вида любви: любовь-страсть, романтическую любовь и чистые отношения или любовь-привязанность. Любовь-страсть появляется там, где люди освобождены от требований репродукции и рутинной работы. Этой привилегией обычно обладали аристократические группы, и женщины имели свободу для поисков сексуального наслаждения. Но любая страсть никогда не была связана с браком. Она приводит к идеализации другого и к постоянному единению с объектом любви. Страстная любовь также характеризуется освобождающими свойствами, то есть она вырывает индивида из повседневности и социальных институтов. Романтическая любовь отличается преобладанием идеалов возвышенной любви над сексуальными отношениями. Однако в условиях реформирования эмоциональной сферы и института брака происходит изменение положения женщины в обществе, она отделяется от дома и рабочей сферы, делая это двумя независимыми сферами жизни, где она может реализовывать себя. В процессе возрастающего гендерного равенства и женской эмансипации такая романтическая любовь уступает позиции любви-привязанности и любви-слияние. Этот новый тип отношений предполагает под собой равенство [4].

В соответствии с происходящими изменениями в современном мире Э. Гидденс считал, что происходит превращение, которое современную эпоху переворачивает и меняются отношения между полами, и важнейшими мотивами традиционных представлений о половых различиях он выделяет несколько [4].

В современных условиях кодекс нравственности и догм разрушается и происходит разделение любви-привязанности и романтической любви, особенно в контексте того, что она может быть не только гетеросексуальна. Таким образом, происходит слияние любви и отношений, и это не приводит к автоматическому освобождению половой идентичности. Э. Гидденс говорит о том, что демократизация частной сферы в современных условиях находится на первом месте в повестке дня и при этом является необходимым

в выстраивании хорошего качества личной жизни, которая развивается теперь в отношениях как самооценność.

В рамках данной проблематики необходимо коснуться также понимания в целом изменений, которые происходят в современном мире и рассмотреть понятие текущей современности, которое ввел З. Бауман. Это время позднего модерна, то есть современное общество, где нет веры в прогресс и политические обещания, и этот этап, который также зачастую называется постмодернизмом, характеризуется возрастанием неопределенности и в частной жизни индивида, и в социальной жизни.

Текущая современность представляет собой переход от сложного структурированного мира, в котором существуют различные сети социальных обязательств и условие к гибкому, текущему и свободному от границ и условий миру. То есть происходит отмирание некоторых форм, институтов, институции и слов. Это состояние постоянного перемещения, постоянного перетекания, и в начале такой подвижной стадии, когда идет построение новой действительности, находится человек, который становится все более мобильным и не обременен длительными обязательствами. А всё, что он может создать, он может изменить. Одним из главных факторов выступает близость к источникам неопределенности и способность отдаляться от них. Этот переход, как говорит З. Бауман, влечет за собой изменения в человеческой жизни. З. Бауман отбирает пять основных понятий, которые должны характеризовать жизнь людей в современности. Это индивидуальность, освобождение, время/пространство, сообщество и труд. Он считает, что они постоянно меняются в их практическом воплощении, в их значении в жизни современного общества. Также немаловажным понятием для З. Баумана является свобода. Согласно автору, свобода в ее социальном измерении является социальным отношением, которые связывают человека с другими людьми, а также различными социальными институтами и обществом в целом [1].

Сама по себе модернизация определяется автором как «плавление твердых тел». Степень свободы индивидов как части социального вещества зависит именно от состояния общественного агрегата. Традиционное общество было относительно монолитным, но со временем запас прочности исчез и материал начал «крошиться». Соответственно, классический модерн, который пришел на смену традиции, провозгласил приоритет динамических ценностей, а именно: развитие и совершенствование, то есть движение вперед. Общество, образ которого начал формироваться в эпоху нового времени, характеризовалось уже возрастающими темпами и

скоростями. С точки зрения З. Баумана, современное общество связано с разрушением структур современного общества, то есть с ослаблением давления системы на индивида и формированием новых грант-нарративов. Текущая современность не избавляет общество от старых проблем, а, напротив, усугубляет их – к примеру, ту же проблему товарного фетишизма. Создается впечатление, что текущая современность, несмотря на то что она текущая, лёгкая, не решает проблему человеческой свободы и эмансипации [1].

Глобализация приводит к тому, что повседневный опыт человека сталкивается с семантическими контекстами, которые влияют на усвоение культурных значений. Рыночный характер межличностных отношений, конкуренция, плюральность идентичностей, анонимный характер бытия человека, подмена рефлексии собственных переживаний готовыми схемами, транслируемыми через масс-медиа, порождают имитацию субъектности индивида. Отношения людей начинают сводиться только к взаимодействию на уровне социальных ролей, маски или имиджа, и, как следствие, к отчуждению человека от своей сущности. Также необходимо отметить проблему доминирования прагматизма – идеи тотальной утилитарности, полезности в ущерб нравственным основаниям отношений, – и индивидуализма, представляющего собой расщепленное бытие человека, который пытается стать самодостаточным через неприятие связей с другим, что ведет, в свою очередь, и к нарушению связей внутри самого Я, и к нарушению личной целостности.

Эта беспокойная обстановка текущей современности, сопряженная с кризисом самоопределения и идентификации в контексте глобализационных процессов, влечет за собой и осознание непрочности положения человека в мире и утрату им чувства безопасности.

#### Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Эриксон Э. Г. Детство и общество / пер. [с англ.] и науч. ред. А. А. Алексеев. – СПб.: Летний сад, 2000.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Прогресс, б.г. (1996).
4. Anthony Giddens. Fate, Risk and Security. In: A.Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991, p.109–143.

## ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ГОРОДА

**Булыго Елена Казимировна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философских учений,  
Белорусский национальный технический университет

**Аннотация.** Статья посвящена актуальным проблемам города в ракурсе разворачивания нашей экзистенции, встречи с Иным. Город как топос понимается как процесс и результат социальной самоорганизации, но и смыслопорождения, результатом которого становится особый семиозис. Город рассматривается в сложном и динамичном единстве онтологического, символического и экзистенциального порядков, синергия которых особым образом отвечает на виртуализацию всей культуры. Основные экзистенциалы, раскрывающие существование человека в городе – телесность, темпоральность, страх, заброшенность, свобода. Город как пространство абсолютных возможностей лишает экзистенцию подлинности. Анализируется значение цифровизации и виртуализации, меняющие и городской ландшафт и условия экзистенции, что в будущем приведет к возникновению постгорода, который отличает принципиально новые онтологические, символические и экзистенциальные порядки.

**Ключевые слова:** город, топос, искусственный ландшафт, экзистенция, экзистенциал, темпоральность, виртуализация, постгород.

## EXISTENTIAL LANDSCAPES OF THE CITY

**Bulyha Alena K.**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor, Department the Department of  
Philosophical Teachings  
Belarusian National Technical University

**Abstract.** The article is dedicated to the current issues of the city from the perspective of unfolding our existence and encountering the Other. The city, understood as a topos, is not only a process and result of social self-organization but also a generator of a special semiosis. The city is examined within the complex and dynamic unity of ontological, symbolic, and existential orders, the synergy of which uniquely responds to the virtualization of culture. The fundamental existentials that reveal human existence in the city are corporeality, temporality, fear, abandonment, and freedom. The city, as a space of absolute possibilities, deprives existence of authenticity. The significance of digitization and virtualization, which alter both the urban landscape and the conditions of existence, is analyzed. This will ultimately lead to

the emergence of the post-urban, characterized by fundamentally new ontological, symbolic, and existential orders.

**Keywords:** city, topos, artificial landscape, existence, existential, temporality, virtualization, post-urban.

Любой город от Древнего Междуречья до Метрополисов XXI в. представляет собой подчас непредсказуемую синергию пересекающихся онтологических, символических и экзистенциальных порядков, порождающих уникальную целостность. Основополагающим является город как топос, как особая локальность, объединяющая, организующая и защищающая, означенная и способная это значение передавать дальше, запуская сложный коммуникативный механизм. Все это дает человеку и пространственную укорененность и временную ориентацию. Город как искусственный ландшафт организует социальное и индивидуальное пространство/время; его темпоральность с модусами прошлого, настоящего и будущего и есть забота о вечности (Д.С. Лихачев) [1, с. 392–407].

Городская среда тотальна – находясь в ней, пусть даже не замечая ее архитектурные объемы, колористику, заложенный или нарушенный ритм улиц и дорожных развязок, мы argiogi испытываем ее влияние [2]. Именно пространственная среда искусственных ландшафтов незримо задает способы самоидентификации, условия нашей телесности, возможность проживания своего опыта в современном динамичном и противоречивом мире. Однако, и это очевидно, локальные экзистенции, разворачивающиеся в рукотворном ландшафте, одновременно порождены им и порождают его как особый коллективный семиозис, как процесс и результат саморганизации, который сегодня помимо всего прочего существует как в реальном ландшафте, так и в виртуальном. Следует ли из этого, что город есть и насилие, и пространство абсолютной возможности, условие смыслопорождения и трансцендирования [3, с. 257] – тема отдельной работы.

Город всегда есть проект, в реализации которого сливаются одновременно витальное, социальное и экзистенциальное. Город манифестирует себя и в форме, и в значении как условие трансцендирования, т.е. слияния с Иным на границе миров (приватного-общественного, сакрального-мирского, естественного-искусственного, традиционного-новаторского и пр.) [4]. В этом проекте мы видим разворачивание важнейших экзистенциалов. Так, страх порождает город-крепость, дом, в котором человек себя чувствует защищенным от врагов

внешних и внутренних. Само городское пространство как пространство порядка, понятное и обжитое способствует ощущению «своего» места в противоположность чуждому миру. Страх смерти способствует сохранению старого и/или его обновлению; отрешенность, одиночество, тоска актуализируют общественные пространства, пространства действия, карнавала, игры [5]; они же усугубляются в кварталах типовой застройки, анонимных и растворяющих человека в безликих городских пейзажах. Свобода как важнейший экзистенциал реализуется в городском пространстве как пространстве возможностей, каждая из которых может изменить и человека, и весь мир.

Современный город испытывает на себе влияние виртуализации и цифровизации. Визуальным воплощением этих процессов являются обезличенные спальные районы, бетонная многоэтажность, транспортные потоки, типовые проекты. Трансформация городского ландшафта вызывает подчас драматичные сюжеты поиска самости, усиливает переживание заброшенности и отрешенности. Дальнейшая перспектива двойка: либо мы преодолеваем обезличенность и анонимность, либо город может превратиться в нечто новое, в постгород.

Виртуализация становится частью процесса урбанизации, основанием перехода к постгороду (Д. Н. Замятин) и развитию новых способов и созданию новых «условий для иных, пока еще не очень ясных форм пространственных организаций человеческих сообществ, других манифестаций локальных дискурсов и коммуникаций, в рамках которых воображение реальности в онтологическом плане становится реальностью воображения» [6]. Виртуализация в свою очередь приводит к перестраиванию как символических порядков, так и пространственных, приводя к определенной детерриторизации (Э. Гидденс) [7]. И это не единственное следствие таких изменений. Закономерно предположить, что такие трансформации вызывают переход от индивидуума как социального и неделимого атома к «дивидууму» [8] и тогда мы получаем «персонажи, рассеянные в информационном пространстве социума и делимые на огромное количество идентичностей, манифестаций и социальных ролей, которые взаимодействуют между собой по сетевому принципу» [3, с.262]. Такие социальные изменения в определенном смысле предвосхитил М. Хайдеггер, когда писал, что может произойти: «создание такого человечества, которое находит свой сущностный облик уже и не в “индивидууме”, и не в “массе”, но в “типе”. Тип объединяет в себе, видоизменяя, и неповторимость, ожидавшуюся раньше от индивида, и

единообразие, и универсальность, каких требует общество. Но неповторимость “типа” заключается во впечатляющей заразительности одинакового штампа, не терпящего вместе с тем никакой скучной уравниловки и нуждающегося, наоборот, в своеобразной иерархии...» [9, с. 120].

Увеличение доли городской культуры в глобальном масштабе напрямую связано с тем, что она предоставляет горожанам абсолютно неограниченное число возможностей – витальных, социальных, экзистенциальных. Казалось бы, эта абсолютность возможностей выводит нашу потребность в экзистировании как проективности на новый уровень, позволяя в синхронии и диахронии переживать возможное будущее как ассамбляж набросков, как игровое «забегание вперед». Город как пространство возможностей сегодня предполагает существование особых социальных агентов как обладающих одинаковым онтологическим статусом. Но при этом происходит своего рода лишение настоящего его фактичности, а самого человека – ощущения его укорененности в «здесь-бытии» (М. Хайдеггер). Когда все возможно, отпадает сам интерес к осуществлению в том числе и самоосуществлению. Экзистенция обретает игровой характер. Стремление к подлинности вытесняется к максимальному разнообразию переживаемого виртуального опыта. Связь с реальностью превращается в цифровую манипуляцию. Уход от онтологических доминант, формирование «плоских» онтологий (М. Деланда) изменяют прежние символические связи и полагают человека в новом сетевом мире, децентрированном [10]. Искусственный интеллект, что может заменить человека в таком проекте, выступает как особый ассамбляж связей.

Является ли идея постгорода нашей экзистенциальной перспективой, что отдает дань виртуальному в планетарном масштабе или же это результат очередных социально-экономических/политических манипуляций? Где мы хотим пребывать в будущем, какое место мы будем готовы считать нашим домом – фантастические, но стерильные ландшафты иных планет или космических станций, сохраненные города с богатой историей или виртуальные ландшафты нашего воображения?

### Список литературы

1. Лихачев Д. С. Забота о городе //Книга беспокойств /Статьи, беседы, воспоминания/. — М.: Издательство «Новости», 1991, 528 с.

2. Голдхаген Сара Уильямс. Город как безумие. Как архитектура влияет на наши эмоции, здоровье, жизнь. М.: АСТ, 2021. – 304 с.
3. Алехнович, А.С. Самобытие человека в социальном мире как экзистенциальный проект // Вопросы социальной теории. - Том IX., 2017. - С. 255-268.
4. Булыго, Е.К. Архитектура как «Дом Бытия»: визуальная семиотика города //Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф., РБ, Минск, 25–26 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И. В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. - С. 44-49.
5. Порошенко, О.Ю. Экзистенция города //Вестник ВГУ. Серия Философские науки. 2(140). – 2021., С. 45-51.
6. Замятин, Д.Н. Искусство как сопостранственность: имагинально-онтологическая революция и постурбанизм /Замятин Д. Н. //Светлое будущее? Итоги и перспективы 100 лет спустя. Rome: Edizioni Nuova Cultura, 2019. – С. 143-157.
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity Press, 1990.
8. Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля // Переговоры. 1972–1990 / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2004. – С. 226-233.
9. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
10. Деланда, М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. Введение. - URL: <https://syg.ma/@hylepress/vviedieniie-k-knighie-manuelia-dielandy-novaiafilosofia-obshchestva-tieoriia-assambliazhie-i-sotsialnaia-slozhnost> (дата обращения: 29.10.2023).

# ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАКТИКЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

**Ван Синь**

аспирант факультета философии и социальных наук  
Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Зеленков Анатолий Изотович, доктор философских наук,  
профессор, профессор кафедры философии и методологии науки Белорусского  
государственного университета

**Аннотация.** В настоящее время искусственный интеллект и большие данные тесно интегрированы, что подталкивает высшее образование к направлению «интеллекта» и «персонализации» с различных точек зрения, таких как образовательные ресурсы, педагогика, коммуникация и взаимодействие. Поэтому колледжи и университеты должны столкнуться с новыми изменениями в подготовке талантов в эпоху искусственного интеллекта, активно адаптироваться к интеллектуальной образовательной среде, изменить механизм подготовки талантов и идти в ногу со временем. В данной статье исследуются новые изменения в высшем образовании в эпоху искусственного интеллекта и предлагаются некоторые конкретные механизмы их преодоления.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект; высшее образование; практика изменений.

## A STUDY OF CHANGING PRACTICES IN HIGHER EDUCATION IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

**Wang Xin**

graduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

Scientific Supervisor – A.I.Zelenkov, Doct. of Science, Doctor in Philosophy, Professor,  
Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University

**Abstract.** At present, artificial intelligence and big data have been closely integrated, pushing higher education to the direction of "intelligence" and "personalisation" from different perspectives, such as educational resources, pedagogy and communication and interaction. Therefore, colleges and universities should face the new talent training changes in the era of artificial intelligence, actively adapt to the intelligent education environment, change the talent

training mechanism, and lead the development of the times. This paper studies the new changes in higher education in the era of artificial intelligence, and puts forward some specific coping mechanisms.

**Keywords:** artificial intelligence; higher education; change practice.

With the development and improvement of big data, algorithms and computing power, artificial intelligence technology has brought about significant changes in various fields of society. Higher education needs to meet the new requirements of talent cultivation in the age of artificial intelligence and make corresponding changes. In the face of the convenience and speed of knowledge acquisition, it is necessary to put learning above education; for robots to replace human work, it is necessary to cultivate human creativity; in the face of "Artificial Intelligence +", it is necessary to increase the construction of new majors and the transformation and upgrading of traditional majors.

## 1. Artificial intelligence triggers changes in higher education

### 1.1 Teachers' teaching methods

With the development of artificial intelligence, the role of educators has changed to the mode of "artificial intelligence + teacher". Traditional higher education is lecturer-centred, using standard textbooks and uniform teaching methods, which is not conducive to the individual development of students. Relying on mobile Internet big data, cloud computing and other technological innovations, AI has created many open intelligent education platforms and intelligent learning software. These software platforms have the functions of lecturing, teaching, teacher-student interaction, assessment and analysis, and after-school counselling, thus reducing the teaching burden of teachers and allowing teachers to leave more time and energy for pedagogical innovation, academic research, and teacher-student emotional development.

### 1.2 Student Learning Mode

The traditional university system is a class lecture system, and artificial intelligence can be based on big data to capture students' personal preferences, learning habits, current knowledge level, to design and develop targeted learning content, planning for learning time, according to the learning feedback, to facilitate students to adjust the learning programme, greatly improving the learning efficiency [1, P.22-27]. At the same time, students have more freedom to choose the space and time for learning, classroom organisation is no longer dominated by classroom teaching, discussion, Experimentation and heuristic learning have become the mainstream. In addition, the establishment of large-scale knowledge database, students do not have to spend a lot of time and energy

to find and categorise knowledge points, through the keyword search can be obtained in the shortest possible time to get the information they want to reduce the burden of learning, so that the learning process has become a systematic process of knowledge fusion and knowledge application.

### 1.3 Distribution of teaching resources

If divided by regions and types of colleges and universities, there are great differences in educational resources, and the distribution of educational resources is very uneven. With the development of artificial intelligence, traditional colleges and universities have gradually developed into intelligent education platforms including teachers and intelligent devices. It breaks the limitations of time and space, builds a three-dimensional learning field, realises the synchronous sharing of educational resources, and further promotes educational equity. The distribution of educational resources will be further increased and balanced, creating more space for students to learn independently. In addition, AI can also provide opportunities for special populations to receive higher education.

### 1.4 Aspects of talent cultivation mode

In the era of artificial intelligence, the goal of cultivating higher education talents is to cultivate "composite" talents with innovative ability, independent thinking ability, independent learning ability and sound personality, and at the same time to adjust the structure of talent cultivation, reduce the scale of employment-oriented talent cultivation, and strengthen the general education in which students can independently choose various learning contents, so that the ratio of scaled education and personalised cultivation can be improved. At the same time, adjust the talent training structure, reduce the scale of employment-oriented training, and strengthen the general education for students to choose various learning contents independently, so as to balance the ratio of large-scale education and personalised training. Accelerating the reform of the talent training model is the fundamental requirement for higher education to adapt to the development of artificial intelligence [2, P.98-102].

## 2. Initiatives for Change and Adaptation of Higher Education in the Age of Artificial Intelligence

### 2.1 Updating the concept of higher education talent cultivation

Changing the concept of higher education talent cultivation and talent cultivation goals is a key part of higher education reform in the age of artificial intelligence. Only with a correct understanding of the concept and goals of talent cultivation can we reform and innovate the practice of higher education and talent cultivation. Government, society and universities must work in concert and play an important and constructive role together. With the participation of AI, more

favourable conditions are provided for the government, society and universities to change the concepts and objectives of talent cultivation, mainly in two aspects. Firstly, the current concept of training professionals has been transformed into one that can cultivate talents with comprehensive literacy skills, such as scientific literacy and humanistic literacy. Secondly, by strengthening the trilateral cooperation among the government, society and colleges and universities, the achievement of the goal of cultivating higher education talents can be further promoted.

### 2.2 Optimising the allocation of practical resources in higher education

The important practical resources of higher education is the development of human resources, for the way of talent cultivation as well as the content, as the main body of talent cultivation, teachers must constantly strengthen and change the educational content and educational methods of higher education, and at the same time, constantly update their reserves of AI knowledge and educational literacy. For example, colleges and universities can actively cooperate with enterprises, especially leading enterprises in AI technology, and establish a talent training cooperation platform to help enterprises update the latest cutting-edge AI knowledge, promote student growth and talent cultivation, and provide cutting-edge talent support for the industry[3,P.57-60].

### 2.3 Establishing a scientific evaluation system for talent cultivation in higher education

The establishment of a scientific evaluation system for talent cultivation in higher education ensures the cultivation of high-quality talents and the whole process of testing talents, and the scientific and reasonable talent cultivation evaluation system complements and improves the reform and adjustment of higher education. In order to establish a scientific and reasonable talent cultivation evaluation system, colleges and universities combine advanced artificial intelligence technologies such as big data and cloud computing, actively cooperate with leading enterprises in the field of artificial intelligence and big data applications, and use the platform to create educational and teaching databases of colleges and universities, and set data affecting the cultivation of talents such as changes in students' learning achievements, students' tendency to choose courses and the popularity of teachers. Finally, create a graduate employment database.

### 2.4 Correctly handling the relationship between online teaching modes and traditional classrooms

The teaching mode of "Internet + Education" has brought unprecedented impact on the traditional classroom. Under traditional course teachers, the effectiveness of lectures is fed back through homework and tests, with long

intervals between them [4, P.125-135]. Online course learning can break the limitations of time and space, with flexibility, diversity and timeliness. Students can give feedback online when they encounter problems, and teachers can adjust the offline teaching plan, teaching content and course structure according to students' feedback, which makes up for the shortcomings of traditional classroom teaching and brings students a brand new learning experience that is incomparable to the traditional classroom. However, it should be emphasised that online classroom cannot replace traditional classroom teaching. In the traditional classroom, the teacher's thinking, creativity, and academic charisma play an irreplaceable role in shaping students' personalities and developing their characters. Teachers should correctly handle the relationship between online teaching mode and traditional classroom, and online and offline teaching should play to their respective strengths and complement each other's advantages.

### 3. Conclusion

In the era of artificial intelligence, the mode of higher education has been transformed into the main model of "competence as the core, knowledge-based, student-centred". The organic integration of artificial intelligence and higher education reduces the inertia and complicated tasks, and effectively promotes the transformation of teachers' teaching method, students' learning method, educational resources allocation and talent cultivation mode [5, P.553-568]. At the same time, the duties of college teachers, educational philosophy, work structure, etc. will face a huge challenge, the reform is an inevitable trend, face up to the challenge in order to have a new breakthrough. As far as higher education is concerned, it is necessary to firmly grasp the opportunities of technological innovation, respond positively to the concepts, modes and processes of higher education, and establish a scientific, advanced and personalised model of integrated talent training, so that intelligence can create a new situation for higher education in the future.

### References

1. Zawacki-Richter O, Marín V I, Bond M, et al. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education—where are the educators/Zawacki-Richter O// International Journal of Educational Technology in Higher Education. –2019. –P.22-27.
2. Shan Meixian. Analysis of the basic laws of the process of technical education/Shan Meixian//Journal of East China Normal University (Education Science Edition), –2008, –P:98-102.
3. Li Yi. On the realization and demonstration of the value of technical education

through the technologicalization of education/Li Yi- Audiovisual Education Research, –2007 .– P.57-60.

4. Zhong Baichang, Xia Liying. Robots support mathematics in the context of “artificial intelligence + education”/Zhong Baichang, Xia Liying//Intelligence research. –2021. –P:125-135

5. Ocaña-Fernández Y, Valenzuela-Fernández L A, Garro-Aburto L L. Artificial Intelligence and Its Implications in Higher Education/Ocaña-Fernández Y//Journal of Educational Psychology-Propósitos y Representaciones. – 2019. –P. 553-568.

## ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

**Ван Чжэнцян,**

аспирант факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – А.С. Комаровская, кандидат философских наук, доцент,  
доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного  
университета

**Аннотация.** В статье рассматривается использование Интернет-технологий в системе образования Китая, анализируются их плюсы и минусы. Внедрение современных технологий в систему дает новые возможности для персонализации обучения и глобального доступа к образовательным ресурсам. Однако такие проблемы, как цифровое неравенство и вопросы безопасности данных, подчеркивают важность взвешенного подхода к интеграции технологий в образование с учетом справедливости и безопасности.

**Ключевые слова:** интернет-технологии; образование; Китай; преимущества; недостатки; персонализация обучения; глобальный доступ; цифровое неравенство; безопасность данных.

## THE USE OF INTERNET TECHNOLOGY IN CHINA'S EDUCATION SYSTEM: THE PROS AND CONS

**Wang Zhenqian,**

Postgraduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Scientific Supervisor – A.S. Kamarouskaya, Cand. of Science, Ph.D. in Philosophy, Associate  
Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State  
University

**Abstract.** The article examines the use of Internet technologies in the Chinese educational system, analyzing their pros and cons. The introduction of modern technologies into the system provides new opportunities for personalization of learning and global access to educational resources. However, challenges such as the digital divide and data security issues highlight the importance of a balanced approach to the integration of technology in education, taking into account equity and security.

**Keywords:** Internet technologies; education; China; advantages; disadvantages; personalization of learning; global access; digital divide; data security.

Education initially serves the purpose of educating people. Young children become smarter by immersing themselves in culture, assimilating knowledge, expanding their horizons and increasing their wisdom. Economist, educator and former vice-president of the Chinese Academy of Social Sciences, He Xiangchun, expressed it this way: «Education is reasonable learning» [1, p. 36]. The modern «smart» education in question is not limited to traditional methods, but includes the use of modern information technologies, the Internet, big data analysis and artificial intelligence. These technologies help teachers better understand individual differences and needs by offering intelligent solutions that meet diverse individual needs. Thus, they contribute to wise education and the development of wisdom.

Since the founding of the People's Republic of China, China's information industry has achieved historic successes, moving from zero indicators to significant achievements, from backwardness to leadership. The Chinese education informatization industry, being an important part of the national informatization strategy, has also achieved outstanding results that have attracted the attention of the whole world and outlined the pictures of continuous development and growth.

Since the creation of the world's first electronic computer in 1946, humanity has entered the «information age». In 1958, the first Chinese computer with an electronic lamp was successfully developed, and in 1973, the first Chinese computer capable of performing 1 million operations per second was successfully created in Beijing. This was an important stage in the development of electronic computers in China. Since the early 1990s, with the development of computer and network technologies, China has consistently formed the Leading Informatization Group of the State Council and the Ministry of Information Industry in order to develop strategies, unify planning, scientific implementation, strengthen management and accelerate the development of the information industry. In 1994, the State Plan approved the construction project of the «Demonstration Project of the Chinese Computer Network for Education and Scientific Research CERNET», which was connected to the Internet through the international export of NCFCC, becoming the first national computer Internet network in China operating over TCP/IP protocol. This laid the foundations for the comprehensive deployment of information infrastructure in China.

In November 1995, the CERNET network, which united 100 universities across the country, was put into operation a year ahead of schedule, and the first group of Internet users appeared in Chinese universities. Over 25 years of development, CERNET has become the world's largest academic network providing a platform for collaboration in the field of industrial innovation, especially within the framework of the current large-scale IPv6 deployment. At the moment, there are more than 5 million IPv6 users in the Chinese Computer Network of Education and Scientific Research. It is an important basic experimental facility for China in the field of new generation Internet technology research, large-scale application development and promotion of the next generation of the Internet industry.

By the 21st century, the education informatization industry in China has moved into a period of construction and applied development. By 2020, a system of informatization of education was created that corresponds to the modern development goals of the country. In this system, an informatized learning environment is mainly formed, providing access to high-quality educational resources for everyone, as well as an informatized system for supporting learning in society.

In the five years from 2012 to 2016, China took on the creation of an «online learning space accessible to everyone» as its main task and moved to the stage of deep integration of technology and education. The creation of an online learning space with the slogan «accessible to everyone» implies further changes in teaching and learning methods. This represents an additional development of the original «broadband network access in schools» and «access to high-quality resources in classrooms».

The characteristics of the development of informatization of education in China 40 years before reforms and openness can be summarized as «building infrastructure + equipment selection + application research». This stage is called the era of informatization of education 1.0. In October 2017, «effective online education» was included in the party report of the 19th National Congress of the Communist Party of China, which indicates that the informatization of education in China has begun a new era, known as the era of informatization of education 2.0.

In April 2018, the Ministry of Education published the «Action Plan for Informatization of Education 2.0», which is an integral step in adapting to the development of education in an intellectual environment. The main goal of this plan is to achieve «three full, two high and one high» by 2022. This includes providing all teachers with a learning app covering all school-age students, as well

as building digital campuses covering all schools. Additionally, the plan is aimed at increasing the level of information technology use, improving the information literacy of teachers and students, as well as creating an Internet + Education platform for training personnel in an Internet+ environment. It also includes the development of new models of educational services based on the Internet and the study of new models of education management in the information age.

Informatization of education 2.0 is designed to contribute to the transformation and improvement of informatization of education based on the «three links and two platforms» laid down at stage 1.0. The goal is to comprehensively increase the level of development of informatization of education, bringing the informatization of education in China to the forefront in the world and providing global leadership influence. In general, the reform of informatization of education in China has achieved significant success over the past 40 years. The new era of informatization of education 2.0 must meet the new requirements of the development of education in a new era. It also represents a step forward in the concepts of development and methods of building informatization of education.

On April 3, 2019, People's Daily published an article «Network Cable connects urban and rural classes» with «three links and two platforms» as the basis. We have successfully completed the project «Full coverage of digital educational resources in educational institutions». The level of Internet access in primary and secondary schools across the country has increased from 25% to 96%; the share of multimedia classes has increased from less than 40% to 92%; the system of public services of national educational resources is connected to 73 online platforms, including 19 provincial and municipal. There are 28 national-level platforms and 26 district- and district-level platforms. According to the Ministry of Education, as of September 2018, more than 14 million primary and secondary school teachers across the country have signed up to participate in events, having conducted more than 12.9 million lessons and continuing more than 175,000 «excellent lessons» and «ministerial level» at the provincial level. About 60,000 excellent courses were created, more than 28 million generative resources, and the total number of unique visitors exceeded 170 million [2, p. 9].

In February 2019, the Central Committee of the Chinese Communist Party and the State Council published «Modernization of Education in China 2035». «Accelerating reforms in education in the information age» is included in the top ten strategic tasks to promote the modernization of education, and attention is paid to supporting the use of intellectual education.

The deep and widespread use of artificial intelligence technologies in education will completely change the temporal and spatial scenarios, as well as the levels of education supply. It implements information exchange, data integration, business cooperation and the provision of intellectual services. These changes will contribute to the overall changes in the educational process, making possible personalized and diversified education based on scaling. Then a new flexible, open and personalized ecosystem of lifelong learning will be created. The penetration of intelligent technologies into the educational industry disrupts the traditional ecosystem of education and begins to move towards a new form of intellectual education. Faced with the opportunities and challenges of the time, China is developing a «China Intellectual Education Development Plan» to plan the future development path.

Today, virtual reality (VR) research is booming, and experts are beginning to explore innovative techniques that can make the virtual experience more immersive and real. Now VR technology goes beyond sight and hearing, allowing users to interact with virtual objects, feel changes in wind and temperature, and even study and teach in virtual reality, try out virtual food and visit the «live» Forbidden City.

In June 2019, the Ministry of Industry and Information Technology officially issued a 5G commercial license, which became a symbol of the official beginning of the 5G era in China. With the advent of 5G, the form of education is also undergoing significant changes. In August 2019, President Xi Jinping, in his congratulatory letter on the occasion of the Second China International Intellectual Industry Exhibition, stressed that China pays great attention to the development of intellectual industries, accelerates digital industrialization and digitization of industry, contributing to the deep integration of the digital economy and the real economy. Experts said this year is «the first year of 5G.» The «digital highway», built on 5G technology, will provide a convenient and efficient information channel for the integration and innovation of modern information technologies, such as big data and artificial intelligence, with real data. Economic development, social progress and other aspects have led to «unimaginable» changes.

Today we have entered the era of artificial intelligence, and thus the concept of smart education has emerged. This concept is not to replace educational technologies, but to iteratively develop educational technologies in order to make the use of information technologies in the field of education more intellectual. It should be noted that the use of information technology in education always lags

behind other areas, and this is not typical only for China, but also for other countries [3, p. 1].

For many years, the use of information technology was mainly limited to computer-based learning, and teachers used PowerPoint presentations for teaching. In the last two years, due to the consequences of the new coronavirus epidemic, online learning has developed. However, information technologies have not yet been implemented in all areas of education, and the advantages of such technologies as interconnection, openness and virtuality have not yet been fully utilized. The reason for delays in the use of information technology in schools, of course, are technical factors. However, more importantly, education is an activity aimed at educating people and enriching the spiritual world of students. The leadership of this process lies with teachers, who cannot be replaced by technology. Therefore, when talking about the future of education, many believe that the essence of education aimed at the education of moral qualities and the formation of personality will not change, and the role of teachers will remain irreplaceable.

The introduction of Internet technologies into China's education system involves a number of winning points, but also causes certain challenges and risks. On the one hand, modern information technologies make it possible to personalize education, taking into account the individual needs of students. They provide access to global educational resources, expanding the horizons of knowledge and providing opportunities for virtual learning.

However, at the same time, it is necessary to take into account potential problems. Uneven access to technology can create digital inequality among students, which can exacerbate social differences. In addition, there are concerns about data security and digital privacy in educational processes, which requires careful implementation of technologies and strict security measures.

The advantages of using Internet technologies in China's education system include improving the efficiency of teaching, improving the availability of educational resources, and stimulating innovation in educational practice. However, special attention should be paid to ensuring equality in access to technology, teacher training, and the development of strict standards to ensure data security and confidentiality.

Thus, the integration of Internet technologies into China's educational system provides an opportunity for a qualitative transformation but requires a careful and balanced approach to maximize the benefits of these technologies, minimize risks and ensure equal educational opportunities for all.

### References

1. He Xiangchun. System composition and functional evolution of the online learning space / Xiangchun He // Research of audiovisual education. – 2017. - No. 5. - No. 36-43.
2. Network cable connects urban and rural classrooms // People's Daily. - April 3, 2019 - P. 9
3. Pros and cons of artificial intelligence in education and its impact on teachers in 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://blog.classpoint.io/zh-hans/2023>. – Access date: 10/10/2023.

## **КРИТИКА УТОПИИ И ВЕРЫ Ф. НИЦШЕ VS «ФИЛОСОФИЯ НАДЕЖДЫ» Э. БЛОХА: К ВОПРОСУ КОНСТРУИРОВАНИЯ УТОПИИ**

**Выshedko Глеб Вячеславович**

магистрант факультета философии и социальных наук,  
Белорусский государственный университет

Научный руководитель – Новикова Ольга Владимировна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии методологии науки,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В данной работе исследуется феномен построения утопии в философии. Формулируется предположение, что существует как апология утопии, так и её критика, которые рассматриваются на примере Ф. Ницше и Э. Блоха. Автор сравнивает их подходы к пониманию надежды, указывая на разрушительность последней в ницшеанской интерпретации и на соотнесение надежды с возможностью полноценной реализации бытия человека в творческом акте.

**Ключевые слова:** философия; утопия; надежда; вера; человек; Ф. Ницше; Э. Блох.

## **THE CRITIQUE OF UTOPIA AND FAITH BY F. NIETZSCHE VS «PHILOSOPHY OF HOPE» OF E. BLOCH: TO THE QUESTION OF UTOPIAS CONSTRUCTION**

**Vyshedko Gleb Vyacheslavovich**

postgraduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

Supervisor – Novikova Olga. V.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy  
of Methodology of Science,  
Belarusian State University

**Abstract.** Author of this work researches phenomena of constructing utopias in philosophy. He formulates assumption that there are as apologies of utopias as well as their critique. Those approaches are considering from the perspective of F. Nietzsche and E. Bloch. Author compares their approaches of understanding of hope, showing the destructiveness of hope in Nietzsche's interpretation and on applying with hope and possibility of complete implementation of human existence in creative act.

**Keywords:** philosophy; utopia; hope; faith; human; F. Nietzsche; E. Bloch.

Одна из фундаментальных интенций философии – критическое осмысление реальности, рефлексия над несоответствием образа мира, желаемого человеком, и действительностью. Для того, чтобы понять, какой человек, социум должны быть, чтобы соответствовать идеальному образу мира, конструируется утопия – идеализированный проект мира и общества.

Utopia (от др.-греч. *ου* – нет, *topos* – место) – понятие из области литературы и философии, которое переводится как «место, которого нет». Как пишет Т. Мор, «отмечая бесперспективность улучшения социального бытия в рамках современной автору действительности, мыслитель подталкивает читателей к пониманию того, что конструирование утопий выступает единственной возможной формой критики наличного устройства и единственным способом выражения социального творчества» [1]. Этим и пользуются последователи идеи Т. Мора, создавая свои утопии. Так, к примеру, И. Кант, И. Г. Фихте, оправдывая построение утопии, говорят, что несмотря на тщетность воплощения идеального общества в действительности (а И. Г. Фихте и вовсе говорит о пагубности практической реализации утопических идей), тем не менее, утопии являются ориентиром, началом, не позволяющим человечеству прозябать в «трясине» унылой реальности [2, 3].

Однако подобная романтизация утопизма достаточно быстро стала объектом философской критики. Одним из наиболее выдающихся критиков утопических идей является Ф. Ницше. Наиболее ярко его неприятие утопии проявляется в критике христианства, которое немецкий мыслитель квалифицирует как один из наиболее масштабных утопических проектов. По его мнению, всякое бессилие начинается с веры. Христианство учит вере, которая «есть закрывание глаз, чтобы не страдать от зрелища неисправимой лжи. Невозможность относиться ко всем вещам прямо и честно, оптический обман... самая распространенная и самая подземная форма лжи» [4, с. 637]. В этом, по его мнению, заключается трагизм человеческого существования. В действительности человек может опираться исключительно на свои силы и возможности. Но религия, компенсируя недостаток сил человека и несовершенство окружающей его реальности, дает ему веру и надежду, которые Ф. Ницше рассматривает как негативные явления. Надежда, иррациональна: она, несмотря на фактическую жизнь, говорит, что, перефразируя Аристотеля, действительное потенциальное важнее действительного реального.

Своим воззванием «не прятаться в песок небесных вещей, а гордо держать ее, земную голову, создающую смысл земли» [5, с. 22], Ф. Ницше призывает не избегать настоящего, сколь бы несовершенным оно ни представлялось. А смелость не бояться взглянуть в глаза настоящему дает философия.

В таком понимании склонность конструировать утопии есть форма примирения с действительностью, «откладывание» решения проблем настоящего в будущее. Ф. Ницше не приемлет данной позиции. Он, предлагает, с одной стороны, пересмотреть подход к истории и провести переоценку исторического сознания с тем, чтобы история из репрессивного инструмента стала бы источником вдохновения для человека. С другой стороны, Ф. Ницше критически настроен в отношении концепта будущего, которое и есть «откладывание» жизни из настоящего в неопределенность. Как подмечает Т. Г. Румянцева, «ценности вкладываются в мир и извлекаются из мира», т.е. они создаются самим человеком [6].

В XX веке тема утопии стала особенно актуальной. Так, в частности, К. Поппер, отмечал, что все социальные проекты обязаны своим возникновением определенному плану, преследующему конкретные цели.

Одной из наиболее ярких апологий утопии является концепция «философии надежды» Э. Блоха, указывающая, что построение утопии есть одна из сущностей человека. Человек не только обнаруживает себя в настоящем: «Я есть Я», но он также подразумевает, что нынешнее «Я» существует с определенной долей недостаточности, незавершенности, характеризующейся фактом становления. «Я» становлюсь – это значит, что мой проект «Я» неизбежно направлен в будущее. По мнению Э. Блоха, человек побуждается этим будущим: его сущность устремлена в будущее, а не в настоящее, как думал Ф. Ницше. Он обнаруживает то, чего ещё не имеет, но что бы он хотел иметь. Он предвосхищает то, что он будет иметь, однако, он не может рационально это «схватить». Таким образом, этот «мир, который ещё есть» это своеобразная долина плача, страданий, человек в нем «бездомен», он находится «не у себя», мир для него есть нечто чужое [7].

Мир «еще не тот», он вещь-в-себе, он определяется как «темнота переживаемого момента» Снятие отчуждения и создание «человеческого дома» – смысл жизни. В этом «бездомном» мире человека поддерживают только ожидания, ожидания того, что мир станет домом для человека.

Надежда выступает не только как принцип человеческого сознания, она изначально присуща самой материи. «Принцип надежды» выразил эсхатологические ожидания будущего как совершенного состояния общества. Будущее у Э. Блоха предстает как «царство свободы», получившее обозначения «коммунизма», «гуманизма» и «утопии». Все это предполагает достижение конечной цели – гармонии человека с миром. Любая потенция бытия, которая в результате творческого акта человека превращается в действительное бытие, неизбежно ведет либо ко всему (бытию как целому), либо к ничто. Однако, именно благодаря этой способности превращать потенциальное в действительное, человек верит, что, преобразуя мир, он также реализует и себя, создавая таким образом в мире «настоящий дом», в котором он сможет ощутить полноту своего бытия.

Таким образом, склонность к построению утопий может рассматриваться как свойственная человеку сущностная характеристика, возникающая в связи с необходимостью преодоления несовершенства как собственного бытия, так и окружающего мира.

### Список литературы

1. Рассадин С.В. Утопия Т. Мора как способ конструирования общества: социально-философский анализ / С. В. Рассадин, Н. Н. Козлова // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/utopiya-t-mora-kak-sposob-konstruirovaniya-obschestva-sotsialno-filosofskiy-analiz/viewer> – Дата доступа: 10.10.2023.
2. Александров. К. Начиная с Канта: немецкий идеализм, утопия и имманентность / К. Александров // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachinaya-s-kanta-nemetskiy-idealizm-utopiya-i-immanentnost/viewer> – Дата доступа: 10.10.2023.
3. Черткова Е. Л. Утопия как «философский проект» / Е.Л. Черткова - Москва. 2020. С. 190-201. – (Вопросы философии. № 5).
4. Ницше, Ф. Сочинения в 2-ух томах. / Ф. Ницше. – М : Мысль, 1990. – Т. 2 : Антихрист. – 829 с.
5. Ницше, Ф. Сочинения в 2-ух томах. / Ф. Ницше. – М : Мысль, 1990. – Т. 2 : Так говорил Заратустра. – 829 с.
6. Румянцева. Т. Г. Ф. Ницше: вероотступник или защитник истинной веры / Т. Г. Румянцева // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/8168> – Дата доступа: 10.10.2023.

7. Вершинин. С. Е. Эрнст Блох: оправдание утопии / С. Е. Вершинин // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ernst-bloh-opravdanie-utopii/viewer> – Дата доступа: 10.10.2023.

## ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**Гиммельрейх Олег Викторович,**

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры философии и идеологической работы, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**Аннотация.** В статье исследуется феномен медиавоздействия в условиях цифровизации современного общества. Автор формулируются основные стратегии обеспечения безопасности на примере Республики Беларусь.

**Ключевые слова:** медиавоздействие; национальная безопасность; общественное сознание; информационная экспансия; система идеологического противодействия.

## INFORMATION SPACE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION BY EXAMPLE REPUBLIC OF BELARUS

**Himmelreich Aleh V.**

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,  
Head of the Department of Philosophy and Ideological Work,  
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

**Abstract.** The article examines the phenomenon of media interaction in the conditions of digitalization of modern society. The author formulates the main security strategies on the example of the Republic of Belarus.

**Keywords:** media action; national security; public consciousness; information expansion; ideological countermeasures system.

В первой половине XXI века в культуре современного информационного общества отчетливо заявляют о себе тенденции грядущей цивилизационной трансформации под влиянием новейших информационных технологий. При этом концептуальные интерпретации этой трансформации сводятся либо к акцентуации достоинств западного общества, либо к возможному противостоянию и конфликту цивилизаций. К тому же в условиях тотальной информатизации общества современные масс-медиа, используя в качестве прикрытия своих интересов новые мифологемы и симулякры, превращают человека в потребителя искусственно навязываемых ему образов и смыслов.

Республика Беларусь, находясь в центре евразийского пространства, в своем историческом самоопределении ориентирована на сохранение информационной безопасности как одного из гарантов ее суверенного положения в будущем. Как правило, первоочередная задача информационной безопасности государства связана с обеспечением безопасности так называемых «критических» инфраструктур: управленческих, коммуникационно-информационных, энерго- и водоснабжения, финансовых и других систем. На практике это означает, что в национальной системе безопасности должны быть выработаны и стать предметом перманентной защиты те положения, искажение которых может привести к национальному коллапсу. Несмотря на то, что безопасность в идеологической сфере ни в действующей редакции, ни в новом проекте Концепции национальной безопасности не выделяется в качестве самостоятельного вида безопасности [1; 2], выявление и нивелирование идеологических угроз сегодня выступает предметом актуальных научных и политических дискуссий в нашей стране, порождая самые разнообразные проекты и умонастроения. Глава государства отметил: «Государство без идеологии <...> не может жить и развиваться, тем более противостоять угрозам. Идеология для государства – то же самое, что иммунная система для живого организма; когда разрушается идеологическая основа общества, его гибель становится делом времени, как бы внешне государство ни казалось сильным» [3, с. 5].

В Концепции информационной безопасности отмечается, что «через информационное пространство осуществляется дискредитация конституционных основ государств и их властных структур, вовлечение людей в деятельность экстремистской и террористической направленности, формирование радикального и протестного потенциала. В результате таких воздействий меняются социальные связи человека в обществе, стиль мышления, способы общения, восприятие действительности и самооценка» [4, ст. 40].

Поэтому особую роль сегодня приобретает медиавоздействие с учетом его коммуникативной структуры (медiateксты, каналы СМИ и т. д.), техники воздействия (пропаганда, реклама, PR и т. п.), форм воздействия (внушение, убеждение, информирование) и масштабности воздействия (информационная экспансия, информационная агрессия и информационная война). Одним же из основных методов медиавоздействия стало продвижение гибридных форм дискурса, так называемых ловушек и парадоксов в политических и публицистических концепциях.

Четкая экспликация и понимание в последующем уже медиаэффектов как от традиционных СМИ, так и новых медиа (социальных сети, гаджеты, видеоигры и т.д.) позволяет сформулировать основные стратегии противодействия безопасности на примере Республики Беларусь:

1. *Правовая стратегия* (комплекс регулятивных и охранительных норм, принятых на уровне Конституции, законодательных и подзаконных актов). Конституционные ценности, принципы и нормы образуют необходимый контекст для всех нормативных правовых актов, связывают всех субъектов нормотворческой и правоприменительной деятельности, определяют программу ее перспективного развития [5, с. 107; 6, с. 6]; государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (ст. 15), а сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Беларуси (ст. 54) [7, с. 16].

На уровне Совета Министров 29 декабря 2021 г. утверждена Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 г., в которой нормативно определены патриотические ценности и способы их формирования, направления воспитательной работы. Для надлежащей уголовно-правовой охраны отношений, связанных с противодействием экстремизму, недопущения реабилитации нацизма 14 мая 2021 г. принят специальный Закон «О недопущении реабилитации нацизма», что обусловлено значимостью рассматриваемой проблемы, а также иных правовых актов подзаконного уровня [8, с. 191–193]. Соответствующие изменения и дополнения внесены в Уголовный кодекс. Законом от 26 мая 2021 г. № 112-З введена норма об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма (ст. 130<sup>1</sup> УК). Этим же законом криминализованы: пропаганда, публичное демонстрирование и распространение нацистской символики и атрибутики (ст. 341<sup>1</sup> УК); участие в экстремистском формировании (ст. 361<sup>1</sup> УК); финансирование экстремистской деятельности (ст. 361<sup>2</sup> УК), принят ряд других статей. Кодекс об административных правонарушениях содержит нормы об ответственности: за пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики (ст. 19.10 КоАП), изготовление распространение, информационной продукции, призывающей к экстремистской деятельности (ст. 19.11 КоАП).

2. *Организационно-управленческая стратегия* (органы, обеспечивающие реализацию нормативных установлений и координацию субъект-субъектных отношений):

Генеральная прокуратура, иные органы, подчиненные Президенту;

республиканские и местные органы исполнительной власти;  
общественных организации, реализующих соответствующие  
направления деятельности в идеологической сфере;

координационные органы, создаваемые по конкретным вопросам реализации идеологической работы, выполняющие межведомственные консультативные и координирующие функции: 1) Республиканский совет по исторической политике при Администрации Президента (создан распоряжением главы государства от 4 февраля 2022 года № 22рп); 2) Республиканском межведомственном координационном совете по патриотическому воспитанию населения (постановлением Совета Министров от 29 декабря 2021 г. № 773).

3. *Стратегия мониторинга и прогнозирования* позволяет проводить упреждающую правоохранительную политику на стадии возникновения условий, способствующих развитию угроз в идеологической сфере. Преимущества мониторинга состоят в том, что он дает возможность проводить диагностику текущего состояния идеологических процессов и выявлять причины их динамики; помогает информационно обеспечить постановку задач и адекватных управленческих решений исходя из обстановки; способствует реализации контроля хода протекания социальных процессов и их соответствия желаемым перспективам и тенденциям развития; позволяет определить трансформацию изменений за определенный промежуток времени и на этой основе установить направленность его развития; дает возможность наладить обратную связь к субъекту управления путем изучения и оценки состояния идеологического процесса и уровня развития общественного сознания.

4. *Культурно-просветительская стратегия*, которая предполагает:

1) просветительскую деятельность. Она включает ознакомление госслужащих и иных слоев населения с документальными материалами, в частности с книгой «Геноцид белорусского народа» под ред. Генерального прокурора А.И. Шведа [9], в которой собраны достоверные справочно-аналитические и документальные сведения из расследуемого уголовного дела о геноциде. Это позволяет, сделать объективные выводы, увидеть истинную картину событий прошлого и настоящего времени, а в конечном итоге – не допустить искажения исторической правды. В таком же ключе исследуются вопросы сохранения исторической памяти и правды в монографии «Историческая память: прошлое для настоящего и будущего» [10].

2) информационную работу на государственных и частных предприятиях, среди личного состава правоохранительных органов;

3) участие в знаковых и памятных мероприятиях;

4) реализацию направлений патриотического воспитания: формирование национальной идентичности; духовно-нравственное воспитание; историко-культурное воспитание; военно-патриотическое воспитание и др.;

5) участие в научных конференциях, форумах и т. п.

Обозначенный ракурс исследования позволил зафиксировать, что воздействие традиционных СМИ и новых медиа определяются спецификой информационных технологий в культуре современного общества. Республика Беларусь, ориентируясь на построение социально стабильного общества с учетом современных векторов социальной динамики, инициирует также разработку программ и стратегий, направленных против практической реализации многих нежелательных предначертаний будущего цивилизационного развития.

### Список литературы

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2010. – № 276. – с. 5–25

2. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 6 мар. 2023 г., № 1: // ЭТАЛОН. Закон-во Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Лукашенко, А.Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: Доклад на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов 27 марта 2003 года / А.Г. Лукашенко // О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: Матер. постоянно действующего семинара руковод. работников республик. и местных гос. органов. – Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – С. 3–68.

4. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь 18 мар. 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Закон-во Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Тиковенко, А. Г. Конституция Беларуси как основа национальной правовой системы / А. Г. Тиковенко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : «Колорград», 2022. – С. 100–116.

6. Василевич, Г. А. Новеллы белорусской конституции как фактор устойчивого развития государства / Г. А. Василевич // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 14–23.

7. Чуприс, О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного закона и обновленной государственности / О.И. Чуприс // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 5–13.

8. Мартыненко, И.Э. Правовые меры недопущения реабилитации нацизма: опыт Республики Беларусь / И.Э. Мартыненко // Вестн. Воронеж. гос. унив-та. Серия: Право. – № 1 (48). – С. 191–202.

9. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А.И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 175 с. : ил.

10. Краско, Г.Г. Историческая память: прошлое для настоящего и будущего: монография / Г. Г. Краско, О. В. Богомаз. – Минск : ИНБ, 2022. – 167 с.

## **ТАНЕЦ КАК ФОРМА ПОСТИЖЕНИЯ БЫТИЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТУРБУЛЕНТНОМ МИРЕ**

**Голуб Ангелина Вадимовна**

студент факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

**Воробьева Светлана Викторовна**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,

Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В статье раскрыты три сущностных аспекта танца как формы постижения бытия в постмодернистском турбулентном мире, обусловленные нахождением человека в реальности, его когнитивными возможностями и коммуникацией. Обосновано, что первый аспект подразумевает разграничение эмпирической, социально-культурной и экзистенциальной реальности в танце. Второй аспект связан с воображением и телесностью, восходящей к движенческому алгоритму и движению как принципу видимости и визуальности. Третий аспект – с невербальным способом общения, преодолением иррациональных аспектов вербальной коммуникации. Систематизирована аргументация по дальнейшему прояснению танца. Корпус доводов затрагивает вопросы соотношения разума и тела, семиотики танца и его сенсорных особенностей в постмодернистском турбулентном мире.

**Ключевые слова:** танец; типология реальности; воображение; коммуникация; разум и тело; семиотика танца; постмодернистский турбулентный мир.

## **DANCE AS A FORM OF COMPREHENSION OF EXISTENCE IN A POSTMODERNIST TURBULENT WORLD**

**Holub Anhelina Vadzimovna**

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

**Vorobyova Svetlana Vikrorovna**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy  
of Culture,

Belarusian State University

**Abstract.** The article reveals three essential aspects of dance as a form of comprehension of existence in the postmodern turbulent world, conditioned by a person's presence in reality, his cognitive capabilities and communication. It has substantiated that the

first aspect implies the distinction between empirical, socio-cultural and existential reality in dance. The second aspect is associated with imagination and physicality, which goes back to the movement algorithm and movement as the principle of visibility and visibility. The third aspect is with the non-verbal method of communication, with overcoming the irrational aspects of verbal communication. The argument for further clarification of the dance has systematized. The body of arguments touches on the relationship between mind and body, the semiotics of dance and its sensory features in a postmodern turbulent world.

**Keywords:** dance; typology of reality; imagination; communication; mind and body; semiotics of dance; postmodern turbulent world.

Актуальность танца в постмодернистском турбулентном мире определяется поиском способов самовыражения, составляющих основы идентифицирующих механизмов в самоопределении человека. Логическим следствием постмодернизма, провозгласившего плюрализм во всем и для всех, стала множественность идентичности, поддерживаемая разнообразием тенденций, направлений, стилей в различных сферах жизнедеятельности [1]. Поэтому танец как путь к индивидуальности представляет собой не только практический, но и теоретический интерес [2]. Исходя из этого, цель статьи – раскрыть сущностные аспекты танца как формы постижения бытия в постмодернистском турбулентном мире.

Постижение бытия осуществляется в разных формах, от которых зависит способ раскрытия объекта и его понимания, полнота информации о нем и ее устойчивость в социальном воспроизводстве. Данная зависимость позволяет разграничивать устойчивые (мифология, религия, философия, наука) и неустойчивые (повседневные знания) формы постижения бытия. В качестве признака их разграничения может выступать, например, наличие «постижения-системы» [1, с. 74]. Подобный признак позволяет отличить научные формы постижения бытия от ненаучных форм. Научные формы – это рефлексивные схемы. Результатом их применения являются репрезентации наличного бытия, или объективные знания о нем. Ненаучные формы связаны с воображением, или имагинативными формами [2]. Например, миф представляет собой ненаучную совокупность взглядов на окружающий мир, которую «человек вырабатывает по законам красоты и целостного мировосприятия» [3, с. 183]. Для того чтобы раскрыть танец как форму постижения бытия необходимо прояснение трех его сущностных аспектов, которые связаны с нахождением человека в реальности, с его когнитивными возможностями и коммуникативными компетенциями. Вне

этих аспектов танец теряет онтологический или гносеологический контекст, необходимый для его аналитики.

Согласно первому аспекту, танец как форма постижения бытия определяется нахождением человека в следующих реальностях. Эмпирическая реальность представляет собой естественно-природную и предметно-вещную среду, в которой человек живет и с которой взаимодействует. Ведущим способом понимания мира выступает парадигматический, включающий методы логического анализа, которые организуют аналитическое «прочтение» действительности. Социально-культурная реальность – это результат объективации содержания индивидуального и коллективного сознания и деятельности. Она создается посредством описания этого содержания. Экзистенциальная реальность не объективируется, ибо не имеет явных референтов в предметном мире. Она существует посредством опыта, переживания и, собственно, постижения. В этом аспекте соотношение бытия и танца позволяет раскрыть природу спонтанности и творчества [4, с. 141].

Согласно второму аспекту, танец как форма постижения бытия привязан, прежде всего, к воображению [2]. Оно составляет когнитивный ресурс созидательной силы визуализации, используя которые разум может создавать новый желаемый мир. Однако способность к воображению может быть использована по-разному. Возможны визуализации различных сценариев, направленных на продуцирование созидательных идей и достижение творческих целей. Но возможны также и те сценарии, которые направлены на создание ярких и живых образов того, чего человек больше всего опасается, ограничивающих, таким образом, его саморазвитие. Эффективность воображения и конструктивность его алгоритмов зависят от доступности эмпирической реальности, от способов организации культуры, от экзистенциального опыта.

Идея первичности телесной организации культуры нашла отражение в теме «жизнь тела», разрабатываемой в разных направлениях посредством метафор: *тело-порог*, *тело-машина*, *тело-симптом*, *идеальное тело*, *гламурное тело*, *экстремальное тело*. В частности, первая метафора обозначает порог как границу восприятия мира [5]. Метафоры *машина* и *симптом* выражают, соответственно, стратегии формирования нового человека и коллективизма, и кризисные явления, порождаемые турбулентными условиями. В соответствии с терминологией М. Хоркхаймера и Т. Адорно, человеческие тела стали «вещью», «сырьем для прогресса» [6], и, как следствие, подверглись идеализации.

Движенческий алгоритм стал рассматриваться в качестве основания для сознания и мышления вследствие своей главной идеи – принципа видения. Такой подход стал воплощением витального начала как дополнения к разуму. Сознание, по выражению М. Мерло-Понти, стало «телесным», мышление – «органическим». Причиной подобного становления стал тот факт, что их ресурсы проистекают из ориентирования тела в пространстве, осуществляемого благодаря принципу видения, которым, собственно, и является движение [7, с. 111]. В. П. Зинченко в своей аргументации подчеркнул: «Живое движение, находя смысл, осмысливает, и осмысливает как окружение тела, так и его само» [8, с. 35].

Согласно третьему аспекту, танец как форма постижения бытия обусловлен коммуникацией. Значит, его можно рассматривать как форму общения, которая имеет место во всех трех указанных типах реальности. Это подтверждается тем, что танец является, во-первых, деятельностью и взаимодействием, во-вторых, представлениями о реальности, или его когнитивными картами, в-третьих, переживанием мира, отражением определенного опыта, проектированием человеком самого себя. Как следствие коммуникативной природы, танец способен в современных плюралистических нестабильных условиях решать проблемы социализации на уровне общения, в частности, психотерапевтические, связанные с необходимостью преодоления фобий посредством вербальных или невербальных действий. Танец как невербальный способ имеет преимущества перед словесным общением. Следствием духовного истощения постмодернистского общества стал дисбаланс «физического и духовного», который заставляет человека «сознательно вступать в игру без слов», участвовать «в некой театрализации». При этом «танец принимает форму реакции», поэтому «с его помощью можно сопротивляться неживому виртуальному общению», «спасти от пустых слов и эмоциональных внутренних конфликтов» [9, с. 242].

Разграничение трех аспектов танца как формы постижения бытия, является условным. Аргументация каждого из них подразумевает наличие пересекающихся доводов. Остановимся на отдельных доводах, которые в равной мере могут быть применены к выделенным аспектам, но, безусловно, будут иметь неодинаковую аргументирующую силу по отношению к ним. Телесность и разум человека в постмодернистском турбулентном мире стали слишком зависимыми от слов, потеряв свою гибкость, приспособляемость. Если вербальная коммуникация стремится к номинациям, то невербальная в форме танца позволяет сохранить скрытые

связи, составляющие сущность бытия в экзистенциальном смысле. В условиях, при которых «современный мир привычно оперирует информацией и цифрами, устойчивыми рациональными понятиями», оказалась исчерпанной «практика формальных суждений и формализованных представлений о мире, утвердившаяся с эпохи Просвещения». Поэтому необходимо обновленное и осознанное прочтение танца [3, с. 179] – как образно-пластического выражения вербальных смыслов языка, как особой пространственно-временной формы невербальной коммуникации, которая «выступает зримым явлением мысли, проявлением глубинных слоев человеческого сознания» [3, с. 183].

Танец, несмотря на свою невербальную природу, является и языком, и текстом, что подчеркивает его семиотическую сущность [10]. Она выявляется на уровне знаков-изображений, знаков-признаков (симптомов, индексов, индексаторов) и знаков-символов. «Слово танца, язык танца никогда не повторяет, не дублирует устную речь, а разговаривает при помощи своей образно-коммуникативной динамической структуры». Поэтому символический язык танца «всегда несет в себе огромное внутреннее смысловое, философское и культурное содержание» [3, с. 185].

Танец является формой взаимодействия с окружающей действительностью, значит, связан с каналами поступления информации о мире. Их эпистемологию составляют кинестетические (кинестика, или движение, и кинестезия, или движение, связанное с ощущениями), визуальные и аудиальные ресурсы. Индивид, у которого доминирует кинестетический канал, – человек действия, так как его главным инструментом восприятия выступает тело, а способом существования – движение. И.А. Герасимова объединила кинетику и кинестезию в качестве основания для особого типа мышления, базирующегося на движении, но которое проявляет себя «в актах познания, общения, созидания, обучения и трансформации» [11, с. 145]. Такой подход является целостным, ибо тело стало рассматриваться как «универсальная стабилизирующая структура единого опыта людей», как «становление и развитие человека в целом» [12] и что демонстрирует танец, объединяющий кинестетический компонент и семиотический процесс символизации [13, с. 406].

Таким образом, сущностные аспекты танца как формы постижения бытия в постмодернистском турбулентном мире обусловлены нахождением человека в реальности, его когнитивными возможностями и коммуникативными компетенциями. Первый аспект подразумевает разграничение эмпирической, социально-культурной и экзистенциальной

реальности танца. Второй аспект связан с воображением и конструированием телесности, восходящим к движенческому алгоритму и движению как принципу видимости и визуальности. Третий аспект – с невербальным способом общения, с преодолением иррациональных аспектов вербальной коммуникации. Дальнейшее прояснение лежит в плоскости соотношения разума и тела, семиотики танца и его сенсорных особенностей в условиях постмодернистского турбулентного мира.

### Список литературы

1. Хмелевская, С.А. Система форм постижения бытия в контексте современной культуры / С.А. Хмелевская, Н.И. Яблокова // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2013. – № 2. – С. 74–78.
2. Хмелевская, С.А. Логика имагинативных форм постижения бытия // Социально-политические науки / С.А. Хмелевская. – 2018. – № 2. – С. 278–280.
3. Тарасова, О.И. О художественном мировоззрении и мифологемах танца / О.И. Тарасова // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой – 2020. – № 6 (71). – С. 178–187.
4. Миловац, Ж.В. Природа спонтанности: бытие и танец / Ж.В. Миловац // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2020. – № 4(44). – С. 141–153.
5. Подорога, В.А. Феноменология тела: введение в философскую антропологию / В.А. Подорога. – Москва: Ad Marginem, 1995. – 340 с.
6. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения: Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. – СПб.: Медиум, 1997. – 312 с.
7. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – Пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – М: «Ювента», «Наука», 1999. – 608 с.
8. Зинченко, В.П. Тело как слово, образ и действие / В.П. Зинченко // Человек. – 2010. – № 2. – С. 34–37.
9. Джиоти, К.Н. Танец как метод общения / К.Н. Джиоти // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – Вып. 3 (222). – С. 239–243.
10. Крысанков, Т.Г. К проблемным вопросам философии танца: семиотический и онтологический аспекты танцевальных движений / Т.Г. Крысанков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – Вып. 4. – С. 604–612.
11. Герасимова, И.А. Философское понимание танца / И.А. Герасимова // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 50–63.
12. Никитин, В. Онтология телесности: Смыслы, парадоксы, абсурд / В. Никитин. – М.: Когито-Центр, 2006. – 320 с.

13. Айламазьян, А.М. Танец и личность / А.М. Айламазьян // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15. – № 1, ч. 2. – С. 406–426.

## **Э. ЛЕВИНАС: НОВОЕ ВДОХНОВЕНИЕ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

**Демидович Елизавета Дмитриевна,**

Аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и  
социальных наук Белорусского государственного университета

**Аннотация.** Статья посвящена философским идеям Э. Левинаса, которые провозглашаются новым вдохновением для философии образования. Актуальность обращения к идеям Э. Левинаса связана с возможностью расширить участие философии образования в жизни современного социума, с одной стороны, и вооружением философии образования концептуальными инструментами для переосмысления доминирующих тенденций в теории и практике образования, с другой стороны. Цель – раскрыть созидательный потенциал этических идей Э. Левинаса для философии образования. Это осуществляется посредством рассмотрения многоуровневой концепции субъективности, разработанной Э. Левинасом, в качестве основания для нравственного воспитания, позволяющей осуществить подлинную субъективацию в контексте образования, неразрывно связывая ее с этическим измерением. В статье также выделяются практические преломления этических идей Э. Левинаса в образовательном опыте.

**Ключевые слова:** философия образования; образование; нравственное воспитание; субъективность; субъективация; этика; Другой.

## **E. LEVINAS: NEW INSPIRATION FOR THE PHILOSOPHY OF EDUCATION**

**Demidovich Elizaveta D.,**

graduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

**Abstract.** This article is devoted to the philosophical ideas of E. Levinas, which are proclaimed as a new inspiration for the philosophy of education. The relevance of turning to the ideas of E. Levinas is associated with the opportunity to expand the participation of the philosophy of education in the life of modern society, on the one hand, and arming the philosophy of education with conceptual tools for rethinking the dominant trends in the theory and practice of education, on the other hand. The purpose of this article is to reveal the creative potential of E. Levinas' ethical ideas for the philosophy of education. The disclosure is carried out by considering the multi-level concept of subjectivity, developed by E. Levinas, as the basis

for moral education, allowing for the true subjectification in the context of education, inextricably linking it with the ethical dimension. The article also highlights the practical refractions of the ethical ideas of E. Levinas into educational experience.

**Keywords:** philosophy of education; education; moral education; subjectivity; subjectification; ethics; Other.

В современной философии образования наблюдается поворот к этическим идеям Э. Левинаса – одного из самых оригинальных западных философов XX века, для которого этика имела особое значение и провозглашалась им подлинно первой философией [1;2].

Такой поворот к этическим идеям Э. Левинаса исследователи связывают с теми вдохновениями и горизонтами, которые открывают данные идеи для философии образования. Среди них особенно следует выделить, во-первых, тот факт, что философские идеи Э. Левинаса позволяют философии образования более активно участвовать в жизни современного социума в целом и в сфере образования в частности. Критика Э. Левинасом классического концепта субъекта и выстраивание новой многоуровневой концепции субъективности крайне актуальны для осмысления современного образования, которое имеет дело с изменением и развитием человеческой личности, человеческого сознания [1].

Во-вторых, философская концепция Э. Левинаса, которая во многом расшатывала привычные взгляды на субъективность, Другого, темпоральность и проч., вооружает исследователей в сфере современной философии образования концептуальными инструментами для противостояния доминирующим тотализирующим тенденциям, позволяет переосмыслить современные теорию и практику образования [1].

Исследователи в сфере современной философии образования актуализируют различные аспекты философской концепции Э. Левинаса, связывая идеи этого уникального мыслителя XX века с экологией, устойчивым развитием, с политикой, с онлайн-образованием, с художественным образованием, с воспитанием социальной справедливости и проч [3].

А. Стрхан, опираясь на идеи Э. Левинаса, разрабатывает концепцию развития морального и политического сообщества в рамках образования [4]. Ш. Тодд говорит о том значении, которое сегодня приобретает воспитание социальной справедливости в той версии, которую разработал Э. Левинас [1]. Г. Чжао развивает постгуманистическое понятие субъективности в контексте образования с опорой на многоуровневую концепцию

субъективности Э. Левинаса [1]. Г. Биеста разрабатывает концепцию обучения, основанную на «прерывании» и на решающем значении «субъектности» ученика для современного образования [5]. Б. Мартин с опорой на этику ответственности Э. Левинаса выдвигает концепцию «экопедагогике» [1]. М. Беренпас опираясь на понимание Э. Левинасом изначального обучения, раскрывает ее актуальность во времена пандемии Covid-19, и выдвигает идею, заключающуюся в том, что онлайн-обучение должно не только концентрироваться на передаче знаний, но и вкладывать средства в создание специфической образовательной среды, в которой подлинно этическое взаимодействие участников образовательного процесса становится возможным [6].

Но в данной статье делается акцент на том новом вдохновении, которое могут дать разработки Э. Левинаса в области философии нравственному воспитанию в современном образовании.

Итак, в данном случае необходимо отталкиваться от понятий субъективности и субъективации. И сразу же стоит акцентировать внимание на двойственности понимания субъекта, субъективности в современных дискуссиях об образовании. С одной стороны, в современной философии образования ученик и учитель как субъекты образовательного процесса – это данность, факт реального образовательного процесса. С другой же стороны, субъект выступает целью, желаемым образом в образовательном процессе [7].

И если говорить о втором аспекте понимания субъективности, то, иными словами, субъективация провозглашается важнейшей составляющей миссии образования [3].

И здесь переосмысление Э. Левинасом концепта субъективности приобретает исключительную актуальность, так как содержит потенциал стать новым вдохновением для нравственного воспитания в современном образовании.

Важно акцентировать внимание на том, что для философии XX века характерна критика классического концепта субъекта. Мыслители XX века показали, что классический субъект неправдоподобно рационален, един, автономен, ответственен и наделен знаниями. Использовать данный концепт уже не представлялось возможным. Э. Левинас также критикует классический концепт субъекта и предлагает оригинальную многоуровневую концепцию субъективности [8].

Для ее раскрытия мыслитель использует понятия «самотождественное», «психизм», «Я». Эти понятия в философской

концепции Э. Левинаса отсылают к отдельности, к отделению, к самодостаточности Я. Таким образом Э. Левинас раскрывает эгоистичное существование внутри своей собственной самости, «у себя». И здесь мы видим интересный и важный шаг Э. Левинаса: он сохраняет черты классического субъекта, но на определенном уровне. И это существование «у себя» оказывается в философской концепции Э. Левинаса предпосылкой этического отношения, так как стать открытым Другому, осуществить ответ нуждам Другого можно только, когда есть некая самодостаточность, вот это «у себя» [9].

Иными словами, Э. Левинас идет дальше и обнаруживает более фундаментальный уровень субъективности. И этот уровень оказывается изначальным и предначальным. Нервом субъективности становится не мышление, а ответственность за Другого, то есть этическое измерение.

Таким образом, Э. Левинас выстраивает концепцию субъективности, которая не сосредоточена на себе, а существует для Другого, субъективности, которая не самодостаточна и принципиально открыта для принятия Другого и для ответственного его нуждам [8].

Это действительно революционное переосмысление субъективности имеет ключевое значение для сферы образования, так как, те смыслы, которые Э. Левинас вкладывает в понятие «субъективность», вплетают в субъективацию как миссию образования этическое измерение.

Эти новые смыслы обеспечивают основу для нравственного воспитания, позволяют осуществить подлинную образовательную миссию субъективации в направлении иначе понимаемой субъективности.

Схема нравственного воспитания оказывается в корне переосмысленной: не мы учимся поступать этично посредством образования, а сама наша субъективность формируется в этическом ответствовании на нужды Другого. Становление личности происходит в самом процессе реагирования на Другого и ответственности за него.

То есть, можно сказать следующее: «Субъективация – это этика» [3]. Это значит, что этика и субъективация – это одна и та же миссия в контексте образования. Это и есть вдохновение для образования, это и есть новая основа для нравственного воспитания.

Какие практические преломления в образовательном опыте можно вывести из этических идей Э. Левинаса?

Первое – постулируется важность привлечения личного этического опыта ученика в образовательный процесс, ведь это единственное пространство, в котором учитель и ученик могут встретиться в

плодотворном диалоге. Иными словами, акцент делается не на универсальном моральном правиле, моральной норме или моральной компетенции, а на реальной встрече с Другим, но не воображаемым Другим, а с вотелесненным, уязвимым Другим, погруженным в определенный контекст, специфические жизненных обстоятельства. Именно на реальном этическом опыте ученика миссия субъективации может быть наиболее полно реализована [10].

Второе – значимым оказывается и созидание в аудитории, в классе пространства встречи с инаковостью. Ведь обучение направлено на встречу с новым и неизвестным, на то, чтобы быть прерываемым принципиальной инаковостью Другого, и на то, чтобы быть вовлекаемым в ответственность перед Другими, за Других. Отсюда выводятся также концепции обучения, основанные на прерывании, то есть на предоставлении возможностей, которые прерывают стандартизированные образцы поведения и мышления. В такого рода прерывании также более полно реализуется такая миссия образования, как субъективация [1].

Третье – первостепенное значение в нравственном воспитании имеет создание пространства для культуры дарения. Запускать в образовательном процессе цепочки альтруизма, безвозмездной помощи. Культура дарения провозглашается формой жизни, благодаря которой создаются межчеловеческие отношения, основанные на солидарности и безвозмездности. Тем самым, один из ключевых тезисов Э. Левинаса о том, что субъективность – это дарение, раскрывается в важности возвращая культуры дарения как формы жизни в реальном образовательном процессе [10].

Таким образом, в современной философии образования наблюдается поворот к этическим идеям Э. Левинаса. Переосмысление Э. Левинасом концепции субъективности дает новое вдохновение нравственному воспитанию, так как вплетает в субъективацию как миссию образования этическое измерение. Среди практических преломлений этических идей Э. Левинаса в образовательном опыте были выделены: во-первых, важность созидания определенной образовательной среды, привлекающей личный этический опыт учеников, как основы наиболее полной реализации такой миссии образования, как субъективация. Во-вторых, существенность реализации прерывания образцов поведения и мышления посредством столкновения с инаковостью, в которой и зарождается ответственность за Других и перед Другими, в контексте образования, которое также лежит в основе субъективации как важнейшей миссии образования. В-третьих,

значимость возвращивания культуры дарения как формы жизни в реальном образовательном процессе, благодаря которой создаются межчеловеческие отношения, основанные на солидарности, альтруизме и безвозмездности.

### Список литературы

1. Zhao, G. Levinas and the philosophy of education / G. Zhao // *Educational Philosophy and Theory*, 48 (4), 2016. – P. 323–330.
2. Васильева, Е. С. Этическая мысль Эмманюэля Левинаса : этика или «первая философия»? / Е. С. Васильева // *Философия. Язык. Культура : материалы 5-й науч. конф.*, Москва, 28–29 апр. 2014 г. – М. : НИУ ВШЭ, 2015. – С. 121–134.
3. Zhao, G. Levinas and the Mission of Education / G. Zhao // *Educational Theory*. 62 (6), 2012. – P. 659–675.
4. Strhan, A. Levinas, subjectivity, education / A. Strhan. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. – 232 p.
5. Biesta, G. Education after the death of the subject : Levinas and the pedagogy of interruption / G. Biesta // In Z. Leonardo (Ed.), *The handbook of cultural politics and education*. Rotterdam: Sense. *Levinas and the Philosophy of Education*, 2010. – P. 289–302.
6. Martine, B. On facing one's students : The relevance of Emmanuel Levinas on teaching in times of Covid-19. *Journal of Philosophy of Education*, 55, 2021. – P. 649–664.
7. Гусаковский, М. А. Субъективация как феномен образования / Университет в перспективе развития : Альманах Центра проблем развития образования БГУ. № 5 : Политики субъективации в университетском образовании / Белорусский государственный университет, Центр проблем развития образования ; под ред. А. М. Корбуга, А. А. Полонникова. — Мн. : Прописи, 2007. – С. 53–69.
8. Сокулер, З. А. Субъективность, язык и Другой. Новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эммануэля Левинаса. – М. : Университ. Кн., 2016. – 240 с.
9. Левинас, Э. Избранное : Тотальность и бесконечное. – М., Спб. : Университетская книга, 2000. – 416 с.
10. Ortega Ruiz, P., Romero Sánchez, E. Moral education from Levinas: Another educational model / P. Ortega Ruiz, E. Romero Sánchez // *Revista Española de Pedagogía*, 80 (282), 2022. – P. 233–249.

# ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИЙ У ЖИВОТНЫХ И ПРОБЛЕМА ИХ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

**Евсей Олесь Александрович,**

студент биологического факультета Белорусского государственного университета

**Новикова Ольга Владимировна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки

Белорусского государственного университета

**Аннотация.** В статье анализируется вопрос о способности животных испытывать положительные и отрицательные эмоции и наличии у них основ сознания. Рассматривается понятие «sentience» и сложность его концептуализации в русскоязычном научном дискурсе. Исследуются эмоциональные состояния у некоторых групп животных (млекопитающие, птицы, амфибии, рептилии, рыбы, десятиногие ракообразные, головоногие моллюски, насекомые и паукообразные). Подтверждается способность ряда видов испытывать эмоции и на основании этого рассматривается вопрос об улучшении благосостояния животных.

**Ключевые слова:** эмоции животных; права животных; сознание животных; страдания животных; благосостояние животных.

## ANIMAL SENTIENCE AND WELFARE

**Evsey Oles Aleksandrovich**

student of the Faculty of Biology, Belarusian State University

**Novikava Volha U.**

Cand. of Sciences, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University

**Abstract.** The article analyzes the question of the ability of animals to experience positive and negative emotions and the presence of the basics of consciousness in them. The concept of “sentience” and the complexity of its conceptualization in Russian-language scientific discourse are considered. Emotional states are studied in several groups of animals (mammals, birds, amphibians, reptiles, fish, decapods, cephalopods, insects and arachnids). The ability of a number of species to experience emotions is confirmed, and based on this, the issue of improving animal welfare is being considered.

**Keywords:** animal emotions; animal rights; animal sentience; animal suffering; animal welfare.

Для вопроса о правах и благосостоянии животных за исключением человека (далее животных) огромное значение имеет понимание наличия у них способности чувствовать и испытывать положительные и отрицательные эмоции. В англоязычной литературе для обозначения этой способности используется понятие «sentience», которое можно перевести одновременно и как чувствительность, способность испытывать чувства и переживания, и как разумность. Вопрос о наличии у животных эмоций в настоящее время является дискуссионным; ряд ученых полагает, что одни виды могут испытывать эмоции, а другие испытывают состояния, сходные с эмоциями [1]; в статье мы будем обозначать и то, и другое как эмоции. Еще одно смысловое значение слова sentience отсылает к понятию сознания, однако ввиду сложности концептуализации феномена сознания в науке и философии возникает риск смешения представлений о сознании человека и предполагаемом сознании животных и проведения необоснованных параллелей, поэтому следует оговорить, что в данной статье при упоминании сознания животных мы будем понимать под ним способность получать и интерпретировать внутренние и внешние сигналы, запоминать и проявлять эмоции [2]. Существуют факты, опираясь на которые, мы можем предполагать наличие у животных такого рода сознания с большой долей вероятности; целью данной статьи будет выявление наличия у животных сознания и эмоций и определение того, как это влияет на наши взаимоотношения с ними и на обеспечение их благосостояния. Благосостояние животных (animal welfare – англ.) – сложное комплексное понятие, которое используется для законодательного обеспечения защиты животных в связи с их способностью чувствовать.

Для доказательства мы можем посмотреть, насколько строение нервной системы различных групп животных близко к человеческому, посмотреть на поведенческий и физиологический ответ при предъявлении различных стимулов (неприятные, позитивные стимулы; анальгетики и анестетики) [3]. Если поведенческий ответ нельзя объяснить с точки зрения рефлексов, либо же такое объяснение будет сложнее, чем альтернативное, то мы можем говорить об интеллектуальных процессах, стоящих за ним. Наличие эмоций можно доказать похожим образом. Можно предъявить животному стимул, и если поведением не будет рефлекторным, однако будет физиологическая реакция, то это может свидетельствовать о наличии у животных эмоций. В целом область знаний о благосостоянии животных можно определить как минимизацию негативных эмоций и максимизацию положительных.

Негативные эмоции могут проявляться в виде избегания использования повреждённой конечности, изменения настроения, мимики, стремления получить обезболивающее, ненормальное (нанесение вреда друг другу, уменьшение аппетита) и стереотипное (ненужные часто повторяющиеся действия) поведение [4], отсутствия проявлений положительных эмоций [5]. Экспериментальными доказательствами наличия отрицательных эмоций могут быть реакции на неприятные стимулы [3], в частности, способность животных быстро реагировать на фактор, приводящий к получению неприятных эмоций и попытки его избежать (к примеру, найти укрытие) [6]. Данное поведение также связывает эмоции с памятью и способностью оценки.

Положительные эмоции проявляются в виде моделей поведения, которые не предполагают получения какой-либо награды извне, однако животные ведут себя определенным образом, руководствуясь внутренней мотивацией. Проявления положительных эмоций включают игру, груминг (чистка другой особи), самогруминг, исследовательское поведение [5].

Взглянем на анатомические сходства нервной системы человека и других животных. Для того, чтобы оценить степень сходства или различия наших ощущений и их, необходимо выяснить, обладают ли животные схожими с нами рецепторами, нейронными путями, структурами мозга. Основные исследованные рецепторы – болевые и рецепторы к обезболивающим, и из далеких от нас групп животных они были обнаружены у рыб, десятиногих ракообразных (раки, крабы, креветки), головоногих моллюсков (кальмаров, осьминогов), насекомых [3]. Кроме того, наличие у других животных таких нейромедиаторов, как дофамин, указывает на их способность испытывать удовольствие [7]. В целом при попытках выделения сходства между нервной системой человека и других животных регулярно указывается, что разница между ними не является качественной и другие животные способны на всё те же субъективные восприятия, что и человек, примером чего может служить использование нулевой гипотезы Макфэйла [8] и Кембриджская декларация о сознании [9].

Есть свидетельства наличия эмоций у различных групп животных, проявляющихся в поведенческих реакциях, однако чаще всего их наличие не доказывается экспериментально, а предполагается на основании эмпирических данных, поведенческих ответов и физиологических и нейробиологических индикаторов [10]. У млекопитающих наблюдались фрустрации [4], стресс из-за изменений в иерархии, поведение свидетельствующее о депрессии и ПТСР (у шимпанзе и слонов) [3]. Кроме

того, у них есть и положительные эмоции: эмоциональное возбуждение, игра [5]. В то же время птицы не так сильно отличаются от млекопитающих [11], а следовательно, в их отношении так же справедливо утверждение о наличии положительных и отрицательных эмоций. Есть экспериментальные доказательства наличия у рептилий тревожности и удовольствия; предполагается наличие у них дистресса, эмоционального возбуждения, страха, фрустрации, боли, страданий, и наблюдения игры у некоторых видов [12]. Амфибии способны испытывать страх, боль, тревожность и дистресс [13]. У рыб предполагается наличие, тревожности, страха, предвкушения, депрессии, дистресса, возбуждения, паники [10], а также есть свидетельства наличия положительных эмоций [14]. Десятиногие ракообразные способны испытывать боль не только на физическом, но и на психологическом уровне [3, 6]. У головоногих моллюсков наблюдается достаточно сложное поведение, так что у них достаточно общепринято наличие сложных когнитивных способностей. Они могут испытывать боль на психологическом уровне [6], и у некоторых видов обнаружено игровое поведение [15].

С насекомыми и паукообразными ситуация более интересная. Базисом для улучшения человеческого отношения к насекомым считаются их когнитивные способности, и исследований интеллекта насекомых намного больше, чем исследований их эмоциональных состояний [16]. Но несмотря на то, что когнитивные способности напрямую связаны с памятью и способностью анализировать окружающий мир, они не обязательно связаны с эмоциями. Тем не менее у отряда Перепончатокрылые (пчелы, шмели, осы, муравьи) предполагается наличие пессимизма и эмоционального возбуждения [16], в частности, у шмелей есть свидетельства игры [17] и состояния, схожего с оптимизмом у людей [1]. У паукообразных способность реагировать на боль может быть фундаментально той же, что и у людей [3], а одни из лучших свидетельств функций игры исходят из исследований на пауках [18].

К сожалению свидетельств, о причинении животным страданий намного больше, чем исследований о наличии у них эмоций. Вся фермерская индустрия построена на причинении животным страданий, будь это причинение физических страданий (кастрация без анестезии, прижигание клювов у кур), либо же плохие условия содержания (перенаселение) [4]. Кроме того, при исследовании крупного места торговли экзотическими животными было обнаружено, что около 80% животных там были больны или же ранены [12]. Из исследований видно, что огромный

процент шимпанзе, содержащихся в неволе, показывает ненормальное поведение [3], и кроме того они могут страдать от ПТСР после проведенных на них исследований [3].

Анализ указанных источников позволяет говорить о наличии у животных основ сознания. Разумеется, оно отличается от человеческого: к признакам отличий обычно относят наличие у человека абстрактно-логического мышления, целенаправленного, самосознания и речи (языка). Фактором, говорящим в пользу существования у животных основ сознания, выступает как раз их способность испытывать положительные и отрицательные эмоции. Кроме того, животные страдают в процессе научных экспериментов, что приводит нас к вопросу, стоит ли улучшение качества жизни человека и научный прогресс в целом страдания животных. Если да – то каковы этические обоснования? Если нет – то как оценивать эксперименты прошлого (например, эксперименты И. П. Павлова с собаками)? В современной науке существует принцип трех R (Replace, Reduce, Refine), в соответствии с которым нужно заменять животных не имеющими сознания альтернативными объектами, уменьшать количество используемых животных и совершенствовать эксперименты, использующие животных, чтобы минимизировать страдания последних [3].

Однако даже если мы не можем устранить страдания животных полностью, мы можем их значительно уменьшить. Это потребует защиты прав животных в пищевой индустрии, зоопарках, животных как домашних питомцев и т.д. А формулировка этих прав требует понимания, что такое благосостояние животных, и как его улучшить. Так, Ю. Бенц-Шварцбург и Б. Рэйдж выступают за то, что забота является фундаментальной для многих видов и так же выступает фактором благосостояния [19]. Если это так, то забота о питомцах будет вести к улучшению благосостояния людей, поскольку питомцы в ответ на заботу будут проявлять положительные эмоции, что будет вести к обоюдному улучшению качества жизни. А Ф. де Вааль, описывая свой опыт в зоопарке Арнема, говорит о создании для шимпанзе условий, наиболее близких к условиям их жизни на воле, но при этом учитывающих их пребывания в неволе, в результате чего не проявлялись негативные формы поведения, но проявлялись позитивные [20]. Подобная политика в организации зоопарков намного лучше для благополучия животных, находящихся в них, и может быть лучше для посетителей, так как намного интереснее наблюдать за животными практически в их естественной среде обитания.

Кроме того, есть предложения методик по улучшению жизни животных. Так, есть различные эксперименты, в которых животных обучают распознавать боль по мимике особей своего вида [4]. Такие методы могут помочь, когда нет явных для человека проявлений испытываемых животным страданий. В то же время А. Буасси и др. [5] предлагают ряд методов для увеличения испытываемых животными положительных эмоций. Несмотря на то, что этичность некоторых из них стоит под вопросом, если мы принимаем наличие у животных сознания (к примеру, предлагается вести селекцию животных с менее пугливым темпераментом, так как такие животные меньше испытывают стресс и лучше заботятся о потомстве), бóльшая часть из них достаточно интересна (обогащать места обитания животных, или же давать им несложные задачи, чтобы животные испытывали удовлетворение от их решения. Последнее можно совмещать с исследованием когнитивных способностей животных, тем более, что сами по себе подобные исследования могут помочь улучшить отношения людей с животными [21]).

Следует отметить, что объективной оценке наличия различных форм сознания у животных мешают несколько факторов. Во первых, данная область знаний фокусируется в гораздо большей степени на млекопитающих чем на любой другой группе животных [12]. Во-вторых неприятные ощущения, такие как боль и дистресс, намного лучше изучены чем положительные [5, 7, 14]. Решению этих сложностей должна способствовать акцентуация данных проблем и увеличение количества соответствующих исследований.

#### Список литературы

1. Mendl, M.T. Bee happy / M.T. Mendl, E.S. Paul // Science. – 2016. – 353 vol, № 6307. – P. 1499-1500.
2. Silverman, J. Sentience and sensation / J. Silverman // Lab Anim. – 2008. – 37 vol, № 10. – P. 465-467.
3. Jones, R.C. Science, sentience, and animal welfare / R.C. Jones // Biol. Philos. – 2013. – 28 vol, № 1. – P. 1-30.
4. Animal Sentience and Welfare: An Overview / S. Kumar [et al.] // Int. J. Curr. Microbiol. Appl. Sci. – 2019. – 8 vol, № 08. – P. 635-646.
5. Assessment of positive emotions in animals to improve their welfare / A. Boissy [et al.] // Physiol. Behav. – 2007. – 92 vol, № 3. – P. 375-397.
6. Pain and Suffering in Invertebrates: An Insight on Cephalopods / G. della Rocca [et al.] // Am. J. Anim. Vet. Sci. – 2015. – 10 vol, № 2. – P. 77-84.

7. Balcombe, J. Animal pleasure and its moral significance / J. Balcombe // *Appl. Anim. Behav. Sci.* – 2009. – 118 vol, № 3-4. – P. 208-216.
8. Kakrada, E. Extending the null hypothesis to invertebrate pain sentience / E. Kakrada, M. Colombo // *Anim. Sentience.* – 2022. – 7 vol, № 32.
9. Цит. по: Вааль, Ф.Д. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / Ф.Д. Вааль. – Альпина Паблишер, 2016. – 490 с.
10. A Kettle of Fish: A Review of the Scientific Literature for Evidence of Fish Sentience / H. Lambert [et al.] // *Animals.* – 2022. – 12 vol, № 9. – P. 1182.
11. Gentle, M.J. Pain in Birds / M.J. Gentle // *Anim. Welf.* – 1992. – 1 vol, № 4. – P. 235-247.
12. Lambert. Given the Cold Shoulder: A Review of the Scientific Literature for Evidence of Reptile Sentience / Lambert, Carder, D’Cruze // *Animals.* – 2019. – 9 vol, № 10. – P. 821.
13. Lambert, H. Frog in the well: A review of the scientific literature for evidence of amphibian sentience / H. Lambert, A. Elwin, N. D’Cruze // *Appl. Anim. Behav. Sci.* – 2022. – 247 т. – С. 105559.
14. Fife-Cook, I. Positive Welfare for Fishes: Rationale and Areas for Future Study / I. Fife-Cook, B. Franks // *Fishes.* – 2019. – 4 vol, № 2. – P. 31.
15. Zylinski, S. Fun and play in invertebrates / S. Zylinski // *Curr. Biol.* – 2015. – 25 vol, № 1. – P. R10-R12.
16. Lambert, H. Wouldn’t hurt a fly? A review of insect cognition and sentience in relation to their use as food and feed / H. Lambert, A. Elwin, N. D’Cruze // *Appl. Anim. Behav. Sci.* – 2021. – 243 vol. – P. 105432.
17. Do bumble bees play? / H.S. Galpayage Dona [и др.] // *Anim. Behav.* – 2022. – 194 т. – С. 239-251.
18. Burghardt, G.M. Play in fishes, frogs and reptiles / G.M. Burghardt // *Curr. Biol.* – 2015. – 25 т, № 1. – С. R9-R10.
19. Benz-Schwarzburg, J. Caring animals and the ways we wrong them / J. Benz-Schwarzburg, B. Wrage // *Biol. Philos.* – 2023. – 38 vol, № 4. – P. 25.
20. Вааль, Ф. де. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов / Ф. де Вааль. – Litres, 2022. – 405 с.
21. A turtle cognition research demonstration enhances visitor engagement and keeper-animal relationships / A.C. Alba [et al.] // *Zoo Biol.* – 2017. – 36 vol, № 4. – P. 243-249.

# ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И ДИНАМИКА МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

**Екадумов Андрей Иванович**

кандидат философских наук, доцент; доцент

кафедры философии и методологии науки Белорусский государственный  
университет

**Аннотация.** Концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона в недостаточной мере учитывает индивидуально-психологический аспект продуцирования конфликтов в постнациональном мире. Локальные гражданские конфликты в условиях детерриторизации обретают глобальное измерение. В отличие от вражды с инокультурными чужаками, глобально спроецированные этико-социальные конфликты внутри монокультурных сообществ организуются как вокруг нарушения моральных табу, так и в связи с миметическим соперничеством по поводу более успешного следования принятой системе ценностей. Динамика глокальных конфликтов также определяется моральным развитием их участников, описываемым шкалой этического развития Л. Кольберга. Конфликт, описанный С. Хантингтоном как цивилизационный, реализуется между представителями различных монокультурных сообществ, находящимися на конвенциональной стадии морального развития. Для акторов, перешедших на постконвенциональный уровень морального сознания, культурная принадлежность оппонента не является значимым конфликтогенным фактором.

**Ключевые слова:** цивилизация, конфликт, мимесис, мораль, глобализация.

## CIVILIZATIONAL INTERPRETATION OF GLOCAL CONFLICTS AND THE DYNAMICS OF MORAL CONSCIOUSNESS

**Ekadumov Andrey Ivanovich,**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department Philosophy and  
Methodology of Science  
Belarusian State University

**Annotation.** S. Huntington's concept of clash of civilizations does not sufficiently take into account the individual-psychological aspect of conflict generation in the post-national world. Local civil conflicts in the conditions of de-territorialization acquire a global dimension. Unlike enmity with foreign cultural strangers, globally projected ethical and social conflicts within monocultural communities are organized both around the violation of moral taboos and

in connection with mimetic rivalry over more successful adherence to the accepted system of values. The dynamics of glocal conflicts is also determined by the moral development of their participants, described by L. Kohlberg's scale of ethical development. The conflict described by S. Huntington as civilizational is realized between representatives of different monocultural communities at the conventional stage of moral development. For actors who have moved to the post-conventional level of moral consciousness, the cultural affiliation of the opponent is not a significant conflictogenic factor.

**Keywords:** civilization, conflict, mimesis, morality, globalization.

Возрастающая роль политико-экономических отношений транснационального уровня на фоне распада биполярного мира в конце XX в. определила востребованность концептуализаций, преодолевающих национально-государственную оптику в политико-философских исследованиях [1]. Версией, претендующей на осмысление конфликтов глобализирующегося мира с учетом наднационального уровня социодинамики выступила локально-цивилизационная концепция С. Хантингтона [2]. Источником постнациональных конфликтов в данной концепции выступали устойчивые комплексы ценностных представлений, обуславливающих цивилизационную идентичность.

Локально-цивилизационный подход представляет лишь одну из версий частичного описания глокальных конфликтов. Определяя фундаментальные предпосылки противостояния как укорененные в ценностных приверженностях, характерных для устойчивых культурных общностей, концепция цивилизационного столкновения в недостаточной степени учитывает внутрицивилизационный, в языке данной теории, аспект продуцирования глокальных конфликтов.

Ценностные приверженности, принятые за основу цивилизационных идентификаций, обуславливающих экзистенциальную вражду, наиболее остро проявляются в сфере морали. Несовместимые представления о благе существенно сужают возможности политического компромисса по поводу приоритетов социокультурного развития, в отличие от соображений взаимной выгоды, акцентирующих приоритет корыстных интересов относительно этических соображений.

Конфликт цивилизаций в прочтении С. Хантингтона предстает как конфликт идентичностей на основе различных ценностных систем. Хотя политико-идеологическая манифестация вооруженных столкновений постнационального мира дает, казалось бы, очевидные поводы для подобной интерпретации, ряд аспектов глобальной социодинамики,

существенно ограничивает концептуальное истолкование трансгосударственных конфликтов как межцивилизационных.

С распадом идеологически поляризованного мира гражданские войны не прекратились, сменившись войнами цивилизационных альянсов. В условиях детерриторизации гражданские конфликты обрели транснациональное измерение, став существенным компонентом глобальной социодинамики.

Частично проблема несоответствия локально-цивилизационного описания конфликтов наблюдаемым политическим процессам снимается интерпретацией гражданских войн как межцивилизационных, разворачивающихся на территориях национальных государств. Но такая интерпретация не распространяется на вражду в моноэтнических и моноконфессиональных сообществах, что обнаруживает недостаточность локально-цивилизационного подхода к осмыслению проблем постнационального мира.

Концепция столкновения цивилизаций, сосредотачивая внимание на эссенциалистски истолкованных ценностно-идентичностных предпосылках противостояния, не учитывает в достаточной степени индивидуально-психологический компонент формирования глокальной социодинамики. В условиях транснациональной политики глобальное измерение обретает конкуренция за повышение социальных позиций и самооценок внутри относительно монолитных культурных сообществ. Схожие системы ценностных приверженностей, при этом, способны реализоваться в различных, в том числе взаимоисключающих поведенческих стратегиях. Механизм миметического соперничества, как его описывает Р. Жирар [3], наиболее актуален для описания конфликтогенной динамики именно монокультурных групп, поскольку цивилизационный Другой, приверженный иным статусным иерархиям и реализующий иные идентификационные сценарии, пребывает на границе или вне мимесиса, определяющего сущностные предпочтения конкурирующих за статус и рост самооценки представителей единой культуры.

Чтобы борьба с Другим велась не из корыстных соображений, за материальные ресурсы и власть, но исключительно за ценностные приверженности, Другой должен быть включен в ту же ценностно-идентичностную модель, что и условный автохтон. Т.е. Другой, при очевидной инаковости, должен быть в достаточной степени своим, чтобы, помимо исключительно прагматического позиционирования в качестве ресурса или физической угрозы, подпадать под этические квалификации в

усвоенной системе морали. Ценностно-идентичностный характер конфликта предполагает, что нейтральное отношение игнорирования невозможно, и вместо определяющей восприятие Другого базовой категориальной оппозиции «угроза-выгода» должна доминировать оппозиция «добро-зло».

В случае конфликта по поводу выгоды и доминирования прагматические соображения допускают сотрудничество с цивилизационным чужаком, тогда как представитель своей культуры может оказаться конкурентом за ценный ресурс.

Конфликт, определяемый С. Хантингтоном как цивилизационный, фундированный идентичностями высшего порядка, укоренен в сфере идеального. Но спроецированный в сферу объективирующих идентичностные представления социальных практик, он предстает конфликтом принципиально неинтегрируемых институциональных систем, претендующих на одни и те же ресурсы. Это конфликт, прежде всего, не миметический, а функциональный. Цивилизационный чужак выступает не миметическим соперником в борьбе за персональное воплощение ценностей, а агентом чуждой институциональной системы, претендующим на ограниченные ресурсы. В предельном выражении это дегуманизированный чужак извне, зло в онтологическом, но не в этическом смысле. Тогда как миметическим соперником, угрожающим положительной самоидентификации в пределах своей институциональной системы и разделяемых ценностных предпочтений является ее же представитель-конкурент.

В случае преобладания конкурентно-миметического компонента над ресурсно-прагматическим конфликт правомерно описывать как спровоцированный угрозой ценностным приверженностям, фундирующим идентичность. Но такой конфликт корректнее квалифицировать как идентификационно-этический, а не цивилизационный. Это конкуренция по поводу реализуемого ценностного образца, определяющего персональную идентификацию и предполагающего включение противника в горизонт этического оценивания: либо как злонамеренного актора, совершающего не просто вредоносные, но аморальные действия, либо как миметического двойника-соперника, провоцирующего агрессию обесцениванием достигнутой самооценки и статуса.

Исключение из совокупности конфликтогенных факторов, в качестве умозрительного приема, властно-ресурсной компоненты, позволяет акцентировать внимание на ценностно-нормативной составляющей. Но в

институционально оформленном пространстве intersубъективных коммуникаций конфликт по поводу персональных ценностных представлений реализуется или относительно объективирующих их, претендующих на легитимность социальных практик, или же относительно различных рефлексивно-поведенческих актуализаций одной и той же обобщенной ценностно-нормативной системы. В первом случае этот конфликт может описываться как межинституциональный, без привлечения концепта цивилизации, во втором как внутрикультурный.

В случае внутрикультурного конфликта с преобладанием ценностно-идентичностного компонента над прагматическим существенным фактором солидарности либо вражды выступает не сама ценностная система в основе личностных идентификаций, а персональные стратегия ее актуализаций внутри культурной общности.

Социодинамика как монокультурных, с позиций внешнего наблюдения, так и поликультурных сообществ, определяется не просто приписываемой индивидам идентичностью, но их персональными актами морального выбора. И это предполагает сосредоточение анализа конфликтных факторов социодинамики на морально-психологических механизмах продуцирования конфликтов как между монокультурными сообществами в составе более сложных систем культуры, так и внутри них. Поступок, манифестирующий персонально сконфигурированную приверженность общим ценностям, совершается индивидом, что требует учета индивидуально-психологического аспекта в эскалации-деэскалации этико-социальных конфликтов.

Морально-психологической концепцией, преодолевающей био- и культуродетерминистскую интерпретацию человеческого поведения, акцентирующей фактор личного выбора, является концепция стадий морального развития Л. Кольберга [4]. Согласно ей личность способна пройти три ступени развития: доконвенциональную, конвенциональную, постконвенциональную. Доконвенциональное поведение определяется избеганием наказания, затем вознаграждением или личными потребностями. На конвенциональном уровне поведение определяется социально одобренным образом «хорошего человека», далее индивид ориентируется на правила и законы ради поддержания социального порядка. Постконвенциональное соблюдение правил зависит от их соответствия достижению блага людей, и на высшей стадии морального самосознания человек руководствуется абстрактными и универсальными принципами совести.

Концепт цивилизационного конфликта по С. Хантингтону в наибольшей степени применим к представителям различных культур, находящимся на конвенциональной стадии развития. На доконвенциональном уровне доминирующим конфликтогенным мотивом оказываются соображения выгоды-безопасности. На постконвенциональном уровне личность обладает высокой автономией морального оценивания и поведения относительно социальной среды.

Конфликты по поводу рассогласования идентификаций и поступков с моральными конвенциями возможны как между представителями различных культур, так и внутри монокультурных общностей, между акторами на разных стадиях морального развития по шкале Л. Кольберга. Причем для акторов постконвенционального уровня, сочетающих автономию решений с этической универсальностью, культурная принадлежность морального антагониста не является значимым фактором, провоцирующим враждебность.

#### Список литературы

1. Бек. У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
3. Жирар Р. Насилие и священное / Р. Жирар. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.
4. Lawrence Kohlberg's stages of moral development [Электронный ресурс] // Britannica. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/science/Lawrence-Kohlbergs-stages-of-moral-development/>. – Дата доступа: 22.10.2023.

## ТРАДИЦИИ В НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО СТАТУСА ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ПЕРЕХОДА

**Зеленков Анатолий Изотович,**

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии  
науки Белорусского государственного университета

**Аннотация.** В статье рассмотрена роль культурных традиций как ценностно детерминированных регулятивов научного познания. Обосновывается идея, согласно которой как в конкретных сценариях формирования и развития классической науки, так и в современной, пост-неклассической науке, традиции выполняют две методологически значимые функции: 1) нормативно-эвристическую и 2) селективно-стабилизирующую. Формулируется вывод о том, что эти функции традиции приобретают особое значение в условиях трансдисциплинарного перехода в современной методологии научного познания, формирования постакадемической науки, технонауки и освоения высоких технологий в практике научных исследований.

**Ключевые слова:** традиция; трансдисциплинарность; методология научного познания; социальные и когнитивные ценности.

## TRADITIONS IN SCIENCE: THE PROBLEM OF THE VALUE STATUS OF TRADITIONS IN THE CONDITIONS OF TRANSDISCIPLINARY TRANSITION

**Zelenkov Anatoly. I.,**

DSc. in Philosophy, Professor in the Department of Philosophy and Methodology of Science,  
Belarusian State University

**Abstract.** The article examines the role of cultural traditions as value-determined regulators of scientific knowledge. The idea, according to which both in specific scenarios of the formation and development of classical science and in modern, post-non-classical science, traditions perform two methodologically significant functions: 1) normative-heuristic and 2) selective-stabilizing, is substantiated. The conclusion, that these functions of tradition acquire special significance in the conditions of transdisciplinary transition in the modern methodology of scientific knowledge, the formation of post-academic science, technoscience and the development of high technologies in the practice of scientific research is formulated.

**Keywords:** tradition; transdisciplinarity; methodology of scientific knowledge; social and cognitive values.

Проблема статуса культурных традиций, их содержательных и функциональных особенностей становится в последние годы одной из наиболее активно обсуждаемых в различных гуманитарных дисциплинах. Необходимость более глубокого уяснения феномена традиций определяется многими причинами. Однако, безусловно, важнейшая из них заключается в сущностной характеристике современной эпохи с ее беспрецедентным динамизмом и релятивностью фундаментальных социокультурных оснований.

Термин «традиция» используется в литературе в весьма широком диапазоне смыслов и значений. В свое время известный французский исследователь Л. Жуве заметил, говоря о традиции: «Это слово неопределимо. Долговечность его существования объясняется именно его неясностью... Буквально же это слово ничего не означает» [1, с. 154]. Конечно, в этой оценке содержится известная доля преувеличения, которая, однако, не отменяет того очевидного факта, что определения данного понятия характеризуются немалым разнообразием.

Специфика культурных традиций в системе аксиологических установок деятельности весьма отчетливо проявляется в их двойственной природе. С одной стороны, традиция представляет собой особую форму трансляции социально-значимого опыта от одного поколения к другому. Она выступает в функции некоего формального механизма воспроизведения социальных программ деятельности и важнейших ценностей культуры. С другой – традиция должна быть рассмотрена с точки зрения специфики содержания этих ценностей и норм.

Наличие момента инвариантности и стабилизации в механизме традиции еще не дает оснований для ее отождествления с консервативным началом в развитии сложных системных объектов. В современных исследованиях вполне обоснованно подчеркивается необходимость более широкого понимания традиций и диалектического их соотношения с инновационными процессами в культуре. Подчеркивая момент органической связи традиций и инноваций, нельзя, конечно, упрощенно и абстрактно трактовать эту связь и размывать содержательно-смысловые границы между данными понятиями. Каждое из них обладает вполне суверенным содержанием и отражает специфический механизм целостного процесса развития. Безусловно, вне традиций не может осуществляться любое прогрессивное изменение. Но это означает лишь то, что традиция выступает необходимой предпосылкой для инноваций, является их имманентным условием. С другой стороны, любая инновация приобретает

реальный смысл и значение только в том случае, если она войдет в традицию, станет необходимым элементом социально-исторического опыта. Такая диалектическая интерпретация взаимосвязи традиций с социальными нововведениями способствовала становлению общей теории культурной традиции, в рамках которой данное понятие рассматривается как социально-философская, общесоциологическая категория [2, с. 78–96]. Пока, однако, можно говорить лишь о самых первых шагах на пути к созданию подобной теории.

В последнее время интерес к исследованию не только сущностной природы традиции, но и ее очевидной полифункциональности в развитии науки, философии, религии и других сфер универсума культуры, заметно возрастает. В связи с этим следует отметить публикацию монографии В. В. Анохиной «Культурная традиция в парадигмах современной философии», в которой представлено глубокое и основательное исследование феномена традиции на основе анализа и обобщения не только отечественных разработок в этой предметной области, но и ряда современных западных концепций традиции и их философского статуса. Как отмечает сама автор этой монографии, основной ее целью «является обоснование возможности синтеза различных парадигм современного социально-философского знания при разработке концепции культурной традиции как специфического механизма консервации, самоорганизации и направленного развития культуры» [3, с. 9].

В контексте рассматриваемой проблемы культурных традиций в научном познании, а также исходя из диалектического понимания взаимообусловленности традиций и новаций в социальном развитии, все многообразие их функций можно свести к двум основным и определяющим: 1) функция социальной стабилизации и преемственности в общественной жизнедеятельности; 2) функция необходимых условий и предпосылок для успешного осуществления инноваций. Анализ этих функций культурных традиций применительно к специфике научно-познавательной деятельности позволяет выделить две основные методологические функции традиции: 1) селективно-стабилизирующую и 2) нормативно-эвристическую. В них соответствующим образом конкретизируются базовые социальные функции традиций.

Сущность первой состоит в том, что культурная традиция определяет выбор оптимальной стратегии развития науки и санкционирует интеграцию новых теоретических знаний в культуру эпохи. Как правило, эта ее функция обнаруживается в ситуациях, когда новые научные результаты становятся

причиной существенного изменения философско-мировоззренческих установок сознания, либо активно осваиваются в социальной практике и производстве. Именно эти особенности жизни науки характерны для так называемого трансдисциплинарного перехода в современной методологии познания, формирования постакадемической науки, технонауки и освоения высоких технологий в практике научных исследований.

Вторая функция культурной традиции по отношению к науке состоит в том, что транслируемые в ней ценностные установки используются как предпосылка, социокультурная программа научного поиска. В данном случае она стимулирует интеллектуальные нововведения, способствует генерации новых научных результатов в рамках фиксированной парадигмы мышления.

Указанные функции культурной традиции по-разному проявляются в различные периоды развития науки. Весьма специфично они обнаруживают себя в эпоху генезиса классического естествознания и оформления основных его логико-методологических нормативов. В эпоху глобальной революции, связанной с генезисом экспериментальной науки Нового времени, традиция выступает не только фактором культурной стабилизации, но и выполняет функции метатеоретических предпосылок, стимулировавших появление новых научных знаний. Объясняется это как спецификой информационного поля культуры данной эпохи, значительной вариабельностью ее ценностных оснований, так и неразвитостью собственно методологического компонента науки в период ее становления и институализации. Более подробно эти механизмы социокультурной детерминации процесса формирования классической науки и роли традиций в этом процессе рассмотрены в работе автора данной статьи [4, с. 159–180]. Казалось бы, процесс формирования экспериментального естествознания осуществлялся в ту эпоху и в тех условиях, когда сама проблема трансдисциплинарности еще не существовала как терминологически фиксированный феномен в попытках осмыслить становление принципиально нового стиля научного мышления и его возможных объективаций в практике преобразования природы. Но суть проблемы трансдисциплинарного перехода в жизни науки не сводится к чисто терминологическим аналогиям. Она обладает прежде всего выраженным философско-методологическим потенциалом и открывает перспективы его метаметодологического понимания и использования в реальной практике интегративных исследований науки. А это означает, что трансдисциплинарный статус той, или иной концепции, или

методологической стратегии обнаруживает себя в том случае, когда их содержание и функциональные возможности задаются не только предметно-онтологическими характеристиками исследуемой реальности, но и в обязательном порядке включают в себя факторы социокультурной размерности и личностно-мировоззренческие аппликации этих социокультурных параметров.

В условиях беспрецедентного динамизма современной науки, возрастания ее социальной значимости и роли успешная реализация нормативно-эвристических функций в научных исследованиях уже не может быть обеспечена культурной традицией, ценностные установки которой не адаптированы к специфике научно-познавательной деятельности. Это обстоятельство стимулирует формирование и развитие методологического сознания, которое становится неотъемлемым компонентом в структуре современного научного поиска. В сфере общенаучной методологии оформляется особая исследовательская традиция, ориентирующая ученого на непрерывное продуцирование новых знаний и отрицание сложившихся стереотипов мышления. Она представляет собой совокупность метатеоретических оснований науки, выраженных в виде специальных норм и регулятивов научного исследования, для которых характерен прежде всего дух новаторства и перманентного познавательного прогресса, связанного с критикой и трансформацией наличного знания.

Однако развитие науки в период последних десятилетий, интенсивность и характер ее технологических приложений заставляют серьезно усомниться в правомерности такой однозначной ценностно-методологической ориентации. Сегодня трудно не согласиться со следующим замечанием А. Печчеи: «Суть проблемы, которая встала перед человечеством на нынешней стадии его эволюции, заключается именно в том, что люди не успевают адаптировать свою культуру в соответствии с теми изменениями, которые сами же вносят в этот мир...» [5, с. 14]. Экспоненциальное развитие научных знаний и технических навыков вовсе не гарантирует успешного решения тех проблем, с которыми столкнулось человечество на современном этапе социального развития. Более того, сегодня наука вполне определенно обнаруживает свою антигомеостатическую сущность, лишается ореола позитивности и зачастую выступает реальным фактором социальной дестабилизации.

В этих условиях, когда функции эвристико-методологического обеспечения научного поиска выполняются с помощью специально

разработанных понятий и категорий, непосредственной задачей культурной традиции становится реализация ее селективно-стабилизирующих функций. Можно выделить две наиболее типичные ситуации в этом случае. Первая, когда имеется несколько конкурирующих между собой исследовательских программ, являющихся инструментально и операционально эквивалентными. Тогда срабатывает селективная функция культурной традиции и предпочтение отдается той стратегии развития науки, которая в большей мере соответствует доминантным ценностям и социокультурным установкам эпохи.

Вторая ситуация, когда новые научные результаты существенно противоречат господствующей культурной традиции и, следовательно, способствуют разрушению сложившихся в обществе ценностных ориентаций и стереотипов поведения. В данном случае срабатывает прежде всего формальный механизм традиции, наиболее рельефно проявляются ее стабилизирующие функции. В таких экстремальных ситуациях интеграция нового научного знания и освоение его в социальной деятельности существенно затрудняются. Оно длительное время может существовать в своеобразном латентном состоянии и только при условии возникновения благоприятных социальных и культурных обстоятельств быть включенным в реальную жизнь науки и общества. Именно на основе этой «консервативности» культурной традиции можно рационально объяснить так называемый феномен «преждевременных» научных открытий и наличие в истории науки удивительных примеров интеллектуального подвижничества, самозабвенного служения идеалам истины и творчества.

Регламентирующие функции традиций обнаруживаются в развитии как гуманитарного, так и естественнонаучного знания. Однако наиболее отчетливо они все же реализуются в социальных науках и в дисциплинах биосоциального цикла. В частности, развитие современной экологии убедительно подтверждает актуальность такой методологической стратегии, которая скоррелирована с доминантными ценностями и мировоззренческими ориентациями современного общества. Такая корреляция позволяет вполне убедительно «продемонстрировать уникальную роль экологии в процессе интенсивных поисков решения глобальных проблем современности и подтвердить ее парадигмальный статус в культуре и науке XXI в.» [6, с. 286].

Поэтому не случайно идеи трансдисциплинарности в большинстве современных исследований, как правило, апплицируются на интегральные научные дисциплины и междисциплинарные многофакторные комплексы.

Среди них особенно популярны экологические и экосоциальные объекты и их системные конфигурации. Именно в этих исследованиях рельефно просматривается необходимость не только системной параметризации различных экологических объектов, но и их взаимодействия с социокультурными факторами среды их обитания и функционирования.

Таким образом, эвристико-методологические и социокультурные функции традиций как в классической, так и пост-неклассической науке обнаруживают свой парадигмальный статус. Это позволяет сделать вывод о том, что они не только реализуют стратегию ценностной адаптации науки в универсуме современной культуры, но и убедительно воплощают возможности и перспективы трансдисциплинарного перехода в методологических программах современного научного познания.

### Список литературы

1. Жуве, Л. Мысли о театре / Л. Жуве. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960.
2. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука / Э. С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983.
3. Анохина, В. В. Культурная традиция в парадигмах современной философии / В. В. Анохина. – Минск: БГУ, 2014.
4. Зеленков, А. И. Идеалы науки и ценностная природа познания / А. И. Зеленков // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск: БГУ, 1981. – С. 159–180.
5. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М.: Прогресс, 1980.
6. Зеленков, А. И. Парадигмальный статус экологии в современной науке / А. И. Зеленков // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Степина / ред. кол.: А. Н. Данилов (отв. ред.). – Минск: БГУ, 2014. – С. 275–286.

## АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

**Кисель Наталья Константиновна**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** Становление постакадемической науки в условиях когнитивного капитализма обнаружило растущую роль научного экспертного знания не только в процессе принятия научным сообществом результатов исследовательской деятельности, но и в ходе формирования целевых программ и стратегий развития науки как таковой. Обращение к социокультурной детерминации науки и выяснение соответствующих механизмов ее реализации, характерное для постпозитивистской традиции, в современном философско-методологическом дискурсе вытесняется анализом процессов социального управления наукой, реализующих определенные цели.

Сегодня технонаука демонстрирует целевую установку на преднамеренную коммерциализацию результатов научной деятельности. Разработка научных программ скорее предполагает кастомизацию уже полученных результатов, нежели нацеленность на развитие фундаментальных научных исследований. В свою очередь, на развертке научного исследования не может не сказаться усиливающийся на сегодняшний день процесс политизации всех сфер жизнедеятельности общества. В новых условиях философия науки фиксирует опасность включения научного сообщества в политические противостояния, нарастающие угрозы научной объективности и существенное усложнение демаркации научного и ненаучного знания. Эти риски побуждают исследователей к критическому анализу аксиологического измерения современной науки, включающего ее политическую релевантность.

**Ключевые слова:** постакадемическая наука; технонаука; когнитивный капитализм; коммерциализация науки.

## AXIOLOGICAL DIMENSION OF POST-ACADEMIC SCIENCE

**Kisel Natalia K.,**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy,  
Belarusian State University

**Abstract.** The formation of post-academic science in the conditions of cognitive capitalism has revealed the growing role of scientific expert knowledge not only in the process of acceptance of the results of research activities by the scientific community, but also in the

course of the formation of targeted programs and strategies for the development of science as such. The appeal to the sociocultural determination of science and the clarification of the appropriate mechanisms for its implementation, characteristic of the postpositivist tradition, in modern philosophical and methodological discourse is replaced by an analysis of the processes of social management of science that realize certain goals.

Today, technoscience demonstrates a focus on the deliberate commercialization of the results of scientific activity. The development of scientific programs rather involves the customization of already obtained results, rather than a focus on the development of fundamental scientific research. The development of scientific research cannot but be affected by the currently intensifying process of politicization of all spheres of society. In the new conditions, the philosophy of science records the danger of including the scientific community in political confrontations, growing threats to scientific objectivity and a significant complication of the demarcation of scientific and non-scientific knowledge. These risks encourage researchers to critically analyze the axiological dimension of modern science.

**Keywords:** post-academic science; technoscience; cognitive capitalism; commercialization of science.

Одним из самых значимых феноменов техногенной цивилизации является наука. Интерес к ней возрастает по мере перехода социума в стадию постиндустриального развития. Еще в середине прошлого века философия науки поставила вопрос о внешней детерминации научных исследований. «Внешняя» история науки, начиная с Т. Куна, в первую очередь, выявила и репрезентировала социокультурную детерминацию в развитии научного познания. Стандартная модель связи науки с миром культуры была сформулирована в творчестве В.С. Степина.

В контексте традиционного философско-методологического подхода к анализу исторического развития научных знаний нынешний этап их эволюции именуется постнеклассической наукой. Основанием для его выделения является учет ряда факторов: особенности осваиваемых предметных областей научного исследования; содержательная новизна научных теорий, нацеленных на их репрезентацию; характеристики метатеоретических оснований науки данного периода, включая тип научной рациональности. Это позволяет выявить специфику социокультурной детерминации научного познания и осуществить плодотворную реконструкцию его исторического развития. Эвристика данного подхода к исследованию научного познания неоспорима и, по-прежнему, играет существенную роль в развертке философско-методологического анализа современной науки.

Вместе с тем неуклонная коммерциализация науки в последние десятилетия XX века закономерно поставила вопрос о социально-экономических факторах, властно вмешивающихся в динамику науки.

По мере развития постиндустриального общества достижения науки все в большей мере выступают в качестве нематериального капитала, что инициирует рассмотрение ее функционирования и динамики в сложном социальном контексте. Начало этого процесса было положено еще в 1970-е гг., в частности, в связи с обсуждением проблемы финализации науки. Так, в транскрипции исследователей Штарнбергской группы были отмечены новые моменты во взаимодействия науки и социальной практики. Выяснилось, что исследовательские усилия научного сообщества все в большей степени смещаются от решения проблем фундаментальной науки, теряющей стимулы к собственному внутреннему развитию, к экспликации и анализу задач прикладного характера, кастомизации имеющихся фундаментальных теоретических схем. Развернувшиеся разноплановые события в жизни научного сообщества, заявленная необходимость согласования теоретической стороны исследования с внешними целями, переход к теориям среднего уровня по аналогии с социальными исследованиями, трансдисциплинарность и конвергенция знаниевых практик, переоценка функций науки и т.д. – всё это привело к смене установок философско-методологического дискурса.

В рамках одного из них внимание исследователей смещается на рассмотрение взаимодействия науки и общества в экономической и инновационно-технологической проекциях и получает свое воплощение в экспликации так называемой «постакадемической науки».

Становление и развитие постакадемической науки происходит под воздействием ряда причин, среди которых особое место занимает переход современной экономики в фазу когнитивного капитализма. Приходящий на смену фордизму XX века когнитивный капитализм в качестве основного источника стоимости и прибыли предполагает знание и тем самым обнаруживает кардинальные отличия от так называемого промышленного капитализма. Развивающаяся экономика знаний стимулирует интерес не столько к фундаментальным исследованиям, сколько к научным поискам прикладного характера, удовлетворяющим разнообразные потребности современного общества

Процессы развития науки в условиях когнитивного капитализма неразрывно связаны с нарастающей коммерциализацией научной деятельности, в ходе которой результат исследований, будучи изначально

неприсваиваемым, становится объектом экономического присвоения. Результаты научных исследований становятся товаром, монетаризируются и включаются в производственные циклы. Тем самым наука не просто осуществляет свою индустриально-производственную функцию, а оказывается важнейшим элементом экономической системы.

Особую ценность приобретают нематериальные активы: человеческий капитал, культурный капитал, эмоциональный интеллект – и в том числе научная информация. Сервисная экономика современного общества демонстрирует сдвиг производства в сферу воспроизводства биологического и социального [1, с. 41,175]. В силу этих обстоятельств наука вынужденно меняется во всех своих ипостасях – деятельности, знания и социального института.

Смена аксиологических ориентиров методологического сознания ярче всего предстает в современной технонауке, демонстрирующей новый нелинейный характер взаимосвязи науки и техники, реализацию программных инноваций, по М. Гиббонсу [2, с.8-12].

Сегодня проблематика исследований определяется в диалоге различных заинтересованных сторон и актуализируется чаще всего в контексте приложений. Производство знаний выходит за рамки привычных для традиционной науки научных дисциплин и организационных форм. Научное открытие приобретает характер научного изобретения, а исследование становится неотделимым от производства объекта познания. Ярким примером этого служат исследовательские практики в отношении лекарственных форм, наноматериалов (в частности, нанотрубок, графена), информационных и биотехнологий и т. д.

Такого рода исследования, будучи прямо ориентированными на формирование базы данных для последующих специализированных научных практик, не совпадают с традиционными установками академической науки, озабоченной, прежде всего, решением своих внутренних задач. Явно обнаруживает себя ментальный сдвиг от стремления к получению и обоснованию знания к заинтересованности в его практическом применении.

Структурная организация науки все чаще диктуется не столько чистой логикой развития науки, сколько потребностями социального характера. В ряде случаев новизна сложившейся ситуации приводит к необходимости пусть поверхностного, но в определенной мере оправданного, разграничения науки как таковой (по сути дела академической науки) и исследований, символизирующих

неопределенность, практическую нацеленность и риски, свойственные знаниевым практикам постакадемической науки. Симптоматично, что на смену традиционным понятиям «наука», «научная дисциплина» в употребление входит термин «технология», как например, для наименования раздела современной физики, имеющей дело с наноразмерной предметной областью микромира.

Для постакадемической науки в силу вступают изменения методологических ориентиров научного поиска, обращение не только к междисциплинарной, но, в первую очередь, к трансдисциплинарной методологии, ярким примером реализации которой выступают конвергирующие НБИК-технологии. Трансдисциплинарный характер их реализации побуждает методологическое сознание к принятию не только социокультурной ангажированности нового научного знания, но и его технологического измерения и практической эффективности. Новый тип научной рациональности предполагает соединение природного и социального, естественных событий и созданных человеком артефактов, прикладного теоретического исследования и технологических инноваций промышленного масштаба.

Существенные метаморфозы когнитивного и методологического свойства, присущие современной науке, сегодня сопровождаются трансформацией ее в качестве социального института. В свою очередь, обращение к эволюции науки и выяснение соответствующих механизмов, характерное для постпозитивистской философии науки, вытесняется анализом процессов управления наукой, реализующих определенные социальные цели. Исходной точкой исследования становится научная лаборатория. Эксплицируется новая исследовательская площадка, т.е. научный коллектив как коммуникативная целостность, функционирующая в особых исторических и социокультурных условиях.

Подчеркивая роль когнитивного капитализма в метаморфозах современной науки, нельзя упустить из виду усиливающийся процесс политизации всех сфер жизнедеятельности общества, что на сегодняшний день не может не сказаться на развитии научного познания.

Констатация сложившегося положения вещей находит свое выражение в рамках еще одного философско-методологического дискурса, отталкивающегося от концепта «пост-наука» [3, с.61]. В его содержании, с одной стороны, фиксируется необходимость обращения науки к современным кризисным ситуациям различной природы, а с другой – роль научного экспертного знания в их разрешении.

Проблема экспертного знания фигурирует в философии науки еще с 1980-х гг. Ее анализ в концепции В.С. Степина традиционно сопрягался с признанием гуманизации научного поиска без учета его соотнесения с политической реальностью. Сегодня в предлагаемой рядом авторов концепции пост-науки, приходящей на смену академическим штудиям, фиксируется опасность включения научного сообщества в политические противостояния, угроза научной объективности и существенное усложнение демаркации научного и ненаучного знания.

Таким образом, современная наука предстает как процесс гетерогенной инженерии, рождающий синтагматические комплексы социальных, технических, концептуальных и текстуальных по своей природе составляющих. Тем самым осуществляется отход от основополагающих установок предшествующего этапа развертки философского методологического сознания: противопоставлений общества и природы, природных и технических комплексов, объекта и субъекта познания, истины и заблуждения, структур и процессов и т.д. На смену разделению на социальные и природные феномены приходит обращение к технологии, позволяющей описывать взаимное наложение человеческого и не-человеческого, социального и несоциального и тем самым уходит от субъект-объектной дихотомии, свойственной традиционной философии науки. К этому следует добавить актуализирующуюся проблему совмещения научной объективности с аксиологическим измерением современной науки, включающим ее политическую релевантность.

Глубинные изменения науки и вновь открывающиеся проблемы философско-методологического дискурса, на наш взгляд, стимулируют переход философии науки в постакадемическую фазу развития со своими особенностями концептуального, методологического и институционального характера. Вопрос о ее соотношении, с одной стороны, с традиционной философией науки и, с другой – дисциплинарными стратегиями в исследовании науки пребывает в стадии проблематизации и требует дальнейших исследований.

#### **Список литературы**

1. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики; 2010. 280 с.
2. Gibbons M. et al. The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary societies. London, Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications; 1994. 179 p.

3. Шиповалова Л.В. Как возможна пост-нормальная наука? Эпистемология и философия науки. 2022; 3:61–73.

## КУЛЬТУРА КАК ПУТЬ ПОСТРОЕНИЯ ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. БУЧИНСКОГО

**Климович Анна Игоревна**

кандидат философских наук, доцент кафедры патологической анатомии и судебной  
медицины, Белорусский государственный медицинский университет

**Аннотация.** На примере творчества В. Бучинского анализируется проблема соотношения культуры и человека в рамках схоластического направления религиозной философии Полоцкой иезуитской академии. Особое внимание уделяется автором основным социально-политическим и мировоззренческим факторам, а также специфике игнатианской педагогики, определившим понимание культуры представителями философского сообщества Полоцкой академии в целом. Основываясь на методе историко-философской реконструкции, автор устанавливает центральные понятия философской рефлексии В. Бучинского, определяет роль и место, которое занимает культура в системе его философии. Автор исследует также соотношение идей В. Бучинского с теорией *societas perfecta*, имевшей важное значение как для этико-правового, так и социально-политического аспекта религиозной философии и идентифицирует основные философские идеи, повлиявшие на становление взглядов полоцкого академика.

**Ключевые слова:** Полоцкая иезуитская академия, аристотелевский томизм, полоцкая неосхоластика, общее благо, *societas perfecta*, В. Бучинский, философия педагогики.

## CULTURE AS A WAY TO BUILD AN IDEAL SOCIETY: ON THE EXAMPLE OF W. BUCHYŃSKY'S WORK

**Klimovich Anna I.,**

PhD in Philosophy, Associate professor of the Department of Pathological Anatomy and  
Forensic Medicine

Belarusian State Medical University

**Abstract.** Using the example of the work of W. Buchyński, the problem of the relationship between culture and man is analyzed within the framework of the scholastic direction of religious philosophy of the Polotsk Jesuit Academy. The author pays special attention to the main socio-political and ideological factors, as well as the specifics of Jesuit pedagogy, which determined the understanding of culture by representatives of the philosophical community of the Polotsk Academy as a whole. Based on the method of historical

and philosophical reconstruction, the author establishes the central concepts of W. Buchyński's philosophical reflection, determines the role and place that culture occupies in the system of his philosophy. The author also explores the relationship between Buchyński's ideas and the theory of *societas perfecta*, which was important for both the ethical-legal and socio-political aspects of religious philosophy and identifies the main philosophical ideas influenced the formation of the views of the Polotsk academician.

**Keywords:** Polotsk Jesuit Academy, Aristotelian Thomism, Polotsk neo-scholasticism, common good, *societas perfecta*, W. Buchyński, philosophy of pedagogy

Проблема становления личности является одной из основополагающих тем как религиозной философии. В рамках схоластической традиции по восходящей от Аристотеля линии она вплоть до Второго Ватиканского собора осмысливалась как *societas perfecta* – комплекс идей правовой, этической и политической направленности. Теории рода *societas perfecta* получили развитие также в истории философской и мысли Беларуси, однако большая их часть в современности еще не исследована. К таким лакунам относятся и творческие наработки представителей Полоцкой иезуитской академии. Несмотря на то что в пределах системы полоцкой неосхоластики, представленной разделами логики, метафизики и этики, антропология как самостоятельный раздел отсутствует, человек и культура всегда являлись актуальными вопросами, инспирировавшими философский поиск полоцких академиков. Объектом данного исследования в контексте обозначенной проблематики выступает работа профессора Полоцкой иезуитской академии Винцентия Бучинского (1789–1853) «Начала религиозной доктрины, в которой философские принципы применены к религиозным истинам» (*Institutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritates religionis applicantur*) [1].

Осмысление человека в мире культуры в пределах философии ордена Иисуса в целом имело свою специфику. Это связано с рядом идеологических причин, обуславливающих ход развития схоластической философии, одним из направлений которых и философия иезуитов.

Во-первых, это религиозный тип философии, соответственно имеющий определенную зависимость от религиозного вероучения, характеризующейся предопределенностью человеческого существования от божественного фактора. Этот же божественный фактор привел к определению дуальности человеческой природы, заключенной в элементах души и тела.

Во-вторых, на становление самой схоластической традиции важное влияние оказала аристотелевская философия, сформировавшая пути развития философии от Боэция к Фоме Аквинскому и выразившаяся в двойственной природе человеческой личности, воспринимающейся именно как союз одушевленного тела и воплощенной души.

В-третьих, при исследовании полоцкой неосхоластической философии следует также учитывать временную специфику ее существования. Различного рода типы религиозной философии, существовавшие в рамках культурной зоны современной Беларуси, были вынуждены отвечать на вызовы, связанные с идеологемами, сформированными философскими установками Просвещения. В частности, это автономия разума, неограниченность человеческой свободы, являвшиеся с позиций рассмотрения полоцких схоластов, путем к скептицизму, и, как следствие, угрозой самому существованию общества.

Также необходимо брать во внимание тот факт, что мир, в котором развивался рассматриваемый комплекс идей, это мир, в котором уже начинал осуществляться антропологический поворот, но еще не было тотального разочарования в человеке и вера в возможность прогресса самого человечества через культуру была одной из доминантных установок.

В-четвертых, влияние оказывали распространенные в это время теории, относящиеся к этико-правовому аспекту. Речь здесь идет о концепте естественного права, в центре которой находится этика, ориентированная на достижение решений, затрагивающих неопределенный круг лиц. Это лично ориентированная этика, которая, однако, должна в итоге приводить естественным образом к процветанию всего общества.

Еще один аспект, который следует упомянуть отдельно – это педагогическая система ордена иезуитов, в рамках которой происходило формирование личностей студентов. Здесь важной была роль *Ratio Studiorum* – учебного плана, подчинявшего себе всю педагогическую систему ордена иезуитов. *Ratio Studiorum* был направлен на одновременный духовный прогресс всего сообщества на основе христианского мировоззрения. По вполне понятным причинам важное место в этой учебной программе занимала теология, но большое внимание уделялось и философии, которая также являлась частью гуманитарного цикла.

Несмотря на отсутствие четко определенной антропологии человек и его способность к самосовершенствованию постоянно находятся в центре философской рефлексии представителей Полоцкой иезуитской академии. Проблема соотношения человека, философии и культуры в целом

затрагивается в работе Дж. Анджелини «Начала философии для студентов Полоцкой академии» [2, с. 7]. Она же определяется в качестве основной цели существования Полоцкого ежемесячника, о чем упоминается в предисловии к его первому номеру [3, с.1]. Проблема привития культурных норм затрагивается и в посвященной философии педагогики работе Ж. Розавена [4].

Разрабатывалась эта проблематика и в упомянутой выше работе В. Бучинского «Начала религиозной доктрины...». Основными темами, к которым обращается полоцкий профессор – это понятия духовной и физической культуры, роль образования в постижении культурных норм. Следует отметить, что в каком бы направлении ни осуществлялась рефлексия рассматриваемого автора, базовыми для него были принцип практического счастья человека и принцип общего блага, которым пронизана практически вся этическая доктрина полоцких мыслителей.

Принцип практического счастья, хотя ему и подчинена вся система координат, носит опосредованный характер и является лишь ступенью, необходимой для восхождения на следующую ступень, которой, в соответствии с логикой религиозной философии, выступает Абсолют. Именно этой логике подчиняется представленная В. Бучинским классификация благ, к достижению которой должен стремиться каждый христианин: «Обязанности христианина, относящиеся к внешнему состоянию, касаются благ удачи, благосклонности людей, славы и почестей. Действительно, эти блага не имеют абсолютной ценности, а лишь относительную, и их можно причислить к благам лишь постольку, поскольку они помогают нам достичь конечной цели, поэтому всякое беспокойство по этому поводу должно быть подчинено этой последней цели» [1, с. 257].

Усвоение культурных норм через образование также является обязанностью человека, происходит этот процесс через развитие индивидуальных способностей, а целью служит достижение общего блага: «Многие знания необходимы человеку для достижения конечной цели и правильного установления течения теперешней жизни: с другой стороны, никто не рождается проникнутым ими. Отсюда обязанность развивать способность познания... Что касается других частей способности познания культуры (*помимо тех, что связаны с религией*), человек должен посвятить себя изучению тех вещей, которые он считает полезными для него, принимая во внимание его состояние, природные способности, функции, которые он либо выполняет, либо собирается выполнить» [1, с. 250].

При этом в творчестве В. Бучинского представлена четкая система долженствований по отношению к себе самому, по отношению к членам семьи, к окружающим, государству и Богу: «Главные обязанности такого христианина напоминают о посредничестве взаимных обязательств между супругами, родителями и детьми, господами и слугами, верховным князем и членами гражданского общества» [1, с. 274].

Таким образом В. Бучинский устанавливает взаимозависимость индивидуального и социального, на основе которого выстраивается всеобщий порядок, центром которого является Абсолют. При этом подразумеваемая здесь теория общего блага наиболее близка взглядам Фомы Аквинского, который, как известно, утверждал возможность существования совершенного общества потому, что благо отдельного человека не является последней целью, но предназначено для общего блага [5, с. 392].

Традиционно в религиозном направлении европейской философии, начиная со Средневековья, личность и душа выступали синонимами, а сам человек рассматривается в соответствии с превалирующей аристотелевско-томистской версией как союз тела и души. Отсюда в рамках игнатианской педагогики идея о необходимости совершенствования как духовного, так и материального начал. Однако у представителей Полоцкой духовной академии особую актуальность в системе образования иезуитов приобретает именно философско-педагогический концепт «воспитания души». В. Бучинский вслед за представителями скотизма не отрицает факт существования свободной воли человека, способной повлиять на его дальнейшую судьбу. При этом основополагающая функция культуры, согласно мысли рассматриваемого автора, как раз и состоит в том, чтобы сформировать в достаточной мере волю как основополагающее качество личности: «Но самая важная часть культуры души должна быть посвящена правильному формированию воли; когда вся христианская добродетель состоит в сообразии нашей воли с божественной волей, а с другой стороны, наша воля, испорченная первородным грехом, сильно склоняется ко злу. Поэтому долг христианина мужественно, по благодати Божией, которая никогда не испытывает недостатка, делая все возможное, осуществлять власть над привычками, склонностями и движениями души, подчинять их божественному закону; часто и живо излагая себе мотивы к аскетизму, старательно удаляя из себя раздражения неправильных наклонностей, которые действуют главным образом через чувства, и сдерживая также внутренние представления воображения и желаний, враждебные

добродетели; терпеливо принимая страдания наших чувств, пока это закон и добродетель приказывает» [1, с. 250].

При этом в рамках духовной культуры автор отдельно рассматривает культуру разума и культуру воли, которая подразумевает собой умение владеть чувствами и эмоциями [1, с. 276].

Таким образом тема усвоения культурных норм занимает в творчестве В. Бучинского важное место. Процесс постижения культурных истин здесь имеет целью подготовку к конечной цели общего блага, где благо отдельного человека носит подчиненный общественному характер. Именно так возможно построение совершенного общества (*societas perfecta*).

Одновременно следует отметить, что вопросы теории культуры остались за пределами рефлексии полоцкого академика, для него она, равно как и процесс воспитания и образования, носит утилитарный характер и подчиняется логике политического общего блага, основы которой были заложены Фомой Аквинским. Развивается она в соответствии со следующей центральной линией: воспитанный человек, усвоивший культуру понимания (а культура понимания в первую очередь необходима для постижения религиозных истин) является добродетельным христианином, что гарантирует его существование в качестве добропорядочного гражданина в государстве. Наличие же такого рода государства, основанного на религиозных ценностях, ведет к построению христианской цивилизации и постижению абсолютного блага в Боге.

Помимо того, что в своей сущности теория В. Бучинского фундирована томистским прочтением принципа общего блага, она также имеет в основании понимание человека как союза души и тела, следствием чего является воспитание как физической, так и духовной культуры, которая в свою очередь разделяется на культуру ума и культуру воли.

#### Список литературы

1. Buczyński, W. Institutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritates religionis applicantur / W. Buczyński. – Viennae. – 1842. – 299 p.
2. Angiolini, G. Institutiones Philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis / G. Angiolini. – Polock. – 1819. – 310 p.
3. Przemowa. // Miesięcznik Połocki. – 1818. – t. 1. - № 1. – S. 1-7.
4. Rozaven, J. Uwagi nad wychowaniem młodzieży / J. Rozaven // Miesięcznik Połocki”. – 1818. – t. 1. - № 2, S. 93-107.

5. Фома Аквинский. Сумма теологии / Фома Аквинский. – М. Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 688 с.

## ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

**Колядко Илья Николаевич,**

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** В статье рассмотрены важнейшие аспекты цифровой трансформации культуры в условиях формирования единого коммуникационного пространства. Система мировоззренческих универсалий претерпевает существенные изменения под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий. Формирующиеся образы реальности и «картины мира» определяют различное видение одних и тех же явлений и фактов. «Событийность» медиареальности позволяет конструировать желаемые представления о мире, воспроизводя поддерживаемые масс-медиа стереотипы мышления, поведения и деятельности. В этом аспекте одним из «вызовов», возникающих в процессе цифровой трансформации культуры, является возможность использования современных социальных и коммуникационных технологий в том числе с целью осуществления манипуляций общественным и индивидуальным сознанием. Раскрывается аналитический и прогностический потенциал философской рефлексии в сложные периоды трансформации общества и культуры, обосновывается ее роль в конституировании социального порядка и стабильности.

**Ключевые слова:** цифровая трансформация культуры; мировоззренческие универсалии; современные медийные технологии; «мозаичная» культура; медиареальность.

## DIGITAL TRANSFORMATION OF CULTURE: FEATURES OF MEDIA REALITY CONSTRUCTION

**Kolyadko Ilya Nikolaevich,**

PhD in Philosophy, Associate Professor,

Department of Philosophy of Culture, Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

**Abstract.** The article examines the most important aspects of the digital transformation of culture in the context of the formation of a unified communication space. The system of ideological universals is undergoing significant changes under the influence of modern information and communication technologies. The emerging images of reality and “pictures of

the world” determine different visions of the same phenomena and facts. The “eventfulness” of media reality allows one to construct the desired ideas about the world, reproducing the stereotypes of thinking, behavior and activity supported by the mass media. In this aspect, one of the “challenges” arising in the process of digital transformation of culture is the possibility of using modern social and communication technologies, including for the purpose of manipulating public and individual consciousness. The analytical and predictive potential of philosophical reflection in difficult periods of transformation of society and culture is revealed, its role in the constitution of social order and stability is substantiated.

**Key words:** digital transformation of culture; ideological universals; modern media technologies; "mosaic" culture; media reality.

Процессы, происходящие в современной культуре, все чаще характеризуются как кризисные, сопровождающиеся трансформацией ее фундаментальных оснований – мировоззренческих универсалий, которые закрепляют и воспроизводят глубинные смыслы человеческого бытия на каждом конкретном этапе развития человечества. Как отмечал в этой связи В.С. Стёпин, «преобразование базисных смыслов универсалий культуры и соответственно изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций» [1, с. 64]. При этом изменение смыслов мировоззренческих универсалий происходит в ситуации, когда они не позволяют ассимилировать новый социальный опыт, включать его в существующую культурную традицию и передавать от поколения к поколению. Поэтому в таких ситуациях преобразование системы универсалий культуры является необходимым условием социокультурных трансформаций и перехода к новому типу цивилизационного развития.

Следует отметить, что содержание мировоззренческих универсалий культуры достаточно сложно структурировано. В нем можно выделить три уровня смыслов. Первый уровень включает в себя всеобщее (то, что отличает человека от животного мира), что выступает своеобразным инвариантом различных культур и образует глубинные структуры любого человеческого сознания. Во второй уровень входит репрезентация специфики культуры исторически определенного типа общества, выражающая особенности способов общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, а также принятой шкалы ценностей. На третьем уровне находится конкретизация особенного в

универсалиях культуры, которое проявляется в многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний [1, с. 54]. Таким образом, транслируя накопленный социально значимый опыт и передавая его из поколения универсалии культуры обеспечивают воспроизводство определенного образа социальной жизни и соответствующих типов личности. Можно сказать, что смыслы универсалий культуры выступают в качестве глубинных программ, предопределяющих сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов поведения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации. Из этого следует, что динамика конкретной исторически развивающейся культуры обусловлена динамикой мировоззренческих универсалий, смыслы и значения которых подвергаются реинтерпретации.

Особенно интенсивно переосмысление устоявшихся, традиционных смыслов универсалий культуры осуществляется в периоды социокультурных трансформаций, когда прежняя исторически сложившаяся и закрепленная культурной традицией «категориальная модель мира» [1, с. 190] становится нежизнеспособной. Как отмечал В.С. Стёпин, одновременно обозначая одно из условий конструктивности переустройства общества, в периоды его фазовых переходов «в самых различных сферах культуры происходит интенсивная переоценка ценностей, смыслов мировоззренческих универсалий, ранее казавшихся очевидными и само собой разумеющимися, которые уже исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности» [2, с. 76]. Так, при акцентировании конструктивных аспектов кризисных этапов социодинамики речь идет прежде всего о том, что преобразованию подвергаются те базисные смыслы универсалий культуры, которые перестали отвечать актуальным социальным запросам и потребностям, а также «обеспечивать воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности, поведения и общения» [2, с. 75].

На современном этапе развития общества культура как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [1, с. 33], вступает в стадию цифровой трансформации, в ходе которой медийные технологии на основе big data формируют единое коммуникационное пространство, в котором определяющую роль начинают

играть медийные виртуальный конструкции, заменяющие реальность. При этом в такой культуре важнейшей характеристикой становится «событийность», которая становится условием формирования реальности как конструируемой из совокупности определенным образом интерпретируемых «реальных фактов». При этом конструируемые реальности имплицитно содержат в себе определенные «картины мира», эксплицирующие определенное отношение субъекта к тем или иным явлениям, что позволяет говорить об их манипулятивном характере. Воздействуя на различные уровни мировоззренческих универсалий, современные медийные технологии становятся важнейшим фактором цифровой трансформации культуры, «означая трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций» [1, с. 64]. Как отмечает в этой связи В.В. Миронов «современные масс-медиа трансформируют коммуникацию: она в результате оказывается не фоном, фиксирующим события, а своеобразным *стержнем современной культуры*, подчиняет и формирует особенности восприятия информации, – а значит, оказывает влияние на механизмы смыслообразования» [3, с. 166].

Если говорить о сущностных параметрах современной культуры, в основе которой – медийные технологии на основе big data, – следует отметить, что она в большей степени становится «мозаичной», поскольку средством продуцирования знаний и моделей реальности выступает не система образования, а средства массовой коммуникации [4, с. 45]. Именно масс-медиа, согласно А. Моль, формируют войлочный «экран знаний», который заменяет упорядоченный сетчатый «экран знаний» «гуманитарной» культуры, квинтэссенцией которой является система образования. В этом аспекте одним из «вызовов», возникающих в процессе цифровой трансформации культуры, является возможность использования современных социальных и коммуникационных технологий в том числе с целью осуществления манипуляций общественным и индивидуальным сознанием. В своем крайнем выражении речь идет о формировании нового типа тоталитаризма – в его цифровой ипостаси: «... глобальная цифровая пещера может выступить моделью нового тоталитарного общества. При внешне сохраняющейся свободе нажимать кнопки и беседовать в социальных сетях человек все в большей степени передает власть *системе*, в которой он становится цифровым винтиком или кодом» [5, с. 81].

Манипулирование становится одной из технологий поддержания социального порядка в условиях отсутствия признанной в качестве единой

легитимной системы ценностей. Распространение репрессивных социальных практик и технологий манипулирования общественным и индивидуальным сознанием становится возможным при отсутствии четко фиксированного ценностно-нормативного инварианта, образующего общее символическое и смысловое поле культуры и базирующегося не столько на силе, сколько на достижении согласия («гегемонии» – в терминологии А. Грамши). При этом, как отмечает И.Н. Сидоренко, «несмотря на увеличивающуюся рационализацию жизни, современное информационное общество сталкивается с новой проблемой: тотальность символического насилия, порождающего новые технологии контроля и социальные практики» [6, с. 32].

Таким образом, власть современных медийных технологий конструирования реальности объективируется не столько за счет применения исключительно силовых методов сохранения порядка и поддержания гомеостаза социальной системы, сколько путем конституирования общего ценностно-смыслового, идеологического пространства. В установлении такого рода власти, которая «навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в ее основе» [6, с. 38], одну из ключевых ролей играет идея «ненасильственного принуждения», получившая свое оформление в рамках концепции *soft ideology* («мягкой идеологии»). В предельном своем выражении речь может идти о формировании социальной реальности как символически конструируемого пространства, в котором масс-медиа выступают в роли «неявного знания», через власть языка и посредством «событийности» формируя желаемые образы реальности. Возможность перехода общества к «цифровому тоталитаризму» может быть реализована путем интервенции в «культурное ядро» посредством реинтерпретации базовых, закреплённых культурной традицией, смыслов мировоззренческих универсалий. В условиях такого рода «вызовов» цифровизации философия реализует свой аналитический и прогностический потенциал, способствуя обоснованному и постепенному переходу общества на новые технологические ступени развития.

#### Список литературы

1. Степин, В.С. Философская антропология и философия культуры / В.С. Степин. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. – 542 с. – (Философские технологии: Избранные философские труды).

2. Степин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2011. – 407 с.

3. Миронов, В.В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации / В.В. Миронов // Метафизика не умирает : избранные статьи, выступления и интервью. – Москва : РГ-Пресс, 2020. – С. 152–168.

4. Моль, А. Социодинамика культуры = Sociodynamique de la culture : пер. с фр. / А. Моль ; вступ. ст., ред. и примеч. Б.В. Бирюкова, Р.Х. Зарипова, С.Н. Плотникова. – Изд. 3-е. – М. : URSS : ЛКИ, 2008. – 404 с.

5. Миронов, В.В. Платон и современная пещера big-date / В.В. Миронов // Метафизика не умирает : избранные статьи, выступления и интервью. – Москва : РГ-Пресс, 2020. – С. 62–83.

6. Сидоренко, И.Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И.Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.

## К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГНОСТИЦИЗМА

**Коховец Ярослав Александрович,**

аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** Статья посвящена аналитическому обзору истории изучения гностицизма и подходов к его определению. Автор предлагает к рассмотрению три этапа становления знания о гностицизме: от античной апологетической полемики отцов церкви к открытию библиотеки Наг-Хаммади и современному опыту перевода текстов и интерпретации учения. В статье приведены главные исследователи гностицизма перечисленных периодов рассмотрено их видение на проблематику взаимоотношения гностицизма, христианства, мистицизма и религий древнего востока, а также попытки определения происхождения учения. Отдельное внимание уделено отечественным исследователям и их вкладу в развитие изучения гностицизма. В конце автор делает заключение о достаточной разработке источниковедческой базы для молодых исследователей гностической традиции.

**Ключевые слова:** гностицизм; отцы церкви; ересь; Наг-Хаммади; история; историография; христианство; религиоведение.

## ON THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE STUDY OF GNOSTICISM

**Kakhavets Yaraslau A.,**

Postgraduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,  
Belarusian State University

**Abstract.** The article is devoted to an analytical review of the history of the study of Gnosticism and approaches to its definition. The author proposes to consider three stages of the formation of knowledge about Gnosticism: from the ancient apologetic polemics of the church fathers to the discovery of the Nag Hammadi library and the modern experience of translating texts and interpreting the teaching. The article presents the main researchers of gnosticism of the listed periods, examines their vision on the problems of the relationship between Gnosticism, Christianity, mysticism and religions of the ancient East, as well as attempts to determine the origin of the teaching. Special attention is paid to domestic researchers and their contribution to the development of the study of Gnosticism. In the end, the author concludes that there is sufficient development of a source base for young researchers of the Gnostic tradition.

**Keywords:** Gnosticism; holy Fathers; heresy; Nag-Hammadi; history; historiography Christianity; religion studies.

Современная ситуация антропологического кризиса заставляет нас обращать все большее внимание на те экзистенциальные ответы, которые были даны мыслителями прошлого и искать новые интерпретации древней мудрости в вопросах о сущности человека. Гностицизм в первые века нашей эры четко артикулировал свое видение человека как самоценности в этом мире, которую, в свою очередь, еще необходимо раскрыть.

История изучения гностицизма насчитывает столько же лет, сколько и само учение, ведь с самого своего появления гностицизм вступает в полемику с только народившимся христианством, или вернее следует сказать, что именно христианство обнаруживает себя в полемике с гностицизмом.

В целом историю изучения гностицизма можно разделить на 3 этапа: II – V век; XIII-XX век; с нахождения библиотеки Наг-Хаммади в 1945 г. и до наших дней.

Первую информацию о гностиках можно найти уже в Новом Завете, в сюжете Самарийской проповеди, где вел свою деятельность «...некоторый муж, именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого» [1]. Сама же полемика начинается в трудах отцов Церкви. Первым из святых отцов Иустин Философ написал свою ныне утерянную «Синтагму», произведение, направленное против всех знакомых ему ересей. Возможно, именно на основе синтагмы апологеты первых веков составляли свои ересиологические трактаты [2, с. 25].

Важен вклад священномученика Иринея Лионского, а в частности, его произведение «Против ересей». Это сочинение в пяти книгах было написано в оригинале на греческом языке в 190-198 гг., а позднее в 1526 г. было опубликовано в латинском переводе Эразмом Роттердамским. Трактат Иринея состоит из двух основных частей. В первой части, ограничивающейся первой же книгой говорится о том, как распознать гностическую ересь. Вторая часть, со второй по пятую книги содержит непосредственно «опровержение лжеименного знания»; во второй книге он опровергает гнозис с точки зрения разума; в третьей книге, следует опровержение с точки зрения учения Церкви. В четвертой – на основании слов самого Христа; пятая же книга почти целиком посвящена воскресению.

В начале третьего века, изучением гностических систем занялся Ипполит Римский. Среди сочинений этого автора находится опровержение гностических систем, ныне известное под названием «Философумена». Ценность этого труда состоит в том, что он содержит свидетельства и отрывки о ныне утерянных произведениях, как гностиков, так и их оппонентов.

Тертуллиан также проявил себя как ересиолог и «антигностик», в частности своими трудами: «Против Маркиона», «Об отводе еретиков», «Против Валентина», «Против Гермогена», «О воскресении тела», «О теле Христовом». Особенно важными для нас являются его подробные сообщения о Маркионе и полемика с ним.

В «Строматах» Климента Александрийского цитируется много подлинных гностических фрагментов. Ценные данные для изучения гностицизма содержатся у Оригена, в его сочинении «Против Цельса». Внимание гностицизму уделяют ересеологи четвертого и пятого веков – Епифаний Кипрский, Филастрий и блаженный Феодорит Кирский. Епифаний в начале своего «Панариона» говорит: «О ересьях, о которых мы намерены сообщить сведения, – мы узнали из науки, о других слышали по слуху, а о некоторых имели случай узнать собственными глазами и ушами» [3, с. 67], что в свою очередь свидетельствует нам о том, что во время активности этих отцов церкви гностицизм был еще живым учением. Также, уже от Евсевия Кесарийского остались сведения об авторах, писавших о гностицизме, но чьи работы были целиком утеряны. Среди них находятся: Феофил Антиохийский «Против ереси Гермогена» и «Против Маркиона»; Родон «Разрешение проблем», «Против ереси Маркиона»; Филипп Гортинский; Музан и Кандид [4, с. 153–300].

Второй период ознаменуется деятельностью авторов XVIII и первой половины XX века. В конце XVIII века научной общественности были представлены два кодекса гностических текстов, Codex Askewianus и Codex Brucianus, а к концу XIX века оба кодекса были переведены и изданы на английском, немецком и французском языках.

Произведения по истории христианской церкви российских авторов, затрагивали и проблематику гностицизма, его историю взаимодействия с церковью и богословских аспектов также внесли свой вклад в развитие изучения гностицизма. В России гностицизм становится предметом научного изучения в конце XIX – начале XX века с появлением работ В. В. Болотова и позднее М. Э. Поснова.

В. В. Болотов – российский востоковед и доктор церковной истории. Посмертное издание лекций профессора по истории древней церкви издается главным образом по курсам 1898–1899, 1887–1888 и 1890–1891 годов. В них затрагиваются такие вопросы как: апологии христианства и языческая полемика; борьба христианства с языческой мыслью в форме гнозиса; происхождение и общий характер гнозиса; схема содержания гностических систем и опыты их классификации; перечисление важнейших гностических систем. Представляет интерес также его собственная разработка и критика классификации гностических систем, до сих пор остающаяся вопросом в кругах исследователей гностицизма.

М. Э. Поснов – русский библиист, историк христианской Церкви, его докторская диссертация о гностицизме «Гностицизм II века и победа христианской Церкви над ним» изданная в 1917 г. в Киеве является капитальным трудом по исследованию раннего гностицизма и издается до сих пор. Она содержит источники по изучению гностицизма, измышления автора о предпосылках его появления, классификацию и обзор главных течений.

Среди исследователей гностицизма этого периода следует также отметить труды таких авторов как А. фон Гарнак и Л. П. Карсавин, с его идеей об «историческом гностицизме» и присущим ему этосом; В. В. Зеньковского, Н.О. Лосского и В.С. Соловьева.

Особенностью третьего периода развития изучения гностицизма является то, что водоразделом между вторым и третьим периодом становится обнаружение в 1945 г. в Египте библиотеки Наг-Хаммади и содержащихся в ней апокрифических источников, ранее не доступных, для научного сообщества.

А. Ф. Лосев – русский философ и антиковед – обширно затрагивает проблематику гностицизма в своей научной монографии «История античной эстетики от ранней классики до неоплатонизма». В восьмом томе своего труда он рассматривает как гностические школы Симона Мага, Валентина, Василида, офитов, так и некоторые апокрифические источники, ставшие доступными благодаря гностической библиотеке.

В XX веке к теме гностицизма также обращались А.Б. Ранович и Р. Ю. Виппер которые трактовали гностицизм в контексте социальной истории. В ряду отечественных исследователей второй половины XX следует отметить М. К. Трофимову, которая разрабатывает историко-философскую сторону гностицизма в своей диссертации «Гностицизм как историко-культурная проблема в свете коптских текстов из Наг-Хаммади»,

и исследованием герменевтики гностических текстов. Благодаря А. И. Еланской для нас стали доступны в переводе на русский язык некоторые гностические рукописи библиотеки Наг-Хаммади, например, «Евангелие от Ионна». А. Л. Хосроев – советский и российский коптолог – разработал проблематику авторства библиотеки Наг-Хаммади, а также подробно классифицировал находящиеся в ней рукописи.

Среди современных исследователей гностицизма необходимо выделить Е. В. Афонасина. В своей книге «Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства» автор проводит анализ философских оснований античного гностицизма. На обширном материале Е. В. Афонасин подробно показывает формирование и эволюцию основных мировоззренческих представлений гностиков, и их связь с античной философской традицией.

В. Анц взглянул на гностицизм как на феномен, имевший родственное отношение к восточным религиям. Сосредоточив внимание на поисках основной гностической идеи, он счел именно Вавилонию родиной гностицизма. Далее этой тему разрабатывали исследователи из Геттингенского университета: В. Буссет, И. Вейсс, М. Дибелиус, Р. Бультман, Г. Борнхамм, Э. Кэзман, образовавшие «школу истории религий», внутри которой рождается концепция гностицизма как возникшего до и независимо от христианства.

В. Буссет, например, выделял в гностицизме отдельные мифы о борьбе света и тьмы; добра и зла; духа и материи; о спасителе, побеждающем злые силы; о восхождении души. Такая характеристика гностицизма позволила исследователю искать корни гностицизма в иранской мифологии и греческой философии. Линию В. Буссета продолжил Р. Рейценштейн – он отстаивал иранское происхождение гностицизма и привлекал для его изучения манихейские и мандейские тексты. Ответом на восточно-мифологическое направление были работы Шедера, который указал на зависимость изучаемого явления от платонизма и пифагорейства, на эллинский склад мысли, присущий гностикам.

Р. Бультман, труды которого отразили влияние экзистенциализма на историко-богословские исследования, подошел к проблеме несколько иначе чем его предшественники. Для него суть гностицизма заключалась не в синкретической мифологии, а в экзистенциальном понимании мира и человека. В «Евангелии от Иоанна» Р. Бультман увидел древний гностический миф иранского происхождения о небесном посланце, спустившемся на землю, чтобы дать откровение людям. Учение мандеев,

по Бультману, зародившееся в иудейской среде, также было причислено к гностицизму.

Большой вклад в изучение гностицизма внес экзистенциалист Г. Йонас. Его книга «Гностическая религия» представляет собой попытку посмотреть на гностическое учение изнутри, показать учение гностиков шире, чем смесь христианских идей, восточных религий, мистики и античной философии. Будучи учеником М. Хайдеггера и Р. Бультмана, он подчеркивал экзистенциальный характер гностицизма и даже намекал на некоторые параллели между гностицизмом, нигилизмом и экзистенциализмом [5, с. 319].

Факсимильное издание найденных в 1945 г. кодексов открыло широкие возможности перед исследователями. Во многих странах мира группы ведущих ученых занимаются их всесторонним рассмотрением. На сегодняшний день все гностические тексты доступны на русском языке, однако многие из них нуждаются в комментировании. В целом, теме изучения философии и истории развития гностицизма уделено должное внимание, что позволяет современному исследователю в полной мере погрузиться и разобраться в проблематике, прибегая к богатому опыту переводов и интерпретаций священных текстов гностической традиции.

### Список литературы

1. Деяния Апостолов [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь : о фиц. Сайт Моск. Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/bible/act/8/>. – Дата доступа: 13.10.2023.
2. Афонасин, Е. В. Гносис: фрагменты и свидетельства / Е. В. Афонасин. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 317 с.
3. Епифаний Кипрский. На восемьдесят ересей Панарий, или Ковчег [Электронный ресурс] / св. Епифаний Кипрский // Азбука веры. – Режим доступа: [https://azbyka.ru/otechnik/Epifanij\\_Kiprskij/navosemdesjaty-eresej-panarij-ili-kovcheg/](https://azbyka.ru/otechnik/Epifanij_Kiprskij/navosemdesjaty-eresej-panarij-ili-kovcheg/). – Дата доступа: 13.10.2023.
4. Евсевий Памфил. Церковная история : пер. с греч. / Евсевий Памфил ; коммент. и примеч. С. Кравец ; гл. ред. прот. В. Воробьев. – М. : Православ. Св.-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2008. – 604 с.
5. Йонас, Г. Гностицизм: гностическая религия / Г. Йонас ; пер. К. А. Щукина ; сост. Ю. А. Сандулов. – СПб. : Лань, 1998. – 382 с.

## **ВЫЗОВЫ И РИСКИ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

**Кравцов Олег Юрьевич**

магистр политических наук, соискатель, научно-методическое учреждение  
«Национальный институт образования» Министерства образования  
Республики Беларусь

**Аннотация.** В статье рассматриваются основные тенденции цивилизационного развития человечества на современном этапе. Автор анализирует первопричины поляризации социальных отношений, выдвигаются прогнозные предположения относительно будущих состояний цивилизационных процессов. В качестве объяснительной базы используются теоретико-методологические положения мир-системного и локально-цивилизационного подходов.

**Ключевые слова:** риск; угроза; тенденция; социальная система; мир-система; центр силы; локальная цивилизация.

## **CHALLENGES AND RISKS OF THE MODERN CIVILIZATIONAL PROCESS IN THE CONTEXT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL FORECASTING**

**Kravtsov Oltg U.,**

Master of Political Sciences, Cand., Scientific and Methodological Institution "National Institute of Education" of the Ministry of Education of the Republic of Belarus

**Abstract.** The article examines the main trends of the civilizational development of mankind at the present stage. The author analyzes the root causes of the polarization of social relations, makes forward-looking assumptions about the future states of civilizational processes. The theoretical and methodological provisions of the world-system and local-civilizational approaches are used as an explanatory base.

**Keywords:** risk; threat; trend; social system; world-system; center of power; local civilization.

Ускорение социальных процессов зачастую не оставляет возможности для качественного осмысления и всесторонней системной оценки происходящих изменений, что в свою очередь затрудняет построение релевантных прогнозных предположений относительно

будущих состояний социальных систем. В данных условиях в оценках будущего многократно возрастает влияние фактора неопределенности, что снижает предсказательные возможности социального прогнозирования и, соответственно, возможность раннего выявления и противодействия потенциальным рискам и угрозам.

В проекте новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве основных тенденций современного мира названы: геополитическая напряженность и поляризация мировых отношений [1]. Кроме того, к важным трендам современности, позволяющим строить вероятностные прогнозные выводы относительно грядущих состояний, следует отнести:

- принципиальную недостижимость системной стабильности в ближне- и среднесрочной перспективе;

- прогрессирующую напряженность в отношениях между крупными конкурирующими системами: «старыми» и «новыми» центрами силы, субъектами, представляющими разные культурно-цивилизационные общности;

- высокую вероятность прямого конфликта между противоборствующими блоками («Западом» и «не-Западом»), а также между социальными стратами внутри современных обществ;

- временное ослабление глобального исторического тренда на объединение человечества в единую цивилизацию, который сменяется трендом на регионализацию и размежевание [2, с. 900].

Для выстраивания каузальных связей, методология социально-философского прогнозирования предполагает не только идентификацию трендов, определяющих социальную динамику, но и осмысление сущностных первопричин, задающих тенденции.

Диалектически в качестве первопричины поляризации социальных отношений могут выступать фундаментальные противоречия между глобальными социально-политическими субъектами, прежде всего между странами «коллективного» Запада и «не-Запада» («анти-Запада»), достигшие критической массы и обострившиеся в условиях глобализации и «ускорения времени». Конкретизация приведенного обобщения может быть произведена на теоретико-методологических основаниях мир-системного и локально-цивилизационного подходов, в фокусе внимания которых, собственно, находится данная проблематика.

В рамках объяснительной теории мир-системного подхода, текущая напряженность связывается с образованием альтернативного мирового

центра силы в лице Китая, который сконцентрировал достаточный объем политических, экономических и военно-технических ресурсов для перехвата стратегической инициативы у старого центра в лице США [3; 4, с. 68, 444-445]. При этом, возможность полномасштабной войны рассматривалась классиками мир-системного подхода как одно из средств достижения глобальных целей и выяснения позиционных отношений между «старым» и «новым» караулом. Потенциальная угроза такого конфликта была обусловлена самим фактом быстрого обретения финансово-промышленной мощи, а вместе с этим и амбиций новых центров. Дж. Арриги утверждал, что в подобной ситуации в первой половине XX века пребывали переоценившие свои силы Япония и Германия, действия которых, подобно бабочке, полетевшей на огонь, привели эти страны к катастрофе [4, с. 420–421].

Локально-цивилизационная теория постулирует невозможность единства человечества, разбитого на конкурирующие локальные цивилизации, ядром которых является их культура [5]. В рамках теории конфликт между цивилизациями представляется естественной формой их взаимодействия. Стоит отметить, что теория локальных цивилизаций, потерявшая актуальность в западной науке, активно задействуется незападными сообществами, как идейная основа для противостояния капиталистическому миропорядку и глобализационным процессам [6, с. 58–59].

Принятие локально-цивилизационного подхода в качестве базовой парадигмы было официально закреплено партнером Беларуси по Союзному государству – Россией – в стратегическом документе внешней политики [7]. В данном документе Россия позиционирует себя, как «государство-цивилизация», выполняющая «уникальную миссию» по выстраиванию «многополярной» международной системы [7, с. 2–3]. В рамках принятого курса в качестве стратегических целей и приоритетов, кроме прочего, отмечается: защита православной церкви и «традиционных духовно-нравственных ценностей», борьба за «историческую правду», «устранение рудиментов доминирования США».

Таким образом, философская методология мир-системного подхода объясняют глобальную тенденцию на поляризацию мировых отношений образованием альтернативного мирового центра капитализации в лице Китая, бросающего вызов гегемонии США. В данном контексте стратегическим интересом Китая является не конструктивная реорганизация системы мироустройства, а изменение собственного статуса

в мировой иерархии, конкретно – перехват глобального лидерства. Поддержка Китаем дискурса многополярности мировых отношений может рассматриваться как инструмент консолидации анти-Запада в стратегических интересах нового претендента на мировое господство.

В настоящей работе мы допускаем предположение, что глобальную нестабильность, привычно трактуемую как признак смещения однополярного мира к многополярности, уместнее связывать с переходом мировой системы к биполярности, при которой лидером второго (антагонистического) полюса становится технологически и экономически развитый Китай.

Очевидно, что переход к биполярности и далее к новой однополярности потребует принятия общего языка взаимодействия и единых, разделяемых членами блока норм, правил и принципов. Представляется закономерным, что в качестве языка антизападной интеграции будет принят язык лидера, в данном случае – китайский (равно как английский выполняет эту функцию в западном мире, а русский выполнял ее в социалистической системе времен СССР). В основе мировоззренческой модели, наиболее вероятно, будут находиться ценности-антиподы западного общества: коллективизм, снижение индивидуальности, приоритет общего над частным и общественного над личным.

Среди причин конфронтации между крупными субъектами социальных отношений традиционно отмечают: накопление принципиальных противоречий, несправедливость экономических и политических отношений, неэквивалентный обмен экономическими и техническими благами, ментальная и культурная несовместимость. Однако, на наш взгляд, современное противостояние между Западом и анти-Западом представляет собой конфликт между цивилизованностью и разными (иногда довольно самобытными) формами реакционного варварства. В данном ракурсе, абсолютизация каких-либо различий, разделяющих людей и противопоставляющих их друг другу, является одним из признаков неизжитого варварства и цивилизационной отсталости таких общностей. Ложность тезиса о несовместимости локальных цивилизаций доказывает факт органичного существования в западном лагере стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Япония), а также мультикультуральности самого западного общества, открытого для представителей разных цивилизационных ареалов.

Очевидно, что цивилизационный подход не является конструктивной основой для субъектов, желающих социально-политической и экономической модернизации. В то же время цивилизационный дискурс незаменим для общностей, желающих сохранения статуса-кво.

Среди возможных форм снятия накопленных противоречий между Западом и анти-Западом можно обозначить следующие варианты:

1. Война между западным и антизападным блоками, в том числе с применением ядерного оружия;

2. Самоизоляция и выход из капиталистических мир-системных отношений отдельных стран, групп стран (цивилизационных общностей) антизападного блока;

3. Подчинение одного блока другому в результате победы в военном и/или информационно-экономическом противоборстве.

Методологически, в качестве четвертого варианта следовало бы указать приход к консенсусу путем выработки общих ценностей и правил, однако, на наш взгляд, данная опция располагается за пределами реальных возможностей по причине принципиальной несовместимости ценностных ориентаций и мировоззренческих моделей (если не признать консенсусом размежевание).

Следует отметить, что кроме рисков и угроз, будущее всегда включает в себя возможности, выявление и эффективное использование которых может оказаться решающим фактором конкурентоспособности современных социально-экономических систем.

#### Список литературы

1. Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь № 1 от 6 марта 2023 г. «О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 14.09.2023.

2. Кравцов, О. Ю. Социально-политическое прогнозирование: проблемы, тренды, перспективы / О. Ю. Кравцов // Право. Экономика. Социальное партнерство [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. Междунар. ун-т «МИТСО». – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. – 1044 с.

3. Франк, А. Г. Нет никаких цивилизаций: единство и непрерывность в разнообразии, или многосторонняя и энтропийная парадигмы для мира сегодня и завтра / А. Г. Франк // Прогнозис. - 2007. - № 4. - С. 3-23.

4. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. - 472 с.

5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? [Электронный ресурс] / С. Хантингтон. – 2020. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>. – Дата доступа: 26.02.2020.

6. Кравцов О. Ю. Цивилизационный подход и концепт евразийства как философско-методологические основания социального прогнозирования // Педагогическая наука и образование. – 2020. – № 3 (32). – С. 54-60.

7. Указ президента Российской Федерации № 229 от 31 марта 2023 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?rangeSize=1&index=1>. – Дата доступа: 31.10.2023.

8. Крадин, Н. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и Математика: Модели и теории / Н. Н. Крадин. — М.: ЛКИ/URSS, 2008. — С. 166-200.

## КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭТНИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ»

**Курбачёва Ольга Владиславовна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** Статья посвящена социально-философскому осмыслению понятия «этническая живопись» и сложностям его концептуализации. Актуальность исследования продиктована, с одной стороны, возрастающим уровнем артикулированного внимания к этнической проблематике в целом, а с другой стороны, новым подходом к пониманию исследуемой темы. Автор предлагает эксплицировать историко-культурные закономерности и особенности отражения этнической проблематики в общественном сознании сквозь призму живописи. Выявляется семантический контекст и особенности использования понятия «этническая живопись», а также общая тенденция акцентированного внимания к теме этничности начиная с середины XVIII века.

**Ключевые слова:** этнос; этническая живопись, искусство; этническая общность

## CONCEPTUAL KNOWLEDGE OF THE TERM «ETHNIC PAINTING»

**Kurbacheva Olga V.**

Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science,  
Belarusian State University

**Abstract.** The focus of the article is on the socio-philosophical interpretation of the term "ethnic painting" and the challenges associated with conceptualising it. The study's applicability is determined by two factors: a novel method for comprehending the subject matter, and the rising degree of articulate attention being paid to ethnic concerns in general. The author suggests using painting as a prism to explain historical and cultural patterns and characteristics of how ethnic issues are reflected in the public perception. The general trend of focused attention to the theme of ethnicity since the middle of the 18th century is highlighted, together with the semantic context and aspects of the use of the term "ethnic painting."

**Key words:** ethnicity; ethnic painting, art; ethnic community

Особенности этнокультурного развития общностей и перспективы межэтнического взаимодействия в современных реалиях представляют собой весьма обширное проблемное поле, которое интегрирует различные

отрасли и сферы знания. Однако несмотря на актуальность и востребованность данных исследований, до сих пор остаются темы, которые освещены не в достаточной мере. В силу своей объёмности, многогранности и сложности такой темой является историко-философское осмысление этнической проблематики сквозь призму живописи. И один из первых вопросов, которые возникают при осмыслении заданной темы, – это корректность коннотации: правомерно ли использовать понятие «этническая живопись»?

Современные исследователи используют данное понятие с очень большой осторожностью и деликатностью [1]. С одной стороны, живопись, безусловно, имеет этнические и географические истоки, отражающиеся, например, в технике, цвете и наличием национальных школ. Региональное или территориально-этническое своеобразие особенно ярко прослеживается на примере сравнения живописи народов Африки и дальнего Востока (Китая и Японии). Например, произведения японских и африканских художников невозможно перепутать: они отличаются по композиционным приёмам, техникам мазка, особенностям цветовосприятия, смысловым нагрузкам и т.д. Школа-мастерская современной африканской живописи и графики Пото-Пото в Конго и японская художественная школа Кано (XV-XIX в.) тематически совпадают: обе школы преимущественно писали пейзажи с изображением птиц и животных [2, с. 35]. Однако даже неискушённому зрителю будет заметна разница в стиле и особенностях изображения, не учитывая природно-климатическую специфику регионов и их обитателей: динамика, экспрессивность и теплота цветовых решений африканской живописи разительно отличается от утончённости, вневременности и монохромности пейзажей японских художников.

С другой стороны, говоря о проблеме дефиниций, важно отметить, что семантические границы понятия настолько размыты, что невозможно корректно дать четкую и корректную дефиницию. К «этнической живописи» могут непосредственно относиться работы, в которых визуализированы основные мифологические, эпические сюжеты или транслируются какие-либо ментальные, мировоззренческие представления [1]. Либо же могут использоваться конкретные территориальные или библиографические критерии авторов при создании работы, при чём как профессионального художника, так и любителя. В результате под этнической живописью может пониматься одновременно, как и все вышеперечисленные критерии, так и отдельные указанные аспекты.

Сложность и даже проблемность в определении также связана с геополитическим ракурсом и этическим подтекстом использования данной терминологии: на протяжении длительного периода времени этническое искусство противопоставлялось или, по меньшей мере, выделялось из пространства мирового искусства и ассоциировалось скорее с примитивным, не достигшим зрелого и глобального уровня. Этот особый статус этнического искусства уходит своими корнями в сложившуюся в эпоху Нового времени европоцентристскую иерархичную структуру мира и транслирующую мессианскую роль и значение развитой европейской культуры по сравнению к остальным неевропейским народам. Эта установка активно применялась в искусстве вплоть до первой половины XX века и хорошо иллюстрируется посредством выделения таких периодов в развитии искусства и культуры как колониализм и постколониализм. Безусловно влияние колониальной культуры и эстетики на западноевропейскую живопись представляет собой отдельный и весьма объемный вопрос. Его воздействие прослеживается во многих художественных школах и отдельных работах художников. Хотя о прямом влиянии, безусловно, говорить некорректно. Для иллюстрации можно вспомнить о таких работах, как «Авиньонские девицы» П. Пикассо или многочисленные работы П. Гогена («Что нового», «Купальщицы», «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идём» и др.)<sup>1</sup>. Конечно, роль африканского искусства, например, в творчестве П. Пикассо и кубизма в целом до сих пор изучается и нет однозначного чёткого ответа о её степени. Тем не менее многочисленные историки искусства склонны утверждать о видимом сходстве между некоторыми работами художника и артефактами африканской культуры. Так можно отметить культовую работу для кубизма «Авиньонские девицы» 1907 г., в которой обнаруживается сходство некоторых женских лиц со стилизованными ритуальными масками африканских племён (например, маски племени Дан отличались заострёнными подбородками, высокими лбами и чрезмерно объёмными губами)<sup>2</sup>, а также отсылку к портретам П. Гогена, посвятившему своё значительное внимание традиционному искусству Океании<sup>3</sup>.

Стоит отметить, что артефакты колониальной культуры и быта в конце XIX века действительно становятся доступными для публики

---

<sup>1</sup> Энциклопедия живописи, сост. Н. Борисовская, С. Козлова, В. Траскин. Москва: АСТ; 1999. 799 с.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Импрессионизм (иллюстрированная энциклопедия), сост. И.Г. Мосин. Санкт-Петербург.: Кристалл; 2004. 320 с.

Западной Европы: их массово привозят из стран Африки и Океании и выставляют как экспонаты в галереях и антикварных магазинах<sup>1</sup>. Безусловно, артефакты иной этнической культуры чаще всего не имели достойной материальной или художественной ценности для европейского зрителя. Европоцентристская установка в общественном и геополитическом сознании идентифицировала колониальное наследие как примитивное ремесленное искусство и соответственно не могло быть оценено по достоинству. Маски, фигуры, резьба, скульптуры и другие предметы выставок были экспропрированы с разных регионов и могли относиться к различным религиозным и культовым практикам, однако для неискушенного зрителя эти ценности были объединены в анонимное и размытое «племенное искусство». В результате в западноевропейском сознании постепенно формируется некий воображаемый и мифологизированный образ другого, неевропейского искусства, хотя оно и представляло собой литотизированную ценность и оценивалось лишь с позиции принятых европейских стандартов и образов прекрасного.

С чем связан такой повышенный интерес к этнической тематике в искусстве в конце XVIII – начале XX века? Если абстрагироваться непосредственно от сферы искусства, то можно отметить общую тенденцию акцентированного внимания к теме этничности. Это объясняется констелляцией различных интеллектуальных, геополитических и социокультурных факторов. Среди таковых можно выделить опосредованное влияние колониальной политики, выраженное в движении аболиционистов и распространении морального и политического осуждения существующей системы трансатлантической работорговли, актуализировавшей интерес к колонизированным культурам и общностям. Среди знаковых исторических событий, ставших своеобразным импульсом для более предметного и системного изучения неевропейских культур, можно выделить такие, как: Наполеоновская компания в Египте и Сирии (1798-1801 гг.), открытие Суэцкого канала (1869 г.), война за независимость Греции (1821-1829 гг.)<sup>2</sup>. Безусловно это и последствия «демографического взрыва» и массовых переселенческих движений в Европе в середине XIX века, повлиявших на ускоренный темп аккультурации различных сообществ. Также можно говорить о появлении и популяризации эволюционистских идей и формировании антропосоциологической школы,

---

<sup>1</sup> Басс И. Жизнь и Время Гертруды Стайн. Москва: Аграф; 2013. 272 с.

<sup>2</sup> История человечества. Энциклопедия в 8 томах. Том 6, XIX век, под ред. П. Матиаса, Н. Тодорова. Москва: Магистр-Пресс, Юнеско; 2005. 634 с.

оказавшей влияние на становление идеологии расизма. Это и своеобразные отголоски эпохи романтизма, в которой был популярен образ «благородного дикаря» и интерес к истории, отразившейся в формировании концепта романтического национализма. Как следствие данных обстоятельств, изучение происхождения и особенностей культур локальных народов и этнических общностей оформляется институционально и представляет собой самостоятельную дисциплину – этнологию. Так, например, в 1839 г. появляется первое Парижское общество этнологии, а в 1842 г. – отдел этнографии в Русском географическом обществе [3, с. 13]. В 1859 году редакторы М. Лацарус и Х. Штейнталь в предварительном Извещении о выходе нового журнала заявляют о появлении новой отрасли знания – культурной или этнической психологии: «то, что делает народ именно этим народом, лежит существенно не в известных объективных отношениях, как происхождение, язык и т.д., а исключительно в субъективном усмотрении членов народа, которые все вместе смотрят на себя как на один народ». [4, с. 75]. Дж. Вико, известный итальянский философ, основоположник этнической психологии, в 1725 г. пишет свою работу «Основания науки об общей природе наций», в которой утверждает, что только «новая наука» через исторический анализ языка, мифа ритуала различных народов поможет постичь истинную человеческую природу [5, с. 22]. Конец XVIII – середина XIX вв. представляет собой период, когда интерес к проблеме этничности артикулируется и в философском проблемном поле. Среди мыслителей, которые поднимают этническую тематику можно выделить Г.В.Ф. Гегеля, В. Вундта, В. Гумбольдта, Г.Г. Шпета, И.Г. Гердера. Эти и другие факторы нашли своё отражение в мире искусства, актуализировав интерес к малоизученным народам, их культуре, предметам быта и прикладного искусства.

Действительно, инаковость, мистицизм, ритуальный характер и в целом аура загадочности и неизведанного вызывали неподдельный интерес и внимание как со стороны широкой публики, так и учёных, философов и профессиональных мастеров живописи. Но, важно отметить, что само реакционное мышление колониализма зачастую проявлялось именно в том, что оно поддерживало миф о превосходстве западноевропейской культуры над остальным миром искусства. Именно данный аспект в идентификации этнического искусства и создает необходимость осторожности и деликатности в употреблении самого термина. Исторический прецедент редуцирования этнической живописи за скобки мирового искусства, семантическая неопределённость и широта коннотации понятия и легли в

основание определённого недоверия к его использованию в профессиональной сфере. Поэтому чаще всего можно встретить такие замещения понятия «этническая живопись», как «этнокультурные проявления», «этнокультурные традиции в живописи», «территориально-этнический характер в живописи» и др. [1].

Таким образом, осуществив концептуальное осмысление понятия «этническая живопись», можно отметить следующие особенности. В силу своей семантической размытости и контекстуальной неоднозначности представляет собой терминологический конструкт, который в профессиональной художественной среде используется с большой осторожностью, при этом само наличие территориально-этнического своеобразия в живописи не подвергается сомнению. Степень этнокультурного взаимодействия и влияния эстетики колониальных культур на западноевропейское художественное пространство выступает автономным предметом исследования, хотя с очевидностью оно прослеживается во многих работах западноевропейского искусства. Артикулированное внимание к этнической тематике в сфере искусства в конце XVIII – начале XX в. отражает общую тенденцию историко-культурного, геополитического развития и научных интересов в обозначенный период. Живопись как таковая способна символически отразить своеобразный портрет этнической культуры, быта и общности, а также особенности концептуального восприятия и осмысления исторических событий.

### Список литературы

1. Соколова, А.Н. Содержание понятия «этническая живопись»: к постановке проблемы / А.Н. Соколова // Культура и искусство. 2021. № 9. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.9.36273 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-etnicheskaya-zhivopis-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 02.10.2023).
2. Прохоров, С.А. Этнические и географические истоки живописи, порождающие национальное своеобразие художественных школ / С.А. Прохорова // Мир науки, культуры, образования. №4 (35). 2012. с. 34-37.
3. Курбачёва, О.В. Концептуально-теоретический анализ понятия «этнос»: от объективной реальности до воображаемой конструкции / О.В. Курбачёва // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология, 1, с. 10-17. Доступно по <https://journals.bs.u.by/index.php/philosophy/article/view/2009>.

4. Шажинбат, А. Этнос в контексте философско-антропологического знания / А. Шанжибат // Философская мысль. 2015. № 9. с. 107 - 124. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.9.16659 .

5. Вико, Дж. Основания Новой науки об общей природе наций/ Дж. Вико // перев с итал. А.А. Губера. Москва-Киев: REFL-book ИСА; 1994. 656 с.

## ЭТИКА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

**Лаптёнок Александр Сергеевич,**

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** Характеризуется статус этики на конкретном этапе социального развития. Этика в социокультурном контексте имеет ряд особенностей, которые проявляются в зависимости от ее востребованности на конкретном этапе социального развития.

**Ключевые слова:** этика, социальная мораль, мораль, социум, практическая философия, теоретическая этика, нормативная этика, прикладная этика.

## ETHICS IN A SOCIO-CULTURAL CONTEXT

**Laptenok Alexander**

Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science  
Belarusian State University

**Abstract.** The status of ethics at a specific stage of social development is characterized. Ethics in a sociocultural context has a number of features that manifest themselves depending on its relevance at a specific stage of social development.

**Keywords:** ethics, social morality, morality, society, practical philosophy, theoretical ethics, normative ethics, applied ethics.

Статус этики как философской науки уже со времен Сократа не подвергается сомнению. При этом можно выделить три ключевые традиции в интерпретации предмета этики. Две из них опираются на длительную традицию.

*Первая традиция* трактует этику как практическую философию, задачей которой является рациональное обоснование определенной системы ценностей, опираясь на которую индивид ориентируется в неоднозначном, противоречивом мире добра и зла, добродетелей и пороков, справедливости и несправедливости, что позволяет ему осуществлять осознанный выбор. Моральное бытие человека предполагает обретение смыслов на протяжении всей жизни на основе духовно-практического освоения мира. Мораль – сфера самоопределения личности в условиях свободы совершения выбора. Именно

в этой традиции наиболее четко проявляются коннотации этики с социокультурным контекстом.

Частично процесс выработки разнообразных нормативно-этических систем можно представить как обобщение нравственного опыта предшествующих поколений, либо опыта актуального в конкретной культуре. И здесь, начиная со знаменитых изречений семи античных мудрецов, вырабатывается рецептурное знание, рекомендуемое индивиду конкретные образцы должного выбора в тех или иных обстоятельствах. По сути, это нравоучение, основанное на коллективной мудрости народа, либо на авторитете конкретного учителя. К такому роду морализаций можно отнести большинство религий.

Другая линия формирования морально-этических программ опирается на представления о должном, идеальном образе поступка. Достаточно часто сфера морального долженствования весьма далека от реальной практики человеческих отношений и предлагает недостижимый идеальный образ человека и его действий. Источником такого своеобразного «морального эскапизма» может быть отрицание несправедливости в этом беспокойном противоречивом мире, либо неверие в моральные возможности реального человека, которому невозможно вверить всю красоту идеала в силу того, что он погряз во лжи и многообразных пороках.

Неслучайно то, что представители этического знания сконцентрировали свое внимание на формулировку и обоснование различных нормативных систем, являющихся предпочтительными по сравнению с другими (по разным основаниям). Не обязательно эти системы были жесткими альтернативами предшествующим, во многом они были взаимодополняющими. По сути, речь идет не о противоположности, а, скорее, об их совместимости, когда доминирующая ценность одной системы приводит не к уничтожению аналогичной ценности другой, а к философскому, или общекультурному дискурсу. Более того, можно отметить даже взаимозависимость некоторых нормативных систем от других. В частности, это касается, например, этики эвдемонизма (которая нуждается в конкретизации категории счастья), этики блага (соответственно, возможно разное понимание категории блага) и некоторых других.

Во всяком случае (помимо слишком уж одиозных) все они оказывались социально приемлемыми, а, по сути, предлагали субъекту разные варианты выбора из совокупности выработанных в этическом знании и культурном опыте определенных паттернов поведения. С одной стороны, это было следствием понимания этики как практической философии, как той сферы

знания, которая, собственно, и направлена на теоретическое обоснование системы должного поведения. И необходимо отметить, что на протяжении более чем двухтысячелетнего развития этики были разработаны вполне репрезентативные образцы моральных систем, не потерявших своего актуального значения до сегодняшнего дня. С другой стороны, это привело к тому, что этика ценности начинает абсолютно доминировать над этикой факта: практически все «нормативные» философы констатировали несовершенство, по разным основаниям, наличествующего человека и предлагали пути его усовершенствования. В зависимости от мировоззренческой составляющей содержания учения, меры предлагаются разные: от воздействия на человеческую «природу» до «приобщения» к конкретной нормативной программе с целью приведения поведения индивида в соответствие с предлагаемыми моделями.

Историческое бытие этики в социокультурном контексте свидетельствует о том, что моральный пафос множества теорий нередко использовался для решения социальных задач, стоящих в конкретный период развития общества. Практически вся история человечества свидетельствует о разделении на «своих» и «чужих». Не всегда оно обретает характер антагонистического противостояния. Это может быть связано с необходимостью идентификации индивида по тем или иным признакам. Неважно даже по каким основаниям производится такое разделение: политическим, религиозным, национальным, возрастным и т.п. Вся проблема заключается в том, что когда политическая, национальная или любая иная цель признается высшей, она же становится основным критерием морали. Такого рода приоритеты обосновываются интересами тех или иных социальных групп. Соответственно, оправдывается любой поступок, задачей которого является реализация этой высшей цели. Соответственно, происходит редукция морали к приоритетным внеморальным целям. Сила (понимаемая не только метафорически, но и как реальная сила насильственного воздействия на индивида) такого рода моральных систем заключается в признании единственно возможного варианта ответа на все многообразные экзистенциальные проблемы человека.

Такая редукция морали связывается с жестко телеологическим представлением об определении смысложизненных ориентиров человека, основных параметров его бытия, что не дает возможности защиты иных принципов. Единая идея (например, политическая – строительства коммунизма, национальная – приоритет своей нации, религиозная – построение «царства Божия» на земле и пр.) тотальна для человека.

Инакомыслие, если не преследуется, то в любом случае, не приветствуется. Соответственно, формируется элитарное сообщество (партия, национальная элита, церковь и пр.), которое и формулирует обоснование ведущей идеи и показывает пути ее реализации. То есть складывается система господства меньшинства над большинством. И, наконец, если цели определены, то необходимо делать все для того, чтобы она воплотилась в жизнь. Но если большинство не может самостоятельно и организованно идти к этой цели по причине неприятия или даже непонимания ее, то остается единственно возможный путь – насилие по отношению к такому большинству. История подтверждает, что апология насилия составляет одну из существенных сторон телеологической идеологии. Отсюда и крестовые походы, миссионерство, которое не везде носило мирный характер, отсюда печи Освенцима в подтверждение идеи превосходства одной нации, отсюда гулаговские лагеря и т.д. К сожалению, количество такого рода примеров безгранично. Таким образом, нравственный изъян такого рода «приобщения» к конкретной нормативной моральной системе, признаваемой в качестве единственной, состоит в оправдании применения насилия по отношению к индивиду. По сути, в таком случае выхолащивается роль и сущностные признаки самой морали. Ведь именно в возможности ненасильственного личного выбора мораль и реализуется.

Если бы пришлось выбирать, что лучше: принужденная моральность или свободный выбор человека (понятно не только добра, но и зла), то многие сошлись бы в том мнении, что лучше уж отсутствие свободы, только бы везде был порядок. Даже если предположить противоположную картину принужденной моральности, основанной на позитивной принудительности, то и в этом случае невозможна однозначная оценка. Главным в такой принудительности является то, что поступок человека лишается морального достоинства. Стремление сделать всех моральными принудительными средствами приводит к противоположному результату – исчезновению самой морали как самоценного феномена человеческой жизни.

По сути, в рамках техногенного общества мораль, несмотря на ее отдельные проявления, и в особенности на подвижничество нравственных гениев, в целом направлена на выполнение социального заказа. В этом статусе ее назначение трансформируется, во-первых, как необходимость обоснования преимуществ культивируемых в конкретном социуме моральных ценностей и норм, а во-вторых, как моральное оправдание деяний людей во имя приоритетной цели.

Если в традиционном обществе упор делается на социальной морали, то общество модерна постулирует приоритет ценности личности. Индивидуальная мораль основывается на выборе приемлемых для социума нормативно-этических программ.

*Вторая традиция* в развитии этического знания определяется феноменом теоретического объяснения морали. Как правило, это связано с разработкой идеальных теоретических моделей морали, смысл которых состоит в раскрытии ее сущностных характеристик и выявлении специфики проявлений в бытии человека.

Хотя этика как философская наука и элемент мировоззрения, несомненно, включена в конкретно-историческую культуру (что наиболее четко проявляется в рамках первой выделенной традиции), тем не менее, она далеко не всегда напрямую отвечает на актуальные потребности общества. Умозрительная этика воздействует опосредованно на какие-то сегменты общественного сознания.

Если ведущие представители первой выделенной традиции были те, кого А.А. Гусейнов назвал великими пророками и моралистами, одним из этических аргументов которых выступала их собственная жизнь, а в ряде случаев смерть (Сократ, Сенека), то для философов второй традиции по причине отсутствия или минимизации нормативной составляющей их учения, вопрос о личной позиции, единстве слова и дела, в принципе не представляется существенным. Напротив, основываясь на идеалах и нормах обоснования классического типа научной рациональности, субъект элиминировался в соответствии с задачей показать мораль как она есть, во всей ее чистоте, выявить ее специфику по сравнению с другими формами культуры. Этика Аристотеля, И. Канта, Г-В-Ф. Гегеля, Д. Юма, Б. Спинозы, К. Маркса и др. была направлена на обоснование самой морали, определения ее структуры и функций. Появляются целые направления, декларировавшие отказ от нормативности этики (неокантианство, эволюционная, аналитическая, феноменологическая этика, постмодернизм и др.). Цели формулировались разные: от обоснования метаэтики, изучения языка морали, выявления связи морали с универсальным эволюционным процессом и т.п. Общим будет, пожалуй, стремление очистить мораль от метафизики, ценностного содержания и, особо, от репрессивного образа морали, основанной на абстрактных принципах.

Востребованность этического знания может связываться также с решением актуальных проблем социального развития и научного прогресса. В рамках этической науки возникает проблематика, приобретающая все

большую значимость с углублением противоречий взаимодействия человека и природы, биомедицинских вопросов и т.д. Пожалуй, учитывая масштаб и значимость в современных социокультурных обстоятельствах, появление и развитие прикладной этики можно трактовать как *третью ведущую традицию*. Прикладная этика предлагает свои ответы на моральные проблемы, возникающие в различных социальных сферах и в профессиональной деятельности. С середины XX века активно развиваются такие разделы прикладной этики, как политическая этика, этика бизнеса, этика науки, биомедицинская этика, информационная этика, этика новейших технологий и др. Как правило, потребность в разрешении этических дилемм возникает в условиях неопределенных последствий и возрастания масштабов ответственности в профессиональной деятельности. Нередко пограничный статус проблем не дает возможности выработки однозначных решений и рекомендаций, поэтому значительная их часть приобретает открытый характер. Наиболее отчетливо это проявляется в биомедицинской этике, по ряду вопросов которой нет однозначных решений и обосновываются иногда взаимоисключающие мнения. Например, проблемы эвтаназии, клонирования, трансплантологии и т.д.

Важно отметить, что специфика прикладной этики определяется, во-первых, связью с общественными запросами в отношении ряда профессий и поэтому имеет четко выраженный практико-ориентированный характер, а, во-вторых, она реализуется на стыке специальных отраслей знания, которые включают этику в качестве элемента своей структуры: биомедицинская этика – часть биологии и медицины, этика хозяйствования – экономической науки, политическая этика – политологии и т.п.

Таким образом, этика в социокультурном контексте имеет ряд особенностей, которые проявляются в зависимости от ее востребованности на конкретном этапе социального развития.

## ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ Е.Н.ТРУБЕЦКОГО

**Левдиков Александр Игоревич,**

магистрант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель– Лещинская Ирина Ивановна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

**Аннотация.** В статье исследуется проблема смысла жизни в контексте творчества Е.Н. Трубецкого. Показаны место и роль данной проблемы в его концепции всеединства. Решение данной проблемы тесно связано с обоснованием важнейших концептов: бессмыслица, ценность, истина, смысл-истина, всеединое сознание. Раскрыта трактовка философом понятия бессмыслицы. Показаны угрожающие последствия выбора бессмыслицы в качестве экзистенциальной стратегии для человека и общества. Раскрыто содержание и значение понятия «смысл-истина» в контексте концепции всеединства. Показано, что всеединое сознание является метафизической основой бытия человека и общества и их духовно-нравственных ориентиров.

**Ключевые слова:** смысл жизни; Е.Н. Трубецкой, истина; ценность; христианство; всеединое сознание; философия всеединства.

## THE PROBLEM OF THE MEANING OF LIFE IN THE PHILOSOPHY OF E.N. TRUBETSKOY

**Leudzikau Aliaksandr Igorevich**

Master student, Department of Philosophy of Culture,

Belarusian State University

Supervisor – Liashchynskaya Irina Ivanovna

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor,

Department of Philosophy of Culture, Belarusian State University

**Abstract.** The article analyzes the problem of the meaning of life in the context of the philosophy of E.N. Trubetskoy. The place and role of this problem in his concept of unity is shown. It has been revealed that the solution to this problem is closely related to the justification of the most important concepts: nonsense, value, truth, meaning-truth, unified consciousness. The threatening consequences of choosing nonsense as an existential strategy for a person and society are shown. The content and meaning of the concept «meaning-truth» in the context of

the concept of unity is revealed. It is shown that the unified consciousness is the metaphysical basis of the existence of man and society, their spiritual and moral guidelines.

**Keywords:** meaning of life; E.N. Trubetskoy, truth; value; Christianity; unified consciousness; philosophy of unity.

Проблема смысла жизни, исконно принадлежащая к числу фундаментальных проблем философии, всегда привлекала мыслителей, поскольку стремление найти прочные основания человеческого бытия и его ценностные ориентиры продиктовано необходимостью преодоления экзистенциальных кризисов как отдельной личности, так и общества в целом. В условиях чрезвычайных противоречий и глобальных рисков, характеризующих современный социум, также необходимы идеи, позволяющие понять сложившуюся ситуацию и найти пути преодоления современных вызовов. В этом отношении, на наш взгляд, весьма продуктивным в мировоззренческом и методологическом плане является обращение к идеям выдающегося русского философа Е.Н. Трубецкого

Одной из важнейших проблем его творчества является проблема смысла бытия. Для решения данной проблемы Е.Н. Трубецкой рассматривает целый ряд концептов, среди которых наиболее значимыми выступают: бессмыслица, ценность, истина, всеединое сознание. Согласно Е.Н. Трубецкому, вся жизнь человека есть стремление к исканию смысла. «Философ понимает, что весь этот мир в непрерывной смене возникающих и исчезающих явлений стремится осуществить божественную идею, воплотить ее в себе; но он никогда не успевает в своем стремлении, а производит беспрерывно умирающие формы – нечто среднее между бытием и не бытием» [1, с. 156]. Поэтому поиск смысла жизни является сущностной и необходимой характеристикой бытия человека.

Однако поиск смысла требует постоянных духовных усилий и самоотдачи. Е. Н. Трубецкой полагал, что бессмыслица, всякая неосмысленная жизнь, есть лишь простое существование, биологическое наличное бытие, которое подчиненно утилитарным ценностям. По мнению философа, господство бессмыслицы приводит к тому, что не только жизнь низших тварей, но и бесчисленные человеческие жизни становятся жертвой беспощадного закона «войны всех против всех», царящего в мире. Бытие многих народов являет собой пример бытия в себе и для себя, когда бытие для другого есть лишь стремление подавить, уничтожить и использовать его ради поддержания своего существования. Ситуации раскола, вражды и есть

прямые проявления бессмыслицы, которая является следствием выбора ложных ценностей человеком и сообществом как целью их бытия

Е. Н. Трубецкой указывал, что понимание бессмыслицы доступно лишь с в состоянии осмысленности, то есть необходимо обрести смысл, чтобы бессмысленность стала опознаваемой. В противном случае она не вызывает подозрений в своей бессмысленности. Философ полагал, что обретение смысла связано с поиском и обретением истины. «Словом истина необходимо предполагается нами как такое содержание сознания, которое действительно не только за пределами нашего сознания, но за пределами чьего бы то ни было психологического переживания. Это – действительность не логическая только, а онтологическая, ... истина есть сущее: иначе она не могла бы быть истинною бытия» [2, с. 21]. Неслучайно, мыслитель для раскрытия данной проблемы использует концепт «смысл-истина».

Согласно мыслителю, именно смысл формирует сознание человека. Более того, самого сознания бы не было без смысла, оно бы представляло лишь череду беспорядочных чувственных восприятий и представлений. В отличие от «состояний сознания», изменчивых и текучих, смысл по существу неизменен и неподвижен. Поэтому без отнесения к смыслу нет сознания. Трубецкой убежден, что «осознать – значит осмыслить», отнести познаваемое к какому-нибудь объективному, общезначимому смыслу. «Теперь мы видим, – утверждал философ, – что сознать – значит подняться над временем, мало того, поднять на сверхвременную высоту познаваемое, каким бы текучим и преходящим оно ни было» [2, с. 12].

Смысл-истина, согласно Трубецкому, является ценностью, но безусловной, поскольку истина уже вбирает в себя абсолютную ценность. Источником смысла-истины, согласно мыслителю, является всеединое сознание. «Или истина есть акт безусловного сознания, или истины нет вовсе» [2, с. 22]. Решение проблемы смысла жизни Трубецким неотделимо от его концепции всеединства, в рамках которого центральным выступает понятие всеединого сознания. «Иначе говоря, истина предполагается нами как мысль единая и в то же время всеобъемлющая, т.е. как всеединая мысль» [2, с. 24].

Е.Н. Трубецкой не отделял всеединое сознание от сознания человека, поскольку считал, что только такая позиция позволит избежать ошибок и иллюзий, которые приводят к расколу, вражде и бессмыслице. «Искание истины есть попытка найти безусловное сознание в моем сознании и мое сознание – в безусловном. Если безусловного сознания нет, то вся эта попытка – чистая иллюзия; тогда невозможно никакое познание и никакое

со-знание. Если нет безусловного сознания, – сознания, тождественного с истиною, то никакие высказывания, суждения и интуиции сознания не в состоянии выразить истину» [2, с. 25–26]. Более того, мыслитель настаивает на том, что любая правильная мысль, которая соответствует смыслу-истине изначально заложена во всеедином сознании. «Стало быть, всякий вопрос моего сознания об истине – смысле сознаваемого – предполагает такой абсолютный синтез, в котором, все представления действительные и возможные необходимо связаны между собою, связаны раньше, чем я успел сознать или осмыслить эту связь. Всякое искание истины-смысла предполагает ее как синтез, уже заверченный раньше всякого нашего суждения [2, с. 28]. Поэтому целью человеческой жизни является стремление к всеединому сознанию, к раскрытию содержания безусловного синтеза всеединого сознания в каждом нашем суждении.

Истине противостоит бессмыслица, причиной которой является всеобщая суета и желание существовать исключительно в фактической действительности, когда все ресурсы человека направлены не столько на улучшение качества жизни, сколько поддержание существования. Бессмыслица порождает множество отрицательных феноменов таких как культ потребления, эгоизм, нигилизм, космополитизм и утрата патриотизма. В этих условиях духовность человека пребывает в рабстве. Чтобы отвлечься от осознания этого рабства, необходимы изощренные формы развлечений, которые помогут человеку забыть о собственном посрамлении «Нас возмущает это рабство духа, – писал философ, – это подчинение воли, мысли и чувства роковой необходимости биологического закона» [2, с. 42].

Для все большего количества развлечений требуется все большее количество ресурсов, которые, если они не добываются посредством собственного труда, то непременно отнимаются у других посредством насилия. Следствием рабства духа в плену биологической необходимости является война. «Все живые существа живут в таком состоянии непрерывной войны, борются чтобы жить, и живут, чтобы бороться» [2, с. 48]. Кроме того, Е. Н. Трубецкой говорил о двуличности и лицемерии, которые имеют место в жизни общества и государства. «С одной стороны, властный призыв любви ко всякому человеку как таковому, а с другой стороны, все народы вооружены с головы до ног для взаимного истребления» [2, с. 44].

Мыслитель указывал, что люди имеют есть желание преодолеть бессмыслицу, но проблема заключается в отсутствии единства в этом стремлении, в существовании противодействующих сил. Философ писал по

этому поводу: «... с одной стороны, попытка человека прорвать порочный круг всеобщей борьбы за существование, взлететь над землей в светлом подъеме любви, а с другой стороны, новая иллюстрация бессилия этой попытки – государство с его периодически повторяющимся и периодически торжествующим лозунгом – все для войны» [2, с. 49]. Увеличению боевой мощи для потенциальной обороны от неприятеля одним государством есть косвенная угроза для другой страны, которой также необходимо наращивать военный потенциал в целях защиты. Относительная бесконечность этого процесса преодолевается всплеском военной агрессии вследствие перенасыщенности вооружением.

Е.Н. Трубецкой утверждал, что развитие промышленности и каждый ее успех создает новое оружие, а стало быть, и новые соблазны его применения и демонстрации своего технического превосходства. В этих условиях человек также превращается в орудие войны и совершенствуется как машина для убийств. Философ предупреждал, что в результате такого рода использования и модернизации человеческой природы «... происходит не одухотворение животной жизни, а как раз наоборот, озверение духа» [2, с. 48]. Он полагал, биологизм, доведенный до предельного развития, с неизбежностью переходит в сатанизм. «Когда царящее в мире зло одухотворяется, – писал философ, – когда закон борьбы за существование утверждается не только как факт, но как норма, которой все человеческое должно подчиняться, наша человеческая действительность становится чрезвычайно похожей на ад» [2, с. 49]. Е.Н. Трубецкой убежден, что зло, воцарившееся в мире, исходит от самого человека, от свободы, реализованной им посредством неадекватного выбора жизненной цели. Бессмыслица как несоответствие смыслу-истине означает, что человек отрекается от истины либо искажает ее понимание, что порождает ложное бытие.

Единственным способом, позволяющим вырваться из круга бессмыслицы, согласно Е.Н. Трубецкому, являются поиск и обретение истины. Истина включает в себя предвечную совокупность подлинного смысла. Она есть содержание всеединого сознания. Все это однозначно направляет к поиску подлинной религии. В качестве таковой для мыслителя выступает христианская религия и ее фундаментальные ценности. Христианство для Е.Н. Трубецкого, по мнению Н.О. Лосского, выступает единственной в своем роде религией, «... в которой человеческий элемент не поглощается божественным, а божественный – человеческим. Оба эти элемента составляют единство в его полноте и целостности» [3, с. 203].

Таким образом, идеи о ценности истинного смысла человеческой жизни, о смертельной опасности, исходящей от бессмыслицы, претендующей на господство в мире, высказанные философом в начале двадцатого века, являются чрезвычайно значимыми в современной ситуации. Они задают приоритеты и цели бытия человека, его духовно-нравственные ориентиры. Представленная им концепция всеединства, обосновывающая необходимость многообразия, целостности и гармонии мира, может способствовать преодолению фрагментарности и дегуманизации сложившейся системы социальных отношений.

#### Список литературы

1. Новиков, О.Ю. «Идея всеединства как форма существования мира в философии Е.Н. Трубецкого» / О.Ю. Новиков // GENUS LOCI: альм. по мат. 10 всер. науч.-практ. конф. – Кострома, 2003. – № 3. – С. 154– 159.
2. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни / Е.Н. Трубецкой. — Санкт-Петербург: Азбука, 2017. — 346 с.
3. Лосский, Н.О. История русской философии / Н. О. Лосский. — Москва : Советский писатель, 1991. — 478 с.

## ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

**Легчилин Анатолий Александрович,**

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В статье представлен ретроспективный обзор различных вариантов сути государства. Перечисляется множество теорий, на основных принципах которых раскрывается философия государства.

**Ключевые слова:** государство; общество; власть.

## PHILOSOPHY OF THE STATE: BASIC MODELS OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

**Liahchylin Anatoli A.,**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Professor of the Department of Philosophy of Culture.,  
Belarusian State University

**Abstract.** The article presents a retrospective overview of various options for the essence of the state. Many theories are listed on the basic principles of which the philosophy of the state is revealed.

**Keywords:** state; society; power.

В процессе длительного исторического развития постоянно идут поиски наиболее адекватного устройства, соответствующего природе жизнедеятельности человека в обществе. Так или иначе, большинство теорий связывают эту жизнедеятельность с концепцией государства. Существуют взгляды, которые и отрицают в перспективе роль государства как гаранта общественного развития. Но мы попытаемся проследить эволюцию, прежде всего, идеи государства, как основополагающей константы суверенного объединения людей. Дать дефиницию понятия государства, удовлетворяющую многочисленным взглядам на эту проблему, не представляется возможным. И это связано не столько с многочисленными противоречивыми точками зрения, сколько с теми философскими основаниями, на которых они основываются. Тем не менее, нечто общее что определяет государство, все же следует сделать, с которым большинство согласятся. Государство – это объединение людей,

проживающих на определенной территории, подчиняющихся единому суверену, или сообществу управляющих и обладающем определенной властью над своими подданными. Попробуем лапидарно проследить длительную эволюцию происхождения идеи государства в ретроперспективе. Заранее оговорим, что мы не рассматриваем мифологические, сверхъестественные, расовые представления о понимании государства, которые появляются на различных этапах формирования человеческих сообществ. Мы также не будем рассматривать различные теории государства по географическому принципу (Восток, Запад, Юг, Север), хотя здесь определенные отличия имеются. Мы обратим внимание, прежде всего, на философские основания теории происхождения государства, лежащие в основании сути государства.

Выделяют следующие типы государств по их ценности в общественном устройстве: патерналистское, органическое, договорное, насильственное, психологическое, материалистическое, либертарное, патримониальное, волюнтаристское, абсолютного духа, ирригационное, демографическое, кризисное, теория «инцеста», спортивное и пр. Кратко поясним философские основания данных типов государства.

*Патерналистская* теория государства (от слова *pater* (лат.) – отец) строится на ценности семьи. Они обосновывают тот факт, что люди существа коллективные, стремящиеся к взаимному общению, приводящему к возникновению семьи, и, в перспективе, к образованию государства. Данная доктрина экстраполирует понятие «семья» на понятие «государство», а такие концепты, как «отец», «члены семьи», отождествляет соответственно с категориями «государь», «подданные». Наиболее репрезентативными историческими персоналиями, с которыми ассоциируется данный тип государства, прежде всего являются Конфуций и Аристотель. Конфуций, пожалуй, как и вся древнекитайская философия уподобляет государство большой семье. Управление государством, по его мнению, должно строиться как в управлении семьей – на основе норм добродетелей, заботы старших о младших, преданности по отношению к старшим. По Аристотелю, «государством, является общение подобных друг другу людей с целью достижения возможно лучшей жизни» [1, с. 603], «оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования... которое... состоит в счастливой и прекрасной жизни» [1, с. 461-462]. Будучи завершением семьи, государство является продуктом естественного развития. Эта же «природа» породила у всех людей

стремление к государственному общению, благодаря которому человек и стал «существом политическим» [1, с. 378]. Таким образом, жизнь в государстве соответствует коллективистской природе человека. В русской политической истории (Н. К. Михайловский и др.) также присутствует аналог веры широких слоёв населения в «царя-батюшку», «отца народов», «отца родного» и пр.

*Органические* концепции государства более распространены. Общее, что их объединяет, – это представления о государстве как о живом организме, продукте социальной эволюции (по аналогии с эволюцией биологической). Конкретные персоналии разнятся в деталях. Например, согласно О. Конту, государство – органическое целое, по аналогии с законами биологии, действие которых в обществе претерпевает определённое видоизменение в силу своеобразия взаимодействия индивидов. Г. Спенсер трактует государство как часть природы, которая развивается подобно зародышу живого организма. Социальный организм (государство) растёт и развивается путём интеграции его составных частей, усложнения его структуры, дифференциации функций и т. д. При этом в социальной жизни, как и в природе, выживает наиболее приспособленный организм. Представители органической школы А. Шеффле в Германии, Р. Вормс во Франции, П.Ф. Лилиенфельд в России и др. пошли значительно дальше своих предшественников о роли биологизаторских функций в проявлении сути государства. Так, у А. Шеффле экономические отношения в «социальном теле» трактуются как обмен веществ в живом организме, а Вормс выявлял физиологические особенности и половые функции различных социальных органов и организмов, изучал их социальную гигиену и т. д. Правительство, согласно П. Ф. Лилиенфельду, осуществляет функции головного мозга, а торговля – функции кровообращения и т. п.

Более известными (научными) являются естественно-правовые, или *договорные* концепции происхождения государства. В их основе лежат представления о договорном происхождении государства. Государство возникло в результате общественного договора и правилах совместного проживания указано, по которому люди часть своих прав, присущих им от рождения, передают государству как органу, представляющему их общие интересы, а государство, в свою очередь, обязуется обеспечить права человека. Уже Г. Гроций трактует государство как явление, возникающее в результате договора людей. А Т. Гоббс, Ж.Ж. Руссо и др. развивают целые философские учения. Например, Т. Гоббс догосударственное (естественное) состояние изображает как «состояние войны всех против всех». В этих

условиях разум человека предписывает требование искать мир и следовать ему, т.е. создавать государство. Таков, по Гоббсу, смысл естественного закона человеческого общежития. Договорная концепция Гоббса, также вытекала из естественного состояния человеческого бытия, стремящегося к гармонии. Либеральная концепция договорного происхождения государства Дж.Локка обращает внимание на другую ценность человеческого бытия – его жизнь, свободу и имущество. Договорные отношения людей с государством – это постоянно обновляющийся процесс, основанный на принципе согласия, реализации неотъемлемых прав гражданина данного государства. Под заметным влиянием учения Руссо идеи договорного происхождения государства отстаивал А.Н. Радищев. С позиций защиты суверенитета народа, естественных прав человека и республиканской формы правления он подчеркивал, что цель договорно формируемого государства – это «блаженство граждан».

Достаточно распространенными в последнее время стали *насильственные* концепции происхождения государства. В основе данных концепций лежат представления о возникновении государства, как результата насилия (внутреннего или внешнего), то есть государство является не итогом внутреннего развития, а навязанной извне силой. В этом контексте известна теория Е. Дюринга. Насилие одной части первобытного общества над другой, по Дюрингу порождает государство и все последующие его общественные составляющие (классы, партии, союзы и пр.). Развивает данную теорию Л. Гумплович. Он считал, что государство возникает вследствие стремления людей к расширению своего влияния и могущества, к увеличению своего благополучия, это ведёт к войнам, и как следствие к появлению государственного устройства, а также к появлению имущественного и социального расслоения населения. В теории немецкого социолога и экономиста Ф. Оппенгеймера государство представляет собой социальный институт, основанный на завоевании и подчинении. Вот его общий вывод: «Чем же является Государство с точки зрения социологической концепции? Государство, полностью по своему происхождению, значительно и почти полностью на начальных этапах своего существования, является социальным институтом, насильно навязанным победившей группой людей над побежденной группой с единственной целью – для утверждения Господства победившей группы над побежденными, и для защиты от восстаний изнутри и нападений извне. Телеологически – такое Господство не имеет никакой иной цели, кроме как экономической эксплуатации побежденных победителями» [2, с.70].

Примерно в том же духе трактует появление государства К. Каутский. Он утверждал, что государство возникает как аппарат принуждения завоевателей над побеждёнными. Из победившего племени формируется господствующий класс, а из побеждённого племени — класс эксплуатируемых. Каутский стремился увязать свои взгляды с марксистским учением о классах. Но классы у него появляются не до возникновения государства (как считает марксизм), а после.

Менее известны, но также претендуют на теоретические основы некоторые современные персоналии со своими нестандартными взглядами на государство. Например, в собственной метафорической теории «*оседлого бандита*» М. Олсона государство, якобы создаётся бандитами, имеющими преимущества перед другими в организации насилия и поясняет. В условиях анархии существует конкуренция между кочующими бандитами, которые максимизируют изымаемые доходы у населения и монополизируют изъятия на контролируемой территории, а впоследствии возникают оседлые бандиты, которые, оптимизируя изымаемые у населения доходы, начинают создавать общественные блага, сберегать и инвестировать, что создаёт условия для создания государственного порядка, трансформируя бандитов в правителя-автократа.

Достаточно распространёнными сегодня являются различные *психологические* концепции происхождения государства. В основе данных концепций лежат представления о возникновении государства в связи со свойствами человеческой психики, потребностью индивида жить в коллективе, его стремлением к поиску авторитета, указаниями которого можно было бы руководствоваться в повседневной жизни, желанием повелевать и подчиняться. Государство согласно данным концепциям – это продукт разрешения психологических противоречий между инициативными (активными) личностями, способными к принятию ответственных решений, и пассивной массой, способной лишь к подражательным действиям, исполняющим данные решения. Это, прежде всего, взгляды Т.Д. Баштима, Н.М. Коркунова, Л.И. Петражицкого. Для Т.Д. Баштима вся история человечества, включая переход от первобытного состояния к государственному, являет приспособление как способ разрешения социальных противоречий. Для Н.М. Коркунова основой государства является субъективное представление самой личности о должном порядке общественных отношений, соответственно государство – это не чья-либо воля, а сила, вытекающая из психических представлений граждан об их зависимости от государства. В основе государства по

Л.И. Петражицкому лежат переживания, «фантазмы» психики в виде авторитетного давления в сторону определённого поведения гармоничного человеческого сообщества.

В разных вариациях существует и *материалистические* теории происхождения государства. Все они исходят из принципа, что государство есть результат изменения социально-экономических отношений, способа производства, возникновения классов и обострения борьбы между ними. С уничтожением классов отмирает и государство. Наиболее известными здесь предстают взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса, Г.В.Плеханова с позиций материалистического понимания истории. Государство, согласно их взглядам, является машиной для подавления угнетённого, эксплуатируемого класса. Развивает данный подход В.И. Ленин, акцентируя внимание на антагонизме классов и на классовой природе государства: «Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» [3, с.7].

*Либертарная* теория связана с именами российской философии государства в 1970-90-х гг. Ее развивают последователи В.С. Нерсисянца: В.А. Четвернин, В.В. Лапаева, Н.В. Варламова. Государство возникает и развиваются как выражение защиты свободы в виде правосудия индивидов в частных и публичных делах и отношениях.

В *патримониальной* теории К.Л. Галлера государство произошло от права собственника на землю (патримониум). Из права владения землёй власть автоматически распространяется и на проживающих на ней людей.

В *волюнтаристской* теории государства возникли как результат субъективной воли одного лица или организации. Волюнтаристские теории утверждают, что в какой-то момент своей истории определенные народы спонтанно, рационально и добровольно отказываются от своего индивидуального суверенитета и объединяются с другими общинами, чтобы сформировать более крупную политическую единицу, достойную быть названной государством. Например, государственность Монголии возникла благодаря воли Чингисхана, государство Израиль было образовано в 1948 г. на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по разделу Палестины от 29 ноября 1947 г. Одним из представителей данных взглядов является К. Виттфогель, утверждавшего, что развитие профессиональной специализации привело к политической интеграции,

которая объединила некоторое число до этого независимых общин в государство. В своей работе «Восточный деспотизм» он объясняет возникновение государства необходимостью строительства гигантских ирригационных сооружений в аграрных районах, поскольку именно государство было в состоянии вести такие трудоемкие и гигантские работы, как строительство оросительных систем.

Нестандартную теорию *абсолютного духа* как гаранта государства выдвинул в свое время философ Г. Гегель. Его убеждение состоит в том, что есть некий субъективный дух, который находится в каждом из людей и который со временем процветания образуется в объективный дух, который, в свою очередь, создаст абсолютный дух, который будет знаменовать государство: «Государство есть действительность нравственной идеи – нравственный дух как *очевидная*, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает»[4, с. 279].

Сегодня рассуждают и о *демографической* теории государства. Сущность ее состоит в том, что практически все общественные процессы, в том числе и образование государства, всегда обусловлены ростом населения, проживающего на определённой территории, которым нужно управлять.

Так называемая «*кризисная* теория» основной упор делает на попытку выхода из него на различных этапах исторического развития посредством государства.

Странной, на первый взгляд, выглядит идея появления государства у К. Леви-Стросса. Он разработал и обосновал постулат, согласно которому особенности производства человека (воспроизводство рода), а именно *запрет инцеста* (кровосмешения), явились исходным социальным фактом в выделении человека из мира природы, структуризации общества и возникновении государства.

Еще более нестандартной выглядит *спортивная* школа государства. Основоположником считается Х. Ортега-и-Гассет. Он связывал возникновение государства с появлением игр, физических упражнений, а также спорта в целом. Согласно этой концепции, поскольку физическое воспитание в первобытном обществе выполняло функции подготовки к трудовой деятельности, военному делу, решения противоречий между племенами, то со временем, в связи с необходимостью определять победителей в состязаниях, появляется родовая аристократия, которая

постепенно дистанцируется от рядовых членов племени, начиная выполнять функции, схожие с государственными.

Таким образом, подводя общие итоги сути философии государства, следует резюмировать, что на длительном историческом пути познания общественного развития строились самые разнообразные теории, базирующиеся на соответствующих ценностных концептах и понятиях, как-то: «род», «семья», «договор», «организм», «экономика», «дух», «психика», «свобода», «природа», «насилие», «земля», «население», «кризис», «игра» и пр. В перспективе вполне ожидаемы и иные точки зрения на философию государства, уж столь стремительно нарастают попытки исследовать роль государства в современном сложном цивилизационном мире.

#### **Список литературы**

1. Аристотель. Политика / Аристотель / Перев. С. А. Жебелева // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.4. / Перев. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

2. Оппенгеймер, Ф. Государство: переосмысление / Франц Оппенгеймер; пер. с англ. А. Стихина и С. Анкапова. — АМосква: Проект RUSTATE.ORG, 2020. — 255 с.

3. Ленин, В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 39.

4. Гегель, Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.- 524 с.

## УЧЕНИЕ О МОГУЩЕСТВЕ РАЗУМА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ Б. СПИНОЗЫ

**Лещинская Ирина Ивановна**

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии культуры  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** Статья посвящена учению Б. Спинозы о могуществе человеческого разума, в рамках которого его метафизика монизма, рационалистическая методология и этика выступили в их единстве и целостности. Раскрыта логика анализа Спинозой происхождения и природы аффектов. Выявлено, что данная проблема имела важное теоретическое и практическое значение. Рассмотрена неоднозначная оценка мыслителем роли аффектов в жизни человека и общества. Представлены основные стратегии критики негативного влияния страстей на различные формы активности людей. Показано, что для Спинозы адекватное познание страстей и разумное управление ими явились основанием безграничной веры в возможность достижения человеком свободы и нравственного совершенствования.

**Ключевые слова:** Б. Спиноза; аффекты; разум; познание; необходимость; свобода; интеллектуальная любовь к Богу; философ-мудрец.

## THE DOCTRINE OF THE POWER OF REASON IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF B. SPINOZA

**Liashchynskaya Iryna Ivanovna**

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy of Culture  
Belarusian State University

**Abstract.** The article is devoted to the teaching of B. Spinoza about the power of reason, within the framework of which his metaphysics of monism, rationalistic methodology and ethics appeared in their unity and integrity. The logic of Spinoza's analysis of the origin and nature of affects is revealed. It was revealed that this problem had important theoretical and practical significance. The thinker's ambiguous assessment of the role of affects in human life and society is considered. The main strategies for criticizing the negative influence of passions on various forms of human activity are presented. It is shown that for Spinoza, adequate knowledge of passions and rational management of them were the basis for boundless faith in the possibility of man achieving freedom and moral improvement.

**Keywords:** B. Spinoza; affects; reason; cognition; necessity; freedom; intellectual love of God; philosopher-sage.

Б. Спиноза является одним из наиболее ярких и глубоких европейских мыслителей. Неслучайно, что его личность, а также его многоликое и оригинальное творчество, продолжает привлекать внимание не только профессиональных философов, но всякого мало-мальски мыслящего человека. «Ведь давно известно, что имя Спинозы – даже для тех, кто знает о философии лишь понаслышке, – является как бы псевдонимом философии вообще, а Спиноза – подлинной персонификацией философии, Философом с большой буквы» [1, с. 643].

Идеи этого философа приобретают весьма актуальное звучание в современных реалиях. Будучи представителем новоевропейской рационалистической программы, Спиноза особое внимание уделяет человеку и его разумной способности. Разумность он тесно увязывает с добродетелью и приходит к понятию мудрости как высшей форме проявления данной способности. Именно недостаток данного качества сегодня обнаруживает те, от кого в значительной степени зависят судьбы народов и мира в целом. Как отмечают исследователи творчества этого философа, «... проповедь сильного разумом человека в этике Спинозы была поистине той проповедью аристократии духа, потребность в которой так настоятельно ощущается именно теперь в противовес крайностям нашего нивелирующего демократического строя. Мы видим, таким образом, что проблема этики спинозизма теснейшим образом связана с критической работой современности, направленной как на борьбу с призраками ложной научности, так и на выработку нового нравственного сознания [2, с. 382].

Спиноза, как и все новоевропейские мыслители, уверен в силе человеческого разума, а также в возможности и необходимости его усовершенствования, благодаря чему обретается могущество и подлинное блаженство. Неслучайно в своем трактате, посвященном данной проблеме, он провел аналогию между медициной и логикой. Медицина заботится о надлежащей работе органов тела, а логика, исследуя разум и заботясь о правильном использовании его способностей, может по праву считаться медициной духа. Более того, она представляется Спинозе полезнее первой, поскольку разум – это высшая и лучшая часть человеческой природы, следовательно, его усовершенствование есть высшее благо [3].

Наиболее системное рассмотрение данной проблемы представлено в его фундаментальном труде под названием «Этика» [4]. Заключительная часть данной работе «О могуществе разума или о человеческой свободе» представляет собой своего рода панегирик человеческому разуму. В этом

разделе трактата все составные части философской системы мыслителя в лице его пантеистической натурфилософии, рационалистической методологии и этики обретают единство и целостность. Концептуальным основанием этого стало учение об аффектах. В первых строках этой части «Этики» философ заявил: «Таким образом, я буду говорить в ней о могуществе разума (Ratio) и покажу, какова его сила над аффектами и затем – в чем состоит свобода или блаженство души» [4, т. 1, с. 588]

Могущество разума человека Спиноза представлял как власть разума в деле ограничения и обуздания аффектов посредством познания божественной субстанции-природы и человека как ее модуса. Философ убежден, что естественная «жизнь чувств» подчинена общим законам природы, поэтому аффекты имеют причины к своему существованию. Истинное познание этих причин позволит понять сущность страстей. Объявив себя «Эвклидом в философии», он заявил: «...я собираюсь исследовать человеческие пороки и глупости геометрическим путем и хочу ввести строгие доказательства в область таких вещей, которые они провозглашают противоразумными, пустыми, нелепыми и ужасными» [4, т. 1, с. 455].

В противоположность многим мыслителям, которые рассматривали человека в природе «как государство в государстве» и соответственно рассуждали об аффектах как о вещах, которые находятся вне природы и не подчиняются ее общим законам. Спиноза обосновывает аффект в качестве естественного объекта, требующего строго и системного исследования. «Под аффектом, – заявлял автор «Этики...», – я разумею состояния тела... которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию... и идеи этих состояний» [4, т. 1, с. 457]. Философ установил, что аффекты многочисленны и разнообразны. Он представил обширную феноменологию человеческих аффектов, в которой было реализовано единство описательной и объяснительной методологий. С их помощью, а также благодаря применению геометрического инструментария, мыслитель создал системное описание и научно обоснованную классификацию аффектов. Спиноза выделил три основных группы состояний души и тела: желание, удовольствие и неудовольствие. Многообразие остальных аффектов является производным от них. Причину этого разнообразия аффектов он объяснил различным характером объектов, их вызывающих, а также различным состоянием людей.

Философ раскрыл неразрывную связь аффектов с процессами мышления и его результатами. В соответствии с видами познания и его

результатами Спиноза выделил пассивное (аффекты-страсти) и активное (аффекты-действия) состояния человека, которые определяются характером идей, полученных в процессе познания. Смутные и неадекватные идеи, возникающие на основе чувственного познания, являются причинами пассивных аффектов, которые он именовал страстями. Аффекты-страсти способны заполнять собой сознание человека и властвовать над ним. Бессилие человека перед такими аффектами Спиноза назвал рабством, так как «...человек, подверженный аффектам, не владеет сам собой, но находится в руках фортуны...» [4, т. 1, с. 521]. В таком состоянии проявляется не могущество человека, а власть и могущество природы над ним.

Однако мыслитель убежден, что эта власть не абсолютна, так как она определяется «...соотношением могущества внешней причины с нашей собственной способностью человека» [4, т. 1, с. 521]. Как представитель рационализма, Спиноза в качестве таковой способности полагал способность к ясному и отчетливому познанию. В силу этого проблема свободы была проинтерпретирована философом как проблема превращения аффектов-страстей в аффекты-действия. Ее решение было поставлено мыслителем в прямую зависимость от результатов познавательной деятельности. Аффект-страсть, вытекающий из смутного и неадекватного познания, обрекает человека на пассивность и страдательность. Человек, ослепленный страстями, действует слепо и принужденно. Но «...если мы образуем ясную и отчетливую идею этого аффекта, – убежден философ, – то...аффект перестанет быть состоянием пассивным...» [4, т. 1, с. 592].

Аффект, вытекающий из адекватных идей, является выражением активного состояния человека, т. е. его свободы. Спиноза полагал чтобы быть подлинно свободным, человек должен познать не только порядок вещей, но и свои собственные аффекты. Посредством адекватного познания энергия аффектов может быть направлена на сам процесс познания, благодаря чему само познание становится наисильнейшим из аффектов. «Аффект, – писал философ, – не может быть ни укрощен, ни уничтожен иначе как противоположным и более сильным аффектом, чем аффект, подлежащий укрощению» [4, т. 1, с. 530]. Согласно Спинозе, в природе аффектов можно найти такой механизм, который способен привести к высшему благу — свободе человеческой воли. Он был убежден, что чем больше человек охвачен страстью к познанию, тем выше степень ясности и отчетливости познания человеком мирового порядка, и тем выше его степень свободы. «Итак, так как могущество души...определяется одной

только познавательной способностью, – заключал он, – то только в одном познании найдем мы средства против аффектов...и из этого познания мы выведем все, что относится к блаженству души» [4, т. 1, с. 594].

Разумно-интуитивное познание для философа выступает условием превращения аффектов-страстей в аффекты-действия, а следовательно, условием достижения свободы. Только тот человек, который знает истину и поступает соответствии с ней, является самоопределяющимся и, следовательно, с необходимостью свободным. «Разум – это принцип этического различия, – отмечал в связи с этим Ж. Делез, – между “теми, – кто живет по одному только руководству разума”, и теми, кто остается под диктатом чувства, между теми, кто освобождается, и теми, кто остается рабами» [5, с. 224].

Спиноза полагал, что этот путь познания труден и не всем по силам, так как «все прекрасное так же трудно, как редко», поэтому свобода доступна «людям разума». Интеллектуальная интуиция как высший вид познания, согласно Спинозе, возвышает человеческий ум, потому что благодаря ему человек устанавливает связь с Богом-субстанцией и приобщается к вечности. «Из этого рода познания возникает высшее, какое может быть, душевное удовлетворение...» [4, т. 1, с. 594]. Одержимость человека постижением божественной природы и ликование, которое испытывает в этом процессе душа, Спиноза называет «интеллектуальной любовью к Богу. «Интеллектуальная любовь к Богу» как страстное влечение к познанию нашла свое наиболее адекватное воплощение в образе философа-мудреца как подлинно свободного человека. Мудрец является мужественным человеком, так как наделен твердостью духа, а также образцом моральной добродетели, так как обладает великодушием.

Таким образом, по убеждению Спинозы, только активный разум способен овладеть страстями и направить их энергию на познание божественной природы. Именно поэтому разум им представлен как воплощение высшей ценности, а мудрец, одержимый «интеллектуальной любовью к Богу» и обретший благодаря этому свободу, как идеал, к которому следует стремиться человеку. Могущество человеческого разума, проявлением которого является добродетель и свобода, невозможно без признания и принятия необходимости. Последняя выступает как обязанность мыслить и как условие свободы, которая есть «познанная необходимость». Свобода человека предполагает его действия сообразно «порядку и связи вещей», их согласованность с мировой необходимостью.

Современный социум, оказавшийся «на краю бездны», без системной реализации принципа разумности и понимания свободы в неразрывной связи с необходимостью, обречен неудержимо скатываться в эту пропасть. Современное сообщество должно осознать, что без руководства разума и укрощения слепых страстей благополучное разрешение современного глобального кризиса не может быть достигнуто.

#### Список литературы

1. Ильенков, Э. В. К докладу о Спинозе// Бенедикт Спиноза: pro et contra / Вступ. статья, сост., коммент. А. Д. Майданского. — СПб.: РХГА, 2012.— С. 643—655.
2. Кечекьян С. Ф. Этическое мирозерцание Спинозы // Бенедикт Спиноза: pro et contra / Вступ. статья, сост., коммент. А. Д. Майданского. – СПб.: РХГА, 2012. – С. 378 – 398.
3. Спиноза, Б. Трактат об усовершенствовании разума/ Б. Спиноза // Избр. произвед.: в 2 т. М., 1957. – Т. 1. – С. 317 – 358.
4. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза // Избр. произвед.: в 2 т. М., 1957. – Т. 1. – С. 359 – 619.
5. Делез, Ж. Спиноза и проблема выражения / Ж.Делез М.: Институт гуманитарных исследований, - 2014. – 320 с.

## **ПЕРЕОЦЕНКА СТАТУСА ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ Ю. ХАБЕРМАСА**

**Личевский Глеб Андреевич**

Магистрант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна,

Доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры

Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В статье осуществляется анализ теории коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, выразившей собой проект радикального переосмысления идей Т. Адорно и М. Хоркхаймера при учете фундаментальной трансформации общественной среды во второй половине XX века. Исходя из актуальных тенденций общества «зрелого капитализма», коррелирующих с формированием гражданского сознания, Ю. Хабермас отмежевывается от критицизма в отношении проекта Просвещения, выступившего предтечей постиндустриального общества. Так, в соответствии со взглядами мыслителя, феномен пролиферации позитивного знания, истоки которого отражены в капиталистической модели хозяйствования, выступает гарантом свободного волеизъявления со стороны субъекта, что, как результат, позволяет говорить о становлении нового типа «просвещенной» рациональности - коммуникативной. Как итог, теория коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса правомерно может быть названа крайне значимой вехой в эволюции Западного марксизма.

**Ключевые слова:** Ю. Хабермас; Просвещение; Франкфуртская школа; дискурс; коммуникативная рациональность

## **REVALUATION OF THE STATUS OF ENLIGHTENMENT IN THE Y, HABERMAS' THEORY OF COMMUNICATIVE RATIONALITY**

**Lichevsky Gleb Andreevich**

master's student of the faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Sidorenko Irina Nikolaevna

Doctor in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the culture

Belarusian State University

**Abstract.** The article analyzes the theory of communicative rationality of Y. Habermas, who expressed a project of radical rethinking of the ideas of T. Adorno and M. Horkheimer, taking into account the fundamental transformation of the social environment in the second half of the twentieth century. Based on the current trends of the society of "mature capitalism", correlating with the formation of civic consciousness, Y. Habermas dissociates himself from criticism of the Enlightenment project, which was the forerunner of post-industrial society. Thus, in accordance with the views of the thinker, the phenomenon of proliferation of positive knowledge, the origins of which are reflected in the capitalist model of management, acts as a guarantor of free expression of will on the part of the subject, which, as a result, allows us to talk about the formation of a new type of "enlightened" rationality - communicative. As a result, Y. Habermas' theory of communicative rationality can legitimately be called an extremely significant milestone in the evolution of Western Marxism.

**Keywords:** Y. Habermas; Enlightenment; Frankfurt School; discourse; communicative rationality

Выразив собой проект радикального переосмысления концептуального наследия 1-го поколения Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), теория коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса отсылает к перспективе общественной солидаризации в реалиях общества «зрелого капитализма». Краеугольным камнем концепции немецкого мыслителя выступает имманентное субъекту стремление к соисканию компромисса на основании специфического социального действия, которое, впрочем, заведомо лишено антагонистической составляющей как результат синтеза политической и социальных сфер. Кроме того, мыслителем акцентуируется положительная оценка Просвещения, следствием которого выступил, с одной стороны, рост сознательности широких масс и их гуманизация, а с другой, становление исторически новых модусов коллективного взаимодействия. Как результат, концепция Ю. Хабермаса выявляет свою неоспоримую адекватность в современности, где на фоне эрозии морально-нравственных ориентиров кристаллизуются новые формы социальности.

Говоря о непосредственно о Ю. Хабермасае, следует отметить, что методологические основания его теории охватывают широкий спектр как социологических, так и философских идей, важнейшими из которых в рамках предложенной мыслителем парадигмы выступают морально-этические воззрения И. Канта, феноменология позднего Э. Гуссерля, политическая теория Х. Арндт и М. Вебера, и герменевтический проект Х.-Г. Гадамера.

Так, пролонгируя критический проект Франкфуртской школы, но вместе с тем отрешаясь от радикализма Т. Адорно и М. Хоркхаймера в оценке практических следствий Просвещения, Ю. Хабермас фундирует тезис о принципиальном паритете коммуникативной способности разума, коррелирующей с его функциональными параметрами. Однако, если провозвестник этической ориентации сознания в лице И. Канта не оставил значимого наследия в плоскости intersubjectивного взаимодействия, то Ю. Хабермас восполняет подобную лакуну с позиций феноменологии – в сущности, замыкающего звена трансцендентальной философии XX века.

В этом случае приоритетным признается довод о принципиальной обусловленности конкретного сознания «Я» жизненным миром, воплощающим собой отправной пункт сознательной активности как преданная семиотическая структура, «горизонт восприятия» [1, с. 188]. Определяя собой мировоззренческий горизонт субъекта, жизненный мир в равной степени позволяет субъекту «распознать» Другого, сущностные характеристики которого выражаются не только в доступном сознанию образе, но и в непосредственно физическом ощущении. Таким образом, фигура Другого, при учете интенциональной установки сознания, обретает статус первичного посредника на пути освоения внешней среды, что в полной мере позволяет реализовать имманентные субъекту постулаты категорического императива как консолидация политических интересов – коммуникативной рациональности.

Действительно, проблематичным представляется вообразить ситуацию, при которой означенный субъект возьмется действовать иначе, поскольку, с одной стороны, он оказывается всецело движим этико-нравственными мотивами, а с другой, сопутствуют ему столь же нравственные субъекты, заинтересованные во взаимопонимании. На этом фоне социально-политическая интеракция выявляет свой гуманистический характер, обнаруживаясь сопричастной не только властному дискурсу, но также прямому взаимодействию между людьми, зачастую вершащемуся в сфере обыденной жизни [с.308, 4].

Характерно, что в оценке перспектив солидаризации агентов капиталистического общества Ю. Хабермас, будучи представителем Франкфуртской школы, акцентуирует марксистский довод о необходимости практическим способом изменить внешний мир, нежели сфокусироваться на культуре индивидуальной самости и ее критическом мышлении, что позволяет говорить о становлении новой вехи в социально-критической теории. Впрочем, следует упомянуть, что аргументы Ю.

Хабермаса лишены критического импульса теории К. Маркса, так как базисная установка последней в виде проблематики отчуждения предстает иррелевантной применительно к реалиям общества второй половины XX века, где организованный пролетариат уступил место самостоятельным творческим субъектам, а классовые противоречия утратили какие-либо онтологические корреляты.

В этом контексте фактическая переоценка статуса Просвещения, предпринятая мыслителем, предстает в полной мере обусловленной изменившимися характеристиками индустриального общества: масштабной диверсификацией капиталистических отношений вкупе с ростом благосостояния отдельного субъекта, становлением институций массового образования и отходом от авторитарных моделей власти. Таким образом, предпосылки для концептуального переосмысления Ю. Хабермасом во многом кажущимися нежизнеспособными идей Т. Адорно обнаруживаются конгруэнтными социальному статус-кво второй половины XX века, в котором наследие Просвещения выступает фактическим гарантом достижения социального консенсуса ненасильственным путем.

Обращаясь к обоснованной мыслителем стратегии продуктивной кооперации индивидов, правомерным представляется заявить, что в данном случае само понятие социально-политического антагонизма наделяется исторически новым смыслом, принимаясь выражать не столько типизированную модель революционной активности в духе К. Маркса, но скорее противостояние аргументативного характера в плоскости речевого дискурса.

Важнейшим условием в построении подобного дискурса выступает отказ со стороны субъекта от утилитарных намерений, связанных с потенциальной экстраполяцией социального насилия, а также его заинтересованность в компромиссе. При этом существующие в обществе структуры власти, будь то определенный политический режим или спонтанно-идеологические регламентации, предстают конструктивным элементом в панораме социального действия, так как именно они выступают предпосылкой для политического волеизъявления со стороны прогрессивных общественных групп. Тем не менее, условием полной реализации коммуникативной рациональности, по Ю. Хабермасу, выступает конечный отход от государственной структуры в пользу свободных гражданских ассоциаций

Как следствие, общества индустриального и постиндустриального типа в оптике Ю. Хабермаса лишаются марксистского негативизма,

характеризуемого абсолютизацией имущественного неравенства и, соответственно, его деструктивных эпифеноменов в призме субъектных характеристик, вместо этого предлагая реалистичный способ к конкуренции переменных точек зрения. Несмотря на то, что наследие немецкого мыслителя до сих пор подвергается критике как со стороны теоретиков демократии, включая в том числе постмарксистских авторов, так и современных представителей консервативных течений, представляется неоспоримыми, что идеи Ю. Хабермаса представили собой крайне значимый аспект в анализе европейского общества конца XX – начала XXI вв.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что Ю. Хабермас отрешается от негативизма 1-го поколения Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), помещая в основание социальной диспозиции стремление к достижению понимания между действующими агентами. Так, исходя из внеэлиминируемого атрибута индивидуального сознания, выражающегося в интересубъективности, проблематичным представляется говорить о существовании объективных противоречий на пути обретения социального консенсуса. Наоборот, любая дискурсивная ситуация, в которой рациональный субъект «обнаруживает» Другого, имплицитно содержит в себе перспективу взаимопонимания. Таким образом, идеология Просвещения предстает вспомогательным ресурсом в ракурсе самоидентификации субъекта и осознании им собственных интересов как предпосылка для кристаллизации рационального «Я», а с ним – погружения в «жизненный мир» субъект-субъектной матрицы социума.

Фундаментальным условием рационального взаимодействия, по Ю. Хабермасу, выступает коммуникация, коррелирующая с определенными нормативными идеалами: отказа со стороны участников от утилитарных намерений (категорический императив И. Канта), заинтересованности в продуктивном разрешении таковой коммуникации и транспарентности целевых мотивировок каждого из участников дискурса. При этом бюрократические структуры общества, налагающие определенные ограничения на свободу самовыражения, должны быть или модифицированы, или сняты как результат формирования свободных ассоциаций, что и представляет собой гарант социальной справедливости.

В результате модель коммуникативной рациональности проливает свет на бесконфликтное достижение компромисса в обществе современного типа. Выявляя в основании социума категорию имманентного политического неравенства, которое может быть разрешено посредством диалога с Другим,

немецкий мыслитель обосновывает проект ненасильственной демократизации обществ XX и XXI века, что позволяет говорить о несравненной эвристичности теории коммуникативной рациональности.

#### Список литературы

1. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук / Э. Гуссерль. – М.: 200, - 396 с.
2. Фурс, В. Н. Контуры современной критической теории / В. Н. Фурс. – Мн., ЕГУ, 2002. – 164 с.
3. Фурс, В. Н. Философия незавершенного модерна Ю. Хабермаса / В. Н. Фурс. – Мн.,: ЕГУ, 2002. – 222 с.
4. Хабермас, Ю. Философский дискурс о Модерне [Электронный ресурс]. – Режим доступа [uanko.lib.ru](http://uanko.lib.ru). – Дата доступа: 29.10.23

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА

**Лукьянович Надежда Михайловна,**

аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** В публикации автор раскрывает методологический принцип историко-философских исследований Жюлья Делёза, в котором прочтение истории философии правомерно сравнить с театральным представлением. Для обоснования такого подхода к истории философии автор раскрывает содержание разработанного Ж. Делёзом метода, который он обозначил как трансцендентальный эмпиризм, суть которого состоит в выявлении фактологии пересечения смыслов в сюжетной игре философских идей.

**Ключевые слова:** история философии; трансцендентальный эмпиризм; театральность.

## METHODOLOGICAL PRINCIPLE OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL RESEARCH ON GILLES DELEUZE

**Lukyanovich Nadezhda M.**

postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and  
social science,  
Belarusian State University

**Abstract:** In the publication, the author reveals the methodological principle of the historical and philosophical research of Gilles Deleuze, which considers that reading the history of philosophy can rightfully be compared to a theatrical performance. To substantiate this approach to the history of philosophy, the author reveals the content of the method developed by J. Deleuze, which he designated as transcendental empiricism, the essence of which is to identify the factual intersection of meanings in the plot game of philosophical ideas.

**Key words:** history of philosophy; transcendental empiricism; theatricality.

На первый взгляд отношения Ж. Делёза с историей философии кажутся парадоксальными. С одной стороны, он посвятил значительную часть своей академической работы исследованиям по истории философии, а с другой стороны, он часто подвергал сомнению удушающий эффект, порождаемый жесткой систематизацией истории развития философских

идей, что для самой философии подчас оборачивается одержимостью собственным прошлым. Попытку Ж. Делёза примирить эти разные точки зрения обнаруживаем в его методологических размышлениях о практике истории философии.

Выбор Ж. Делёзом предметов для своих исторических исследований отражает его оценку роли истории философии во французской академии того времени. В беседе с Клэр Парне, опубликованной в 1977 году под названием «Диалоги», он написал: «В «Освобождении» мы все еще странным образом застряли в истории философии. Мы просто погрузились в Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера; мы бросились, как щенки, в схоластику хуже средневековой» [1, р. 12]. Согласно мысли Ж. Делёза, в системе академического образования вместо акцентуации поощрения студентов/слушателя мыслить оригинально, в философском образовании доминировала сосредоточенность на овладении идеями канонических философов прошлого и настоящего как завершенных данностей: «История философии всегда была агентом власти в философии и даже в мысли. Она сыграл роль репрессора: как можно мыслить, не прочитав Платона, Декарта, Канта, Хайдеггера и книгу такого-то о них? Образ мысли, называемый философией, сложился исторически и фактически мешает людям думать» [1, р. 13].

Несмотря на эти опасения, Ж. Делёз не отвергал полностью историю философии. Его главное возражение было направлено не на саму практику чтения текстов из прошлого философии, а скорее, его критике подверглись философы, которые имели склонность доминировать в «официальной» истории философии, которой его учили: Платон, Р. Декарт, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, М. Хайдеггер. В поисках выхода из этой «официальной» философии Ж. Делёз обратился к деятелям истории философии, которые предлагали альтернативу: «Мне нравились писатели, которые казались частью истории философии, но кто избежал ее в одном отношении или вообще: Лукреций, Спиноза, Юм, Ницше, Бергсон» [1, р. 14-15].

Читая произведения Ж. Делёза, можно увидеть, что его мысль развертывается внутри исследования мыслей других. Широка и глубина вовлеченности, составляющие этот метод, остаются предметом серьезного исследования. Другими словами, метод Ж. Делёза – это прежде всего метод чтения. Несмотря на то, что его практика чтения редко упоминается в какой-либо прямой форме, она представляет собой внимательную раскопку, «тщательное просеивание концептуального верхнего слоя почвы в поисках скрытых или даже зарождающихся элементов под ним» [2, р. 4]. Полагаем

правомерным считать, что его стиль чтения так же важен для современной философии и ее будущего. Стратегия Ж. Делёза больше направлена на концептуальную и функциональную дифференциацию, исследование горизонтов Идеи (в кантианском смысле) и выявление механических и оперативных черт философии, которой он занимался. Создается впечатление, что Ж. Делез дразнит текст таким образом, что мыслители, с которыми он взаимодействует, выражают смыслы, которые, возможно, они никогда не подразумевали, но которые, тем не менее, прочерчивают или пересекают их мысли. Однако целесообразно подчеркнуть, что, реализуя такую методологию, Ж. Делёз никогда не вкладывает свои слова в уста других, он просто выявляет и синтезирует нити скрытого смысла, бессознательные различия, которые сами мыслители не могли или не хотели бы различать в своих собственных рассуждениях.

При прочтении чужих работ в довольно традиционной философской манере Ж. Делёз обнаруживает имплицитный их структурный уровень, который затем приводится в резонансный и драматический контакт с его собственными рассуждениями. В этом смысле подходу Ж. Делёза в целом действительно присуща неявная структура, но системного единства результата как такового нет, зато ему удастся показать живое биение философской мысли. Таким образом, его работы, выстроенные посредством его авторской методологической установки, обладают как внутренней последовательностью и преемственностью, так и носят дифференцированный характер.

Образ прочтения Ж. Делёзом истории философии правомерно сравнить с театральным представлением, героями которого выступают философские идеи, а сюжетная линия – это точки схождения и расхождения смыслов. Действительно, Ж. Делёз предполагает, что чтение философского текста похоже на чтение сценария к пьесе. Сценарий вполне может содержать диалоги и ремарки, но каждое исполнение спектакля будет уникальной интерпретацией, обязательно предполагающей творческий вклад актеров и режиссера. В «Различии и повторении» Ж. Делёз отмечал, что С. Кьеркегор и Ф. Ницше понимали эту мысль схожим образом и, поэтому они были первыми, кто «вводит в философию новые средства выражения» [3, с. 21], поняв и осуществив собственное философствование как театр Идеи. В частности, они пытались писать философию как театр, прекрасно осознавая, что каждая встреча с их текстами будет эквивалентна театральному спектаклю, более того, участием в их театральном перформансе. Это очевидно, полагает Ж. Делёз, в работе «Так говорил

Заратустра» Ф. Ницше с его персонажами и описаниями пейзажей: «Заратустра целиком задуман для философии, но также и для сцены. Здесь все озвучено, визуализировано, приведено в движение, превращено в шаг и в танец. Как можно его читать, не ища точное звучание крика сверхчеловека, как читать пролог, не представив себе канатного плясуна, открывающего всю историю?» [3, с. 22–23].

Обосновать прочтение истории философии как театрального представления помогает разработанный Ж. Делёзом метод, который он обозначил как трансцендентальный эмпиризм. Этот метод постулирует Идею как вопрос или проблему, определяемую чувственным трансцендентным упражнением мысли: «трансцендентальный элемент, который по существу принадлежит существам, вещам и событиям. Это театральное открытие Идеи и открытие трансцендентного проявления чувственности» (стр. 195). По мнению Ж. Делёза, театральность открывает возможность «философии будущего»: «Кьеркегор и Ницше изобретают невероятный эквивалент театра внутри философии, тем самым основывая одновременно этот театр будущего и новую философию» [3, с. 22]. Театральность как методологическая основа теории Ж. Делёза внушает новую мысль о Бытии, освобождая философию от ее антропологической ориентации. Театральность Ж. Делёза действует как саморефлективное и чрезмерное происхождение мысли через понятие онтологического повторения: «Когда мы говорим... что движение — это повторение и что это наш истинный театр... Мы имеем в виду театральное пространство, пустоту этого пространства... мы думаем о том, как повторение переплетается из одной отличительной точки в другую, включая различия внутри себя» [3, с. 22].

Несмотря на частое обращение к понятию театральности, послевоенные философы не приступили к тщательному анализу связи между теоретическим опосредованием и театральной репрезентативностью. Роль последней в философии Ж. Делёза невозможно определить посредством стратегического использования театра как метафоры на службе теории, это не метафора, а апробированный Ж. Делёзом метод. Как указывает Ж. Делёз, театральная философия «приводит метафизику в движение, в действие, больше не размышляет о театре и не создает философский театр» [3, с. 21–22]. Также связь между театральностью и историей философии обнаруживаем в его статье «Метод драматизации» [4], представленной Французскому обществу философии в 1967 году, в которой Ж. Делёз описывает Идею как драматические «динамизмы»: «Я постараюсь

определить драматизацию более строго: это динамизмы, динамические пространственно-временные детерминации» [4, р. 98]. Понятия пространственности и временности играют здесь главную роль в постижении драматической истины Идей: «Все меняется, когда динамизмы постулируются уже не как схемы понятий, а как драмы Идей» [3, с. 265].

Вот почему, несмотря на то что сам Ж. Делёз был «более или менее истерзан историей философии» [5, с. 16], то, что мы раскрываем в его работах, благодаря разработанному им методу прочтения, предстает как что-то очень похожее на историю философии, однако, изложенную в новом, а иногда даже парадоксальном виде. Вместе с тем, считаем правомерным утверждать, что предложенная французским мыслителем методология подобна практике заботы о порождении и развитии смысла, что выражается во внимании к деталям и вплетении их в определенный контекст, который всякий раз порождается заново в момент театральной репрезентации Идей.

#### Список литературы

1. Deleuze, G., *Dialogues II* / G. Deleuze, C. Parnet. – New York : Columbia University Press, 2007. – 176 p.
2. *Deleuze's Philosophical Lineage* / ed.: G. Jones, J. Roffe. – Edinburg : Edinburgh University Press, 2009. – 426 p.
3. Делёз, Ж. *Различие и повторение* / Ж. Делёз. – СПб : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
4. Deleuze, G., *Desert Islands and Other Texts (1953-1974)* / G. Deleuze. – Los Angeles : Semiotext(e), 2004. – 323 p.
5. Делёз, Ж. *Переговоры* / Ж. Делёз. – СПб : Наука, 2004. – 235 с.

## **РЕАБИЛИТАЦИЯ ПРЕДРАССУДКОВ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ Х. - Г. ГАДАМЕРА**

**Лунская Маргарита Олеговна,**

студентка факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии культуры

**Аннотация.** Статья посвящена экспликации сущности предрассудков и обоснованию значимости их реабилитации в рамках герменевтического учения Х.-Г. Гадамера. В работе отражены такие причины дискредитации предрассудков новоевропейским рационализмом как вера в прогресс, а также противопоставление разума и предрассудка. В своем герменевтическом учении Х.-Г. Гадамер выявил несостоятельность такого противопоставления, доказывая факт разумной обоснованности предрассудков. Стремление к их элиминированию было обосновано в качестве ложного предрассудка предшествующей философской мысли. Разделение предрассудков на ложные (поспешности) и истинные (авторитета) позволило Х.-Г. Гадамеру раскрыть познавательную функцию последних. Опора на суждения авторитета отражена как возможность субъекта расширить границы своего познавательного горизонта и в последствии произвести собственное знание.

**Ключевые слова:** предрассудки; рационализм; метод; герменевтика; традиция; предпонимание; авторитет.

## **REHABILITATION OF PREJUDICES IN HERMENEUTICS OF H.-G. HADAMER**

**Lunskaya Margarita Olegovna,**

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Sidorenko Irina Nikolaevna

Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy of Culture

**Abstract.** The article is devoted to explicating the essence of prejudices and substantiating the significance of their rehabilitation within the framework of the hermeneutic teaching of H.-G. Hadamer. The work reflects such reasons for the discrediting of prejudices by new European rationalism as faith in progress, as well as the opposition of reason and prejudice. In his hermeneutic teaching, H.-G. Hadamer revealed the inconsistency of such

opposition, proving the fact of the reasonable validity of prejudices. The desire to eliminate them was justified as a false prejudice of previous philosophical thought. The division of prejudices into false (haste) and true (authority) allowed H.-G. Hadamer to reveal the cognitive function of the latter. Reliance on the judgments of authority is reflected as the subject's ability to expand the boundaries of his cognitive horizon and subsequently produce his own knowledge.

**Keywords:** prejudices; rationalism; method; hermeneutics; tradition; pre-understanding; authority.

Всякий субъект интуитивно схватывает понятийное значение предрассудка, зачастую подводя его под категорию иррационального. Он даже и не догадывается, что такое понимание само по себе уже есть предрассудок! Субъект не является его автором, он следует той идее, которая была выработана задолго до него в рамках определенного дискурса. Прибегнув к герменевтическому учению Ханса-Георга Гадамера, мы постараемся доказать необоснованность такого понимания предрассудков. Для реабилитации предрассудков нам потребуется проследить причины предрассудочного отношения к ним и выявить в чем состоит их продуктивная функция.

В понятии предрассудка заключено его семантическое значение – это такое суждение, которое не обосновано разумом. Учение, для которого главным критерием истинности знания выступает наличие проверки разумом, и есть искомый нами исток репрессивной дискредитации предрассудков. Конечно, такая установка была характерна еще для Сократа, который использовал собственный метод в борьбе с предрассудками. Однако в данной статье мы обратимся к новоевропейскому (в т. ч. просвещенческому) рационализму, потому как данное учение не только открывает субъекту его предрассудки, но и обосновывает их пагубное влияние на общество в целом.

Важнейшей идеей и достижением рационализма является утверждение разума в качестве самодостаточного средства, способного при верном использовании отделять истинное знание от ложного [1]. Не прошедшее верификацию разумом знание признается ложным и экстрагируется за его пределы. Именно таким способом функционируют методы Ф. Бэкона и Р. Декарта. Следует сделать довольно важное пояснение: на первый взгляд противоречащие друг другу рационалистическая и эмпирическая установка подчинены общей цели. То, что в эмпиризме опыт гносеологически первичен по отношению к разуму

вовсе не меняет того, что главная забота эмпириков также состоит в усовершенствовании разума посредством его освобождения от предрассудков. Разум не элиминируется в виду ненадобности, а опыт не действует отдельно от него, но служит для эмпириков тем средством, которое направлено на очищение разума, также, как и для рационалистов подобным инструментом является интеллектуальная интуиция.

Раскрытие истоков отрицательного взгляда на предрассудки в философии Нового времени станет возможным только в результате разбора ключевых установок данного дискурса. Убежденность в том, что человеческий разум способен создать новое государство, основанное на рациональных началах, просвещенное общество, а, значит, и «идеальный мир», позволила сделать одним из ключевых пунктов новоевропейской философии понятие прогресса. Разум как главный познавательный инструмент человека, чьи возможности безграничны, в конвергенции с ограничивающим и очищающим его от всего вредного методом, казалось, способен привести человеческую жизнь к совершенству. Вспомним, например, работу маркиза де Кондорсе [2], в которой выказана характерная для всей эпохи Просвещения убежденность в бесконечном прогрессе разума и, соответственно, возможности построения идеального мира на его началах. Предрассудки в свою очередь укоренены в прошлом, поэтому отсылают человека к уже выработанным традициям, правилам, нормам и т.д. С точки зрения новоевропейского мышления они тянули человеческий разум назад в прошлое, не позволяя ему преобразовать мир. Поэтому новоевропейские мыслители стремились освободить разум от кандалов сковывающих его предрассудков.

Обратимся к наиболее репрезентирующему новоевропейский взгляд на предрассудки учению, автором которого является Ф. Бэкон. В процессе критики предшествующей философской мысли и исследования человеческого разума Ф. Бэкон обнаруживает «идолы» (предрассудки), сложность избавления от которых кроется не только в человеческой глупости, но и в догматичности предшествующей мысли. К основным причинам возникновения предрассудков Ф. Бэкон относит несовершенство человеческой природы, а также ориентацию человека на авторитеты, поэтому выделяемые им идолы можно разделить по происхождению на две группы – индивидуальные и коллективные. К первой группе относятся «идолы рода», обусловленные естественным несовершенством человека и «идолы пещеры», связанные с односторонностью перцептивного опыта субъекта. Коллективные идолы

включают в себя «идолы рынка», отражающие несовершенство языка и «идолы театра», хранящие в себе авторитеты [3, с. 18]. Ф. Бэкон убежден, что только полное избавление от них приведет к совершенствованию человека. Однако возможно ли полностью отказаться от предрассудков и действительно ли общество в этом отказе нуждается?

Реабилитация предрассудков осуществлялась Х.-Г. Гадамером в рамках экспликации значимости исторического предания в процессе понимания. Новоевропейский дискурс стремился отмежеваться от исторического предания, полагая, что оно аккумулировало в себя все предрассудки прошлого. Приступая к изучению любого типа исторического предания, например, текста, мы уже имеем некий его набросок (структура предпонимания), который побуждает нас ожидать наличия в нем определенного содержания. В процессе знакомства с текстом набросок совершенствуется, «обрастает» новыми смыслами. Предпонимание всегда предзадается границами нашей фактичности, которая является инаковой по отношению к иной фактичности, продуктом которой явилось предание. Задача интерпретатора состоит в осмыслении этой инаковости и противопоставлении предпонимания понятию в тексте. Соответственно, в процессе герменевтики наше предпонимание является ничем иным как предрассудком, который оказывает как полезное значение, облегчающее понимание, так и может ему препятствовать.

Важным пунктом критики предрассудков новоевропейским рационализмом было противопоставление традиции, как одной из форм предрассудков, и разума. Х.-Г. Гадамер стремится показать его несостоятельность путем экспликации изначальной включенности субъекта в традицию (семью, общество и другие социальные конструкты), которая всегда предшествует зарождению его индивидуальности, его «Я». Поэтому отказаться от столь значимого предрассудка как традиция не сумел еще никто. Ни одна революция, будь то революция политическая или революция интеллектуальная не способна уничтожить традицию. В процессе революции происходит приращение новации к традиции и спустя время последняя также становится традицией, которой будет суждено поглотить последующую новацию. Помимо этого, ставшие частью традиции нормы морали рационалисты также не подвергали критике, но лишь наслаивали свои учения поверх аристотелевского фундамента. Все вышесказанное свидетельствует о том, что предрассудки имеют под собой рациональные основания – традиция не противоречит разуму. Отказ от предрассудка означает отказ от истории, который сам по себе невозможен, поэтому,

заключает Х.-Г. Гадамер: «Не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории» [4, с. 304].

Предрассудочные суждения аналогично рассудочным могут быть как ложными, так и истинными. К первым Х.-Г. Гадамер относит предрассудки поспешности, а ко вторым – предрассудки авторитета. В первом случае мы сталкиваемся с необдуманнми суждениями, во втором – с заимствованием чужих суждений. Предрассудки поспешности легко устранимы приложением к ним разума, предрассудки же авторитета якобы имплицированы полным отказом от пользования разумом, с чем в корне не согласен немецкий философ. Обращение к авторитету, конечно, может избавить сознание от собственных суждений, однако данный случай не есть правило. Если для субъекта кто-либо является авторитетом, то это обусловлено признанием им того, что его разум и суждения уступают суждениям авторитетной личности: никто не приобретает авторитета просто так, его нужно завоевывать и добиваться [4, с. 306]. Это подтверждается тем фактом, что далеко не всякий руководитель обладает авторитетом, но только тот, которого подчиненные сами признают авторитетным на основании высокой степени его адаптивности к ситуациям, являющейся следствием зрелости его суждений.

В процессе познания границ собственного горизонта субъект обнаруживает, что за их пределами существует также неисчислимый горизонт непознанного. В его власти либо остаться в этих рамках, либо стремиться приобрести новое знание. Реализация второго варианта возможна лишь в случае опоры на авторитет и суть ее состоит не в замещении знания, но в познавательной открытости. Познав собственный горизонт и найдя его ограниченным субъект признает превосходство горизонта авторитетной личности. Вместо того, чтобы игнорировать «недоступное», он осознанно перенимает суждения авторитета, меняя отрицательное на положительное – незнание на знание предрассудочное. Подчеркнем, что предрассудочное знание уже есть знание и приобретается оно не иррационально, но посредством осмысленного предпочтения знания его отсутствию. Например, если субъект не имеет политической позиции в виду ограниченности своих политических познаний, принятие суждений более сведущего в политике субъекта и, соответственно, более авторитетного, позволит ему в дальнейшем выработать собственное знание в данной сфере. На основе предрассудочного знания субъект продуцирует собственное знание, расширяя границу познанного и сужая границу непознанного.

Таким образом, Х.-Г. Гадамер отразил несостоятельность дискредитации предрассудков, предпринятой новоевропейской философской мыслью. Предложенная им в рамках герменевтики программа реабилитации предрассудков показала основополагающее значение предрассудков в расширении горизонта мышления субъекта. Посредством открытия продуктивной роли предрассудков он избавил философскую мысль от одного из наиболее ложных и глубоко укорененных в ней предрассудков, благодаря чему его учение оказало решающий вклад в дальнейшее развитие философской герменевтики.

### Список литературы

1. Декарт, Р. Сочинения в двух томах. / Р. Декарт ; под ред. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
2. Кондорсэ, Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. Кондорсе / М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – 267 с.
3. Бэкон, Ф. Сочинения в двух томах / Ф. Бэкон ; под общ. ред. А. Л. Субботнина. – 2-е изд., испр. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 576 с.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер ; под общ. ред. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 637 с.

## ДУХ МАШИН ИДЕНТИФИКАЦИИ

**Майборода Дмитрий Владимирович,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук  
Минского государственного лингвистического университета

**Аннотация.** Рассматриваются концепты «машины идентичности» и «машины идентификации» как описывающие программирование человеческого самосознания в ситуации конца XX – начала XXI вв. Автор раскрывает связь этих концептов с понятием «машины желания» Ж. Делёза и Ф. Гваттари, а также «Системой-1» и «Системой-2» в поведенческой экономике. Предлагаются основания, по которым в современном анализе концепт «машин идентификации» является более приемлемым, чем «машины идентичности». Для того, чтобы описать основания работы «машин идентификации» в статье используется понятие «дух» как в данном случае более инструментальное, чем заменившее его в истории гуманитаристики понятие «культура». Автор предлагает поиск гуманистической альтернативы механизации самосознания в диалогизме.

**Ключевые слова:** машины идентификации; машины идентичности; самосознание; самоидентификация; диалогизм; Другой; постмодернизм; постструктурализм; дух; культура.

## SPIRIT OF IDENTIFICATION MACHINES

**Maiboroda Dmitrij V.,**

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of History and Social  
Sciences, Minsk State Linguistic University

**Abstract.** The main topic of the article is consideration of concepts “identity machine” and “identification machine” as describing the programming of human self-awareness in the situation of the late 20th – early 21st centuries. The author reveals the connection of these concepts with the concept of the “desire machine” by Gilles Deleuze and Felix Guattari, as well as “System-1” and “System-2” in behavioral economics. The author proposes the reasons why the concept of “identification machines” is more acceptable in modern analysis than “identity machine”. In order to describe the basis of the work of “identification machines,” the article uses the concept of “spirit” as, in this case, more instrumental than the concept of “culture” that replaced it in the history of humanities. The author proposes a search for a humanistic alternative to the mechanization of self-awareness in dialogism.

**Keywords:** Identification machines; identity machines; self-awareness; self-identification; dialogism; Other; postmodernism; poststructuralism; spirit; culture.

Концепт «машины идентичности» разрабатывался мной в конце XX в. как альтернатива распространенному образу человека, свободно создающего себя на основе самосознания и сотворчества с ближними. Этот прекрасный гуманистический образ резко контрастировал с тем, что происходило в реальности, – с тем, что люди в своей жизни постоянно исполняли какие-то программы, чуждые настоящему самоопределению и творчеству. Ядро этих программ и есть машины идентичности – системы алгоритмов идентификации человеком себя, изымавшие даже возможность отказа от выполнения программ.

Конечно, это была только метафора. У машин идентичности нет механических частей, они вообще – не часть объективного мира. Больше оснований заявить, как это делал Ж. Де Ламетри, сам человек – машина, одной из функций которой является самоидентификация. Именно метафоричность этого концепта препятствовала его легитимации.

Не следует считать, что это – совершенно оригинальная идея. Социально-критическая и постструктуралистская традиции, тесно переплетавшиеся в белорусской философии конца XX века, создавали удачный фон для нее. В этой идее легко увидеть продолжение марксистской критики самоотчуждения человека в культуриндустрии современного общества. И она явно связана с постмодернистским представлением о смерти субъекта и отвержением идеологии гуманизма. Разработанный классиками постструктурализма Ж. Делёзом и Ф. Гваттари концепт «машин желания» вообще предстает как родовой для этой идеи.

Во-первых, машины идентичности могут быть действительно описаны как устройства производства желания и преобразования его в удовольствие. Это может вызвать возражения, потому что нередко идентификация переживается человеком как травма. Однако следует учесть, что машины желания – социальные (или культурные) машины, которые не созданы для удовольствия отдельного человека. Еще в более глубоком смысле, когда такая машина порождает травму, она одновременно производит и некоторое желание, в частности, освободиться от этой травмы или даже от эффектов действия этой машины вообще. Нужно учитывать, что энергия работы такой машины вполне может проистекать из действий человека, направленных на то, чтобы из неё вырваться, её остановить или её разрушить.

Во-вторых, машины идентичности, как и вообще машины желания, абстрактны и семиотичны, а не конкретны и объективны. Потому их анализ

(деконструкция) носит характер культурной критики, а не социально-экономического преобразования. Революция в материальной жизни вне предшествующего преобразования культуры рано или поздно выльются в деградацию к более примитивному состоянию системы.

В-третьих, машины идентичности свойственны эпохе развитого капитализма. О чем-то подобном машинам желания можно говорить в отношении предшествующих эпох, но это никогда не будет в полной мере машиной, но, скорее, некоторым организмом (преобладающая в определенную эпоху метафора никогда не является случайной и выражает в том числе и культурную форму эпохи).

Несмотря на то, что идея машин идентичности (или “машин самоидентификации” – понятие, в котором акцентировалось использование их именно как эрзац-самосознания) вполне отвечала интеллектуальным тенденциям того периода времени, развить её в удовлетворяющем редакции журналов виде мне так и не удалось, а затем я практически полностью переключил своё внимание на поиск той альтернативы механизации самосознания, которая бы не была бы в то же время впадением в примитивный волюнтаризм. Такую альтернативу я обнаруживал в диалогизме, – традиции, утверждающей, что подлинное самосозидание возможно лишь во взаимодействии с Другим.

Подобно традиции Ж. Лакана большая буква в слове «Другой» в диалогической философии – аналог определенного артикля, то есть имеется в виду не какой-то другой, но тот самый, настоящий, уникальный, сущностный или даже абсолютный Другой. Но в отличие от лакановской концепции Другой в диалогизме – не пустой агрегат системы идентичности (что иное, как не форму преобладающего типа машин идентичности изображает Ж. Лакан в своей известной «схеме L»?). В диалогизме Другой всегда конкретен, а в религиозном диалогизме практика написания Другого с большой буквы обретает и еще одно подкрепление, поскольку истинно уникальным, сущностным и абсолютным может выступать лишь Бог (в отличие от «какого-то бога»). Ясно, что сторонники Ж. Лакана крайне просто могут доказать, что вместо нахождения какой-то альтернативы машинам идентичности я тем самым оказался заложником простейшего их типа.

Некоторое время назад я вновь вернулся к идее машин идентичности. Однако с несколькими уточнениями. Во-первых, мне показалось, что важно акцентировать внимание на процессуальности, а не на статичности, а следовательно, лучше говорить о «машинах идентификации», а не о

«машинах идентичности». Во-вторых, и это – гораздо важнее – эти машины перестали представлять лишь метафоричными и неконкретными абстракциями. Например, сегодня есть компьютерные программы, которые позволяют точно идентифицировать человека по видео и фотоматериалам даже в случае, если на его лицо нанесен рисунок или часть лица скрыта. Еще более важно, что мы пользуемся машинами идентификации попросту ежедневно, как только входим в ту или иную электронную социальную сеть. И кажется, что, осознаем ли мы это или нет, имеет довольно мало значения для функционирования этих машин идентификации.

С одной стороны, в эпоху больших данных такие машины «знают» нас лучше, чем мы сами знаем себя. Конечно, если считать, что знание – это прежде всего освоенная человеком информация, то в этом смысле машины идентификации ничего не знают. Но если знание – верное прогнозирование исходов для некоторой системы, то в этом смысле машины превосходят нас даже в отношении нашего собственного поведения. Отчасти это происходит потому, что люди не адекватны в самосознании. Меркантильные люди нередко укоряют себя за излишнюю расточительность. Психопат вполне может считать, что достаточно сопереживает другим людям. Еще более важно, что человек, принимая решение, часто игнорирует некоторую информацию, чего машина никогда не допускает. Это, в частности, касается сведений о предшествующих фактах принятия решений, которые могут значить больше, чем данные о содержании данного факта. Скажем, долго выбирая между тем, чтобы оставить всё как есть и изменить что-то, я нередко игнорирую то, что сама длительность выбора может склонять меня к первому исходу. Ясно, что машина учитывает это лишь в той мере, в какой она запрограммирована это делать. Однако современные машины программируются именно с учётом множества тех факторов, которые могут оказать значимое воздействие на поведение человека.

Разницу в предсказании поведения человека между самосознанием и машинами идентификации можно сравнить с разницей прогноза погоды между мнением человека, основанном на интуиции, некоторых приметах и самочувствии, и компьютерным расчетом статистических вероятностей. Если продолжать эту аналогию с учетом поведенческой экономики и философии, то она имеет прямую аналогию с работой так называемых Систем 1 и 2, или с разницей рассудка и разума. Компьютерная программа, Система 2 или разум иногда дают менее точный прогноз, чем простая

интуиция, но чем более данных они учитывают, основываясь на корректных интегралах их упрощения, тем более они выигрывают у интуиции в целом.

Ясно, что всерьез сравнивать интуитивно-практические системы принятия решений с математическими некорректно, потому что в первых интегрировано размышление и желание, тогда как вторые представляют собой чистый расчет. Иными словами, системами принятия решений можно назвать только первые, вторые – это только системы, вырабатывающие рекомендации, которые после всё равно принимаются или не принимаются на основе интуитивно-практического решения. Однако по мере прогресса это всё более нивелируется так, что от современного практически пассивного принятия рекомендаций такого рода систем быстро может быть совершен переход к системе, в которой человек будет лишь принимать решение о согласии на полную автоматизацию принятия решений (например, избиратель соглашается на то, что некоторая программа на основе информации о его предшествующих политических предпочтениях будет голосовать за него на всех последующих выборах и референдумах).

Сегодня машины идентификации – на том уровне развития, когда они предлагают человеку рекомендации, которые в соответствии с прогнозами наиболее вероятно будут использованы. Именно это способствует кластеризации пользователей и нарастанию социальных конфликтов. Известно, что если человек интересуется темой неопознанных летающих объектов, то машины онлайн-социальных сетей предлагают ему новости по теориям заговора, плоской земли, по экстрасенсорике и оружию. В свою очередь человеку, который интересуется наукой, предлагают новости по истории, языкам, интеллектуальным играм и мемы про котиков.

Особо обращает на себя внимание при этом два аспекта. Одно – это то, что машина создает идентификацию потребителя на основе выделения стандартизированных алгоритмов поведения той же статистической группы людей. Другое – то, что при этом человек оказывается в меньшей мере открыт представителям других групп, в частности потому, что у них нет общего поля информации, но и еще потому, что создается иллюзия, что все другие люди также видят ту же информацию, но неверно её понимают или игнорируют. Отсутствие единого информационного поля задает сложность адекватного представления о других людях, а подозрение в их принципиальной чуждости снижает желание взаимодействовать с ними иначе, как только подчиняя их себе. Здесь следует отметить то, что такая радикализация в большей степени сказывается на поведении более активных пользователей онлайн-социальных сетей, то есть часто – на более

молодых сторонниках либеральных ценностей. С другой стороны, их радикализация имеет менее жёсткий характер, чем у их антагонистов.

В-третьих, здесь еще стоит сказать немного о «духе», – понятии, которое сегодня рассматривается как устаревшее и дисфункциональное вследствие своей неопределенности в отличие от заместившего его понятия «культура». Для анализа «машин идентификации» понятие «дух» кажется мне более адекватным, поскольку улавливает не только некоторые ценностные формы, но и «захваченность» ими мышления, которая может не сознаваться и быть попросту скрытой. Более того, о «духе» можно говорить также как о чувственности, подчиненной некоторому переживанию (а в таком виде это понятие относимо и к поведению мышей, что продемонстрировал Дж. Кэлухан, используя понятие «духа» для интерпретации поведения «красивого» поколения мышей его известного эксперимента «Вселенная-25»).

Если использовать это понятие в отношении машин идентификации, то его лишь в слабой мере можно свести к идее капитала или жажде выгоды. Ясно, что создатели машин идентификации действительно стремятся увеличить прибыль (в том числе продавая информацию о возможном внимании человека заинтересованным в эффективной рекламе или пропаганде институтам), и это желание выступает первоначальным импульсом создания машин идентификации.

Однако главным в машинах идентификации является желание найти себя наиболее простым и приятным способом. По сути машины идентификации используют естественную склонность человека познавать себя посредством удовольствий. Специфику духа машин идентификации, вероятно, можно найти в основном в том, что происходит за счет максимального ускорения и увеличения содержательной насыщенности этого процесса. А происходит то, что человек, во-первых, отказывается от осознания происходящего и соответственно контроля за этим процессом. Во-вторых, человек перестает синтезировать этот способ идентификации с альтернативными, в частности, с постижением себя посредством творчества или поступка. То, что вытекает из этого – вместо того, чтобы этот способ самоидентификации занимал подчиненное место в структуре самосознания, он начинает восприниматься как основной его образ, подчиняя другие.

Об этом можно сказать и иначе – человек перестает воспринимать себя как существо, использующее машины идентификации, но начинает понимать себя как их часть. Этот дух машин идентификации можно описать как просто зависимость от конкретного продукта (подобную тому, когда

наркоман уже не может себя представить вне машинерии потребления наркотических веществ). Но этот дух имеет и иную составляющую, – желание включаться в машины, которые будут диктовать человеку то, кем он является. Ясно, что в этом нет принципиальной инновации относительно ранее проявлявших себя человеческих склонностей. Однако электронные машины идентификации доводят это желание до какого-то предела, который чреват распадом привычных общественных связей.

Ясно, что тут снова нужно поставить вопрос о альтернативе дистопии общества машин идентификации, о духе некоторой утопии, которая, как мне как диалогисту видится, должна подразумевать поиск того самого самосозидания во взаимодействии с другими, которое кажется всё время таким близким и таким ускользающим в современном обществе.

## КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК ВЫЗОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

**Макеева Екатерина Сергеевна**

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и  
реабилитологии факультета философии и социальных наук Белорусского  
государственного университета

**Фадеев Александр Николаевич**

студент факультета философии и социальных наук  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме социально-психологической реабилитации и адаптации людей с ограниченными возможностями в условиях современного цивилизационного процесса. В частности, в ней рассматривается взаимосвязь, существующая между такими переменными, как копинг-стратегии и показатели жизнестойкости у людей с ограничениями здоровья.

**Ключевые слова:** копинг-стратегии; уровень жизнестойкости; люди с ограниченными возможностями.

## COPING STRATEGIES AND RESILIENCE OF PEOPLE WITH DISABILITIES AS A CHALLENGE TO THE CIVILIZATION PROCESS

**Makeeva Ekaterina Sergeevna**

PhD in Psychology, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work  
and Rehabilitation Sciences,  
Belarusian State University

**Fadeev Alexander Nikolaevich**

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

**Abstract.** The article is devoted to the problem of socio-psychological rehabilitation and adaptation of people with disabilities in the conditions of the modern civilization process. In particular, it examines the relationship that exists between such variables as coping strategies and indicators of resilience in people with disabilities.

**Key words:** coping strategies; level of resilience; people with disabilities.

В условиях социальной турбулентности современного общества проблема психологии людей с ограниченными возможностями вследствие различных дефектов здоровья и нарушений психофизического развития приобретает особую актуальность. Одним из наиболее глобальных вопросов, в рамках данной проблемы, является вопрос способов социальной и психологической реабилитации и адаптации лиц с ограниченными возможностями. Так, по мнению Е.В. Морозовой, в качестве важнейшей проблемы больных, находящихся в условиях инвалидизирующего заболевания, выступает личностное самоопределение в отношении социального статуса инвалида. Поэтому наибольшее внимание необходимо уделять копинг-поведению лиц с ограничениями здоровья как проявлению их общей адаптационной реакции [3, с. 129]. По утверждению Е.М. Старобиной, О.Н. Владимировой, А.Т. Давыдова, М.И. Разумовского, Л.А. Кожушко, реабилитацией лиц с ограниченными возможностями может послужить выполнение трудовой деятельности. Барьеры, препятствующие инвалидам в трудоустройстве, а также облегчающие трудовую деятельность, и личностные факторы, обеспечивающие более эффективное включение инвалидов в работу, представляют собой не только специфические условия организации учебного и производственного пространства, но и психологические особенности, отношение к своему статусу [5, с. 19]. В современной отечественной психологии можно указать ряд работ, посвящённых данной проблеме. В частности, В.Н. Поникарова и Ю.Ю. Алексина изучали основные направления формирования продуктивного копинг-поведения у лиц с ограничениями здоровья [4, с. 413]. В зарубежной психологии N.G. Regiera, P.A. Parmelee рассматривали проблему совладающего поведения у людей с ограниченными возможностями в аспекте прогнозирования возникновения у них депрессии [7, с. 1115]. Связь между копинг-стратегиями и жизнестойкостью у инвалидов проанализирована в исследовании V. Kraaij и N. Garnefski [6, с. 1595]. Однако в целом проблема выбора копинг-стратегий и повышения уровня жизнестойкости как условия успешной реабилитации и адаптации лиц с ограничениями здоровья представляется нам недостаточно изученной в отечественной психологии.

В своем исследовании мы определяем копинг-стратегии как осознанно используемые человеком приемы совладания с трудными жизненными ситуациями. К ним относятся множество различных поведенческих стратегий, которые меняют поведение или мысли человека и дают ему возможность справиться со специфическими внешними или

внутренними требованиями, которые человек оценивает как чрезмерные или превышающие ресурсы личности [1, с. 46]. Жизнестойкость мы рассматриваем как совокупность ценностных установок и диспозиций, позволяющих человеку сформулировать позитивный жизненный проект, рационально оценить существующие и потенциальные ресурсы, актуализировать рациональные потребности и положительно адаптироваться в заданных условиях [2, с. 16].

В качестве предмета нашего исследования выступили особенности взаимосвязи копинг-стратегий и показателей жизнестойкости у людей с ограниченными возможностями. В исследовании приняли участие 50 людей (25 мужчин и 25 женщин) с ограничениями здоровья (нарушение опорно-двигательного аппарата). Использование копинг-стратегий мы замеряли при помощи методики «Индикатор стратегий преодоления стресса» Д. Амирхана, в адаптации Н.А Сирота и В.М. Ялтонского. Для определения уровня жизнестойкости и ее показателей использовалась методика «Тест жизнестойкости» С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Анализ данных в выборке испытуемых показал, что уровень копинг-стратегий «разрешение проблем», «поиск социальной поддержки», «избегание (уклонение)» проявляется у людей с ограниченными возможностями в одинаковой степени, независимо от пола. Вместе с тем, «поиск социальной поддержки» в сложной ситуации характерен для женщин, тогда, как мужчины предпочитают избегать стрессовых ситуаций в жизни.

Для оценки различий в показателях уровня проявления копинг-стратегий у мужчин и женщин применялся расчет непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Полученные сравнительные показатели указывают на наличие значимых отличий в проявления копинг-стратегий у людей с ограниченными возможностями в зависимости от пола испытуемых, то есть в различных ситуациях, в том числе и стрессовых респонденты мужчины предпочитают стратегию «разрешения проблем», а женщины – «поиск социальной поддержки» на 5-ти процентном уровне значимости.

При изучении жизнестойкости людей с ограниченными возможностями, анализ данных по выборке показал, что по шкале «вовлеченность» 6,6 % испытуемых имеют высокий уровень, а это значит, что респонденты чувствуют себя значимыми, готовыми полностью включаться в решение задач, несмотря на наличие стрессогенных факторов и изменений. У 60 % людей с ограничениями здоровья наблюдается средний

уровень «вовлеченности» и у 33,3 % респондентов – низкий уровень. Эти люди предпочитают ничего не видеть, ничего не слушать, стоять в стороне, чаще всего они испытывают желание быть в одиночестве.

По шкале «контроль» - высокий уровень набрали 10 % испытуемых, которые готовы искать пути для выхода из любых стрессовых состояний, 70 % людей с ограниченными возможностями в анализируемой выборке имеют средний уровень данного показателя. 20 % людей с ограничениями здоровья показали - низкий уровень по шкале «контроль». Это значит, что они испытывают чувство бессилия в стрессовой ситуации, боятся каких-либо изменений в своей жизни.

В выборке отсутствуют испытуемые с высоким уровнем выраженности шкалы «принятие риска». 70 % респондентов имеют средний уровень выраженности данной шкалы. Это указывает на то, что люди с ограниченными возможностями считают обстоятельства ответственными за события собственной жизни. В данной выборке у 30 % людей с ограничениями здоровья наблюдается низкий уровень выраженности данной шкалы. Это свидетельствует о том, что они стремятся к безопасности и минимизации стрессового напряжения.

По шкале жизнестойкость высокий уровень набрало 3,3% испытуемых, которые убеждены, что с любой стрессовой ситуацией можно справиться, они готовы преодолевать и разрешать ее. Средний уровень наблюдается 70 % людей с ограничениями здоровья. Низкий уровень имеют 26,6 % респондентов, убежденных, что от них ничего не зависит и они рождены страдать.

При помощи U-критерия Манна-Уитни нами были выявлены достоверные различия по показателям жизнестойкости в выборке людей с ограниченными возможностями по двум шкалам - «принятие риска» и «уровень жизнестойкости» на 5-ти процентном уровне значимости. Это означает, что большинство испытуемых вне зависимости от пола не хотят лишней раз рисковать, и часто считают, что все обстоятельства против них.

Для выявления взаимосвязи копинг-стратегий и уровня жизнестойкости у людей с ограничениями здоровья был проведен статистический анализ по критерию линейной корреляции r-Спирмена. В анализируемой выборке были обнаружены слабая и средняя прямая корреляционная связь между копинг-стратегией «разрешение проблем» и таким показателем жизнестойкости как «вовлеченность» ( $r=0,224$  при  $p \geq 0,05$ ); а также, стратегией «избегание» и показателем «контроль» ( $r=0,314$ , при  $p \geq 0,05$ ). Обратная корреляционная зависимость была

установлена между копингом «разрешение проблем» и шкалой жизнестойкости «принятие риска» ( $r=-0,26$  при  $p \geq 0,05$ ).

Таким образом, для большинства испытуемых анализируемой выборки характерна готовность решать возникающие проблемы вне зависимости от действия стрессогенных факторов, и наоборот, люди с ограниченными возможностями не готовы рисковать в стрессогенной ситуации, так как считают, что обстоятельства сложатся не в их пользу.

### Список литературы

1. Анцыферова, Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 2014. – №1. – С. 45-49.
2. Гинзбург, М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М.Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 2014 – № 3 – С. 12-19.
3. Морозова, Е.В. Совладающее поведение как проявление общей адаптационной реакции на получение инвалидности / Е.В. Морозова // Медицинский вестник юга России. – 2014. – № 2. – С. 128-133.
4. Поникарова, В.Н. Содержание и основные направления формирования продуктивного копинг-поведения у лиц с ограниченными возможностями / В.Н. Поникарова, Ю.Ю. Алексина // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5. – С. 412-414.
5. Старобина, Е.М. Факторы, определяющие трудовую деятельность инвалидов со значительными нарушениями здоровья / Е.М. Старобина, О.Н. Владимирова, А.Т. Давыдова, М.И. Разумовский, Л.А. Кожушко // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2017. – Т. 20. – № 1. – С. 19-24.
6. Kraaij, V. Coping and depressive symptoms in adolescents with a chronic medical condition / V. Kraaij, N. Garnefski // A search for intervention targets. J Adolesc. – 2012. – № 35 (6). – P. 1593-1600.
7. Regiera, N.G. The stability of coping strategies in older adults with osteoarthritis and the ability of these strategies to predict changes in depression, disability, and pain. / N.G. Regiera, P.A. Parmelee // Aging Ment Health. – 2015. – №19 (12). – P. 1113-1122.

## СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ЖИВОПИСЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

**Маркиш Ангелина Валентиновна**

магистрантка исторического факультета,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель - Курбачёва Ольга Владиславовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,

Белорусский государственный университет

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию современного белорусского искусства как предмета философской рефлексии. Феномен современного искусства анализируется в качестве источника экзистенциального опыта для современного человека. Показаны сущность и механизмы конституирования экзистенциальных смыслов в мировоззренческих измерениях в предметных сферах искусства.

**Ключевые слова:** современное белорусское искусство; философская рефлексия; эстетика.

## PHILOSOPHICAL REFLECTION IN CONTEMPORARY BELARUSIAN ART

**Markish Angelina Valentinovna,**

master's student of the Faculty of History,

Belarusian State University

Scientific supervisor - Kurbacheva Olga Vladislavovna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of

Philosophy, Belarusian State University

**Abstract.** The article is devoted to the study of modern Belarusian art as a subject of philosophical reflection. The phenomenon of contemporary art is analyzed as a source of existential experience for a modern person. The essence and "mechanisms" of the constitution of existential meanings in the worldview dimensions and various subject areas of this type of culture are shown.

**Keywords:** contemporary Belarusian art, philosophical reflection, aesthetics.

Веками искусство и философия оказывали взаимное влияние друг на друга, создавая уникальную и вечную связь между различными формами человеческого творчества и поисками истины, смысла и сущности бытия.

Произведения искусства стали неотъемлемой частью философских дискуссий, внося свой вклад в понимание мира и человеческой природы. В этой статье мы рассмотрим, как искусство стало объектом философской рефлексии и осмысления проблем бытия через эстетические аспекты.

Философия искусства также уделяет большое внимание эстетике, так как играет важную роль в процессе рефлексии над сущностью произведения. Эстетический опыт включает в себя восприятие красоты, гармонии и внутренней ценности искусства. Через эстетическую призму мы можем лучше понять, как искусство связано с нашим восприятием мира и как оно способно затрагивать наши чувства и разум.

Искусство заставляет нас задуматься о смысле бытия, о глубинных вопросах о человеческом существовании. Произведения искусства могут вызвать у нас эмоции, внести диссонанс в наши мысли, а также вдохновить на поиск ответов на главные философские загадки. Они становятся основой для осмысления нашего места во вселенной, взаимодействия с другим и самосознанием [1, с.76].

Современное искусство Беларуси – это мир, насыщенный идеями, метафорами и отражением глубинных чувств и мыслей художников. На протяжении последних десятилетий искусство в Беларуси активно развивается и привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ценителей. Философия современного белорусского искусства отражает не только национальную историю и культуру, но и глобальные тенденции развития современного мира организаторами выставок выступают Министерство культуры Республики Беларусь, Национальный центр современных искусств, Белорусская государственная академия художников, Белорусский союз художник и т. д. [9].

Одна из ключевых идей, лежащих в основе философии современного искусства Беларуси, – это постоянное стремление художников к открытию новых форм самовыражения и взаимодействия с окружающим миром. Стремление к самореализации и поиск смысла являются ключевыми факторами, которые помогают художникам находить новые идеи и концепции.

Белорусские художники активно экспериментируют с различными материалами и техниками, исследуют границы возможностей искусства и играют на пересечении жанров и форматов. В результате этого процесса, рождаются новые художественные объекты, инсталляции, произведения искусства, которые воплощают скрытые смыслы и вызывают множество эмоциональных искушений и переживаний у зрителей. Глубокий и

универсальный характер современного искусства Беларуси открывает возможности для диалога и взаимодействия с другими культурами и искусствами мира. Этот диалог, в свою очередь, позволяет белорусскому искусству постоянно находить новые перспективы и направления развития, а также внести свой вклад в уникальность и многообразие современного мирового искусства.

Каждая страна создает свой образ для демонстрации национальных особенностей вовне, словно спектакль, чтобы привлечь туристов или инвестиции. Хотя использование стереотипов и экзотизация чаще всего понимается как односторонний акт кросс-культурных проекций и предубеждений о культуре, иногда стереотипы воспроизводятся и самими носителями культуры. Не все игры со стереотипными образами являются чистой эксплуатацией – иногда это тонкая работа по переосмыслению культуры, своего места в ней или даже непрямая политическая критика. Работы Жанны Капустниковой и Маши Святогор как раз с иронией подходят к клише, заставляя задуматься, как мы рефлекслируем над местными особенностями, работаем с нашим наследием и современностью в искусстве [2].

В белорусской живописи последнего пятидесятилетия можно выделить три поколения художников. «Старшее» поколение, художественный стиль которого формировался в 1970-80-е гг. на основе эстетики и идей андеграунда, – это Л. Русова, И. Кашкурович, В. Васильев, О. Сазыкина, И. Тишин, Н. Залозная. «Среднее» поколение, становление которого пришлось на время распада СССР, – это С. Кожемякин, И. Савченко, А. Клинов, А. Пушкин. И поколение 1990-х, молодое, которое отгораживалось от всех традиций, наследий, идентичностей, делало ставку на собственную биографию и пробовало найти контакт с западным искусством – это А. Дурейко, В. Левченя, С. Бабарека, М. Тиминко, А. Логинов, Р. Троцюк, О. Масловская, А. Слюнченко, Д. Романовский [5, с.146].

Волнуют белорусских художников и экологические проблемы. Чернобыльская катастрофа находит свое воплощение в произведениях мастеров разных поколений и стилевых направлений: от традиционно реалистического (М. Савицкий, Г. Ващенко, В. Шматов) до эмоционально-ассоциативного с использованием современных пластических средств выражения (В. Кожух, А. Ксендзов, А. Марочкин). Отмечается рост суггестивных факторов: отходя от былого рассказа и показа живописцы и

графики с помощью художественных средств стремятся внушить зрителю определенную мысль [7].

Соединение аспектов «искусства памяти» стало частью проводимых арт-проектов на рубеже 1980-1990-х гг., в основе которых лежит формирование осознания творческого пространства как особенности. Поиски историко-символического контекста заметны в творчестве художников середины 1980-х гг. (Н. Селещук, В. Савич, В. Слаук, Ф. Янушкевич, В. Товстик, В. Альшевский, В. Марковец, В. Янушкевич и др.). Трансформируя архаическую модель мира, художники в арт-проектах («Живопись. Графика», 1988; «Шлях да Ф. Рушчыца», 2002) обращались к историческому наследию Беларуси, к народному творчеству, к диалогу, в котором традиционное и современное выступали во взаимообусловленных связях. Характерными чертами оставались выразительная метафоричность языка, широкий диапазон пластических ассоциаций, направленных на поиск идентичности без нарочитого выделения, но с сохранением этно- и национальных особенностей. Возникали свои традиционно устойчивые темы, художественные элементы, сюжеты. Содержание творческих поисков и арт-проектов можно было условно обозначить как «стратегию развития» нового творческого поколения.

Пришедшая в искусство в 1990-е гг. генерация новых художников и дизайнеров была в большей степени свободна от воздействия идеализированных лозунгов советской поры. Молодые авторы действительно иначе стали позиционировать себя в социуме, старались освободиться от повествовательного пересказа реального окружения, искали иные способы обобщения мира.

В картинах 1990-х гг. значительно больше живописной свободы, полета фантазии, поиска новых средств выразительности. Отличительной чертой современной живописи становится ее театральный характер. Реальные впечатления для В. Ольшевского, В. Товстика, Н. Селещука становятся отправной точкой для определенных трансформаций действительности. По-прежнему сильны традиции фигуративной живописи со строгим академическим рисунком, перспективой, материальностью, трехмерной моделировкой формы (Б. Казаков, В. Кривоблоцкий, К. Качан, В. Шкаруба, Е. Батальенок).

Заметную роль в трансформации творческих практик белорусского искусства второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. в сторону западноевропейских тенденций внесли выпускники художественно-промышленного факультета (в настоящее время факультет дизайна и

декоративно-прикладного искусства) Белорусской государственной академии искусств: А. Балаш, А. Белявский, А. Вышка, Л. Гор. А. Вахрамеев, Т. Гардашникова, Ю. Дорошкевич, А. Дятлова, В. Ерьсько, А. Забавчик, М. Капилова, В. Концедайлов, Е. Китаева, С. Кирющенко, И. Кособуко, Н. Кузьмич, С. Лапша, В. Лукашик, Г. Мацур, Р. Май, С. Плотников, С. Пчелинцев, В. Петров, Т. Соколова, О. Сазыкина, Д. Сурский, Д. Суринович, А. Таранович, Ю. Тореев, А. Шелютто и др. Влияние тенденций концептуализма и проектного видения творческой цели ярко просматривается в творчестве дизайнера и художника С. Войченко [6].

Преимущественное развитие концептуальной фотографии и фотоаппаратуры в пределах полистилизма стало характерной тенденцией для развития фотоискусства (С. Гудилин, Е. Кенигсберг, В. Парфенок, И. Савченко, В. Терентьев, А. Щукин и др.). Это объясняется типологией художественного пространства Беларуси. Оно не «живописное», а «графичное», порой не располагающее к эстетике созерцательного восприятия окружения в ярких красках. Мультиmodalность среды определяет быструю реакцию авторов на действительность. Исходя из этого, процент фотографических выставок составляет почти половину от всех происходящих арт-событий. Фотохудожники широко используют возможности аналоговой и цифровой фототехники для получения выразительных художественных решений [7 с.12].

Подводя итог, философия современного искусства Беларуси олицетворяет стремление к новым идеям, экспериментам и открытиям во имя самовыражения и смысла. Это богатство искусства, которое объединяет традиции и передает наследие белорусской культуры, но при этом способно оставаться открытым для инноваций и вдохновляющего диалога с мировым искусством. Философия современного искусства Беларуси – это уникальная комбинация исторического укоренения и прогрессивного развития, которая продолжает привлекать внимание и восхищение со стороны публики и коллег-художников.

### Список литературы

1. Баркашов, В.В. Философия искусства: Учебное пособие / В.В. Баркашов. – М.: Профиздат, 2013. – 277 с.
2. Бубич, О. «Курасовщина, любовь моя!»: [Любовь и сюрреализм «задумчиво-лиричного Святогора»] / О. Бубич, // Журнал. – 2017. – 20 апреля. – С. 10.
3. Владимирский, Б.М. Философия современного искусства / Б.М. Владимирский. – СПб.: Наука, 2010.

4. Жук, В. И. Изобразительное искусство // Современная Беларусь: энциклопедический справочник. В 3 т. Т. 3. Культура и искусство / редкол.: М. В. Мясников [и др.]. – М. 2007

5. Кенигсберг, Е. Я. Современное искусство Беларуси конца XX — начала XXI века: панорама проектов и авторских поисков / Е. Я. Кенигсберг, М. Г. Борозна. – М. : Беларусь, 2020. – 301

6. Кенігсберг, К. Галоўная ідэя тварэння – творчасць (канцэптуальныя праекты Вольгі Сазыкінай) / К. Кенігсберг // рARTisan. – 2004. – № 3. – С. 70–73

7. Никитина, И. П. Философия искусства : учеб. пособие / И. П. Никитина. – 3-е изд., испр. — М. : Издательство «Омега-Л», 2010. — 559 с.

8. Рассел, Р. Философия искусства / Р. Рассел. – М.: Издательство «АСТ», 2013.

9. Рэспубліканскі конкурс «Нацыянальная прэмія ў галіне выяўленчага мастацтва» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ncsm.by/calendar/respublkansk-konkurs-nasyuanalnaya-premya-galne-vyvalenchaga-mastactva1>. – Дата доступа: 27.10.2023.

## ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

**Мозалевская Даниэла Андреевна**

аспирантка факультета философии и социальных наук,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В данной работе исследуются особенности формирующейся цифровой культуры. В аспекте цифровой трансформации рассмотрены положительные стороны и определенные проблемы, вызванные развитием цифровых технологий. Выявлен рост сетевого индивидуализма как преобладающей тенденции развития социальных отношений в сетевой обществе, также отмечено многообразие вариантов формирования личности в сети. Определено стремительное возрастание роли информации и ее системообразующий статус. Рассмотрено негативное влияние повсеместной информатизации на социально-психологическую сторону жизни человека: избыток информации, неумение планировать и распределять ресурсы, потеря концентрации внимания, отсутствие дисциплины, думскроллинг. Подчеркивается необходимость развития информационной культуры личности для успешной жизнедеятельности и гармонизации внешнего и внутреннего мира личности в информационно-сетевом обществе.

**Ключевые слова:** цифровая культура; сетевое общество; сетевой индивидуализм; информационная культура личности.

## DIGITAL CULTURE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF A NETWORK SOCIETY

**Mozalevskaya Daniela Andreevna,**

postgraduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

**Abstract.** This paper examines the features of the emerging digital culture. In the aspect of digital transformation, the positive aspects and certain problems caused by the development of digital technologies are considered. The growth of networked individualism as the predominant trend in the development of social relations in the network society is revealed, and the variety of options for the formation of personality in the network is also noted. The rapid increase in the role of information and its system-forming status is determined. The negative impact of ubiquitous informatization on the socio-psychological side of human life is considered: excess of information, inability to plan and allocate resources, loss of concentration,

lack of discipline, doomscrolling. The necessity of developing the information culture of the person for successful life and harmonization of the external and internal world of the individual in the information and network society is emphasized.

**Keywords:** digital culture; network society; networked individualism; information culture of the person.

Современная эпоха характеризуется глубокими изменениями в том, как мы воспринимаем мир и взаимодействуем с ним, руководствуясь движущей силой цифровых технологий. Третья промышленная революция, которая привела к коммерциализации компьютеров, интернета, цифрового телевидения, смартфонов изменила природу экономических процессов, науки, образования, средств массовой информации и коммуникации. Интеграция цифровых инструментов, приложений и систем в нашу повседневную жизнь становится нормой XXI века.

Цифровые технологии стали естественным элементом в жизни человека. По выражению философа И. Томсона: «то, что кажется близким, существенным и базовым, может быть также тем, что легче всего ускользает от нашего понимания и переживания» [1]. Будучи полностью поглощенным определенными процессами и явлениями, может быть трудно разобраться в их скрытом значении и подтексте. В связи с этим, рассмотрение обширных последствий глобальной оцифровки в контексте культурных трансформаций представляется необходимым и крайне актуальным.

Цифровая культура – это совокупность моделей поведения, убеждений и практик, возникающих в результате использования цифровых технологий и интернета. Цифровая культура формирует то, как мы взаимодействуем друг с другом, потребляем информацию, выражаем себя, участвуем в жизни общества. Здесь можно полностью согласиться с Н.Л. Соколовой, которая утверждает, что «сегодня исследовать цифровую культуру – значит не столько анализировать ее феномены и артефакты сами по себе, сколько изучать широкие трансформации, происходящие в связи с распространением цифровых технологий в культуре в целом» [2]. Расширение и ускорение процессов цифровизации в культуре изменяет ценностные ориентиры и представления о картине мира, характер межличностной коммуникации, систему социальных взаимодействий и моделей поведения.

Наиболее концептуально обоснованной нам представляется модель «трехмерного пространства культуры», которая определяется тремя смысловыми осями: знаний, правил и ценностей. Эти оси соответствуют

трем областям человеческой культуры: духовной, социальной и технологической [3, с. 33]. В аспекте цифровой трансформации духовной культуры мы рассмотрим феномен сетевого индивидуализма и развитие соответствующего типа личности. Формирование сетевого общества объясняет качественные изменения социальной культуры общества. И, наконец, технологическая культура цифрового общества связана со стремительным возрастанием роли информации. Следует отметить, что вышеперечисленные тенденции определяют не культуру цифрового общества как таковую, а скорее направления ее развития.

Рост информационно-коммуникационных технологий и создание на их основе сетевых форм социальной интеграции и взаимодействия, в целях построения эффективной коммуникации, достижения устойчивого и адекватного существования в динамичных условиях социального пространства мы связываем с формированием сетевого общества. В сетевом обществе человеку доступны возможности для расширения своего социального пространства в соответствии с персональными целями, интересами и увлечениями. Обращаясь к вопросу самой личности, подчеркнем, что преобладающей тенденцией развития социальных отношений в обществе становится рост сетевого индивидуализма, делающего конкретного субъекта взаимодействия условным «демиургом» своей сетевой коммуникационной реальности.

Участник сетевых взаимодействий может без особых препятствий выстраивать границы и содержание своего мира, исходя из личных ценностей и потребностей. Формирование сетевой личности происходит в сложном и многостороннем взаимодействии с другими сетевыми личностями и сообществами. Следует отметить, что «виртуальная личность» может существенно отличаться от соответствующей реальной личности и проявляться во множестве виртуальных образов. Во многом этому способствует использование платформ социальных сетей (ВКонтакте, Facebook, Twitter, Instagram, Snapchat, YouTube), которые вынуждают пользователя адаптировать свои виртуальные личности в соответствии с требованиями каждого веб-сайта или приложения.

Феномен сетевого индивидуализма вбирает в себя множество позитивных моментов такие как: высокая степень самореализации и индивидуальная творческая активность, возможность свободной коммуникации, получение многообразной информации. Эмпирические и теоретические исследования констатируют, что новые информационные технологии не стали единственно оптимальным средством социализации

личности. Разница между тем, кто мы есть, кем мы показываем себя миру и тем, кем мы хотим быть, влияет на наш повседневный выбор и на то, как другие взаимодействуют с нами. Это может вызывать депрессию, тревогу и расстройства личности, а также влиять на выбор людей в реальной жизни [4].

Индивидуальный подход отражается и в работе современных цифровых медиа, поскольку каждый пользователь, публикуя информацию о себе (персональные данные, история посещения веб-сайтов, время активности в сети), оставляет определенный «цифровой след», с которым умело и эффективно работают специалисты в сфере digital-маркетинга. Большинство инструментов современной рекламы обладают двумя базовыми способами найти аудиторию: контекстным таргетингом – показами рекламных сообщений на основе поисковых запросов и таргетингом по интересам – ваша активность в интернете аккумулируется, анализируется алгоритмом, и вы попадаете в специальный «интерес» площадки. Рекламодатель больше не знает, кому он показывает рекламу, но он точно знает, что она будет показана тому, кому она интересна. Все это означает, что ваши интересы формируют ваш контент, ваш контент – интересы. Вы вынуждены непрерывно интересоваться самими собой [5]. Подобный алгоритм характерен для социальной сети «ТikTok», которая погружает пользователя в бесконечную ленту коротких вертикальных видео с учетом его индивидуальных предпочтений.

В этом плане цифровые технологии предъявляют новые требования к человеку, выводя на первый план способность оперативно производить информацию и ориентироваться в обилии информационных потоков. Более конкретно, это указывает на так называемый переход от дефицита информации к ее избытку. Знания становятся вездесущими в пространстве и во времени, легкодоступными и всегда имеющимися в наличии. Столкновение с новой информационно нагруженной реальностью приводит и к ряду социально-психологических проблем: избыток информации, неумение планировать и распределять ресурсы; напряженность по поводу не понимаемого, не освоенного, чуждого коммуникативно-информационного пространства [6]; потеря концентрации внимания (невозможность долго фокусироваться на одной задаче, рассеянность, частые отвлечения во время учебы/работы); отсутствие дисциплины (неспособность решать запланированные дела, «зависание» в социальных сетях, накопление нерешенных вопросов).

Обратимся к рассмотрению такого явления, как «думскроллинг» (от англ. doomscrolling) – это неконтролируемый просмотр новостей, сообщений в социальных сетях или других платформах для обмена контентом. Исследователь думскроллинга Б. Маклафлин отмечает, что данный феномен опасен для нашего психического здоровья, поскольку усиливает негативные мысли и чувства, может усугублять существующие психические заболевания, такие как тревога, депрессия, провоцировать панику и беспокойство. Кроме того, постоянная прокрутка новостей может привести к раздражительности, снижению продуктивности, плохой концентрации внимания и умственной усталости, что в дальнейшем может пагубно сказаться на общем самочувствии человека [7].

Некоторые советы по избавлению от этой привычки включают: установление таймера на чтение новостей и использование социальных сетей; необходимость отписаться от аккаунтов, публикующих негативный контент; уделять больше внимания занятиям повседневной жизни. Понимание опасностей, связанных с этой привычкой, а также принятие мер по снижению воздействия могут помочь обеспечить психическое благополучие.

В связи с этим становится значимым развитие *информационной культуры личности*, которая предполагает знание и владение организационными ценностями, нормами и практиками, касающимся использования, управления и контроля информации, в том числе умение ее анализировать, критически оценивать и творчески использовать в процессе решения нестандартных проблем, возникающих в образовательной, профессиональной, повседневной или иной деятельности, а также предполагает развитие биопсихических свойств человека, соответствующий требованиям и условиям современного информационно-сетевого общества.

Таким образом, цифровая культура – это широкое и многоаспектное понятие, которое охватывает все сферы социального и личностного бытия человека, социума в контексте развития цифровых технологий. Мы проанализировали несколько ключевых аспектов в динамике цифровой культуры и показали, что каждый из них представляет собой определенную культурную тенденцию все более развивающегося сетевого общества. Такие тенденции, которые представляют многообразие личности человека в режиме онлайн, сетевое общество как специфическую форму социальной интеграции и взаимодействия, информационное изобилие и необходимость развития соответствующей информационной культуры личности, в свою очередь, соответствуют трем граням культуры: духовной, социальной и

технологической. Сопоставляя основные характеристики цифрового общества с пространством культуры, мы раскрываем основные культурные направления наступающей цифровой эры, подмечая важные противоречие между прогрессивными результатами и предъявляемыми социуму вызовами.

### Список литературы

1. Thomson, I. Heidegger on Ontotheology: Technology and the Politics of Education / I. Thomson. – Cambridge, MA : Cambridge University Press, 2005. – 224 p.
2. Соколова, Н. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху / Н. Соколова // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – №3. – С. 6-10.
3. Сулимов, В. Культурология в педагогическом образовании: новые основания и возможные перспективы / В. Сулимов, И. Фадеева // UNIVERSUM : Вестник Герценовского университета РГПУ. – СПб., 2013. – № 4. – С. 30-40.
4. Вести образования [Электронный ресурс] // Исследование: социальные сети усугубляют течение депрессии. – Режим доступа: [https://vogazeta.ru/articles/2023/1/10/science/21755Issledovanie\\_sotsialnye\\_seti\\_usugublyayut\\_techenie\\_depressii](https://vogazeta.ru/articles/2023/1/10/science/21755Issledovanie_sotsialnye_seti_usugublyayut_techenie_depressii). – Дата доступа: 01.11. 2023.
5. V Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное наследие – от прошлого к будущему» : программа и тезисы докладов. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г. – Санкт-Петербург ; Москва : Институт Наследия, 2021. – 232 с.
6. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. - М. : АСТ, 2008. - 450 с.
7. Cassidy, C. Doomscrolling linked to poor physical and mental health, study finds / C. Cassidy // Guardian News [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/sep/06/doomscrolling-linked-to-poor-physical-and-mental-health-study-finds>. – Дата доступа: 01.11.2023.

## ДЕРЕАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И ПСИХИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

**Навицкая Полина Сергеевна**

студентка факультета философии и социальных наук  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** Целью данной статьи является характеристика феномена дереализации, сопоставление его социальных и психологических аспектов. Установлено, что социальная и психическая дереализация имеют общие и специфические особенности. В целом феномен дереализации характеризуется тем, что субъект воспринимает окружающую действительность как нереальную, неистинную, ощущает дезориентацию и потерянность в мире. В современном мире предпосылкой социальной дереализации становится распространение цифровых технологий, которые замещают реальность в представлении человека, а психической – патология в развитии сознания.

**Ключевые слова:** дереализация; человек; общество; сознание; отчуждение.

## DEREALIZATION AS A SOCIAL AND THE PSYCHIC PHENOMENON

**Navitskaya Polina Sergeevna**

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

**Annotation.** The purpose of this article is to characterize the phenomenon of derealization, to compare its social and psychological aspects. It is established that social and mental derealization have common and specific features. In general, the phenomenon of derealization is characterized by the fact that the subject perceives the surrounding reality as unreal, untrue, feels disoriented and lost in the world. In the contemporary society the prerequisites for development of social derealization are the spread of digital technologies that replace reality in the human mind, and mental disorders in the development of consciousness.

**Keywords:** derealization; man; society; consciousness; alienation.

В эпоху глобальных и быстрых трансформаций все сферы общественной жизнедеятельности потерпели ощутимые изменения, которые повлияли существенным образом на жизнь каждого отдельного человека, изменив его привычный темп существования, функционирование сознания и ход мыслей. Одним из возникших эффектов современности по

праву считается дереализация как утрата ощущения истинной, достоверной действительности, в которой существует человек.

Дереализация может рассматриваться с различных позиций и различными областями знания: философией, психологией, психиатрией. В данной работе дереализация исследуется как социальный и психический феномен. Среди первоисточников, посвященных и социальному, и психическому измерениям представленной проблемы, следует отметить труды П. Вирильо [1], который рассматривал функционирование современной цифровой реальности, ее влияние на сознание индивида, способное стать причиной социальной дереализации, и К. Ясперса [3], изучившего психологические аспекты дереализации. Целью данной статьи является характеристика феномена дереализации, сопоставление его социальных и психологических аспектов.

Сознание психически здорового человека, согласно К.Ясперсу, имеет четыре аспекта:

- 1) чувство деятельности – осознание себя в качестве активного субъекта;
- 2) самосознание, осознание собственного единства в каждый данный момент жизни;
- 3) осознание собственной идентичности: тело и мысли являются моими, а не чужими; я остаюсь тем, кем был всегда;
- 4) осознание того, что «Я» отлично от остального мира, от всего, что не является «Я» [3, с. 160].

В нормальном варианте развитие сознания происходит поступательно: от первого уровня – к четвертому. Однако, при неблагоприятных обстоятельствах возможно отсутствие одного из перечисленных выше признаков, что свидетельствует о клинической аномалии – например, дереализации. «В контексте “личностного” подхода изменение “чувства реальности” изучается в рамках синдрома дереализации-деперсонализации, причиной которого считаются патологические нарушения таких сфер личности, как сознание и самосознание» [2].

В медицинской литературе используются различные дефиниции дереализации, которые не сводимы к единому определению. Однако основной акцент при всех исходных данных делается на (1) ощущение отчуждения от мира, (2) чувство призрачности окружающих вещей и событий и (3) утрату чувства действительности у субъекта. Довольно часто дереализация возникает совместно с деперсонализацией, вследствие чего в

международной классификации болезней (МКБ-10) они обозначаются как «Синдром деперсонализации-дереализации» (F48.1).

Синдром является специфическим патологическим изменением восприятия субъектом собственного тела (деперсонализация) и окружающей действительности (дереализация). У человека возникает ощущение, будто все его действия, речь совершаются помимо его воли и вместе с тем воспринимаются как отчужденные, осуществляемые другим лицом. «Когда перечисленные явления психического сопровождаются осознанием того, что они не принадлежат мне, чужды, автоматичны, существуют сами по себе, приходят извне, мы имеем дело с феноменом деперсонализации» [3, с. 160].

При дереализации же трансформируется восприятие окружающего мира: он чуждый, искусственный, лишенный ярких красок. Человек как бы выпадает из мира, ему кажется, что он живет вне реальности, вне происходящего. Соответственно, какая-либо деятельная активность субъекта полностью утрачивается. Кроме того, нарушается восприятие времени: оно кажется либо слишком ускоренным, либо застывшим на месте. При психических расстройствах явления дереализации и деперсонализации часто сопутствуют друг другу: например, при шизофрении, депрессии и БАР. Однако имеют место и внешние (социальные) стрессогенные факторы, которые способны привести к психическому дисфункционированию.

Дереализация же в социальном плане предстает как утрата субъектом реальности, или элиминация субъекта из реального мира. В современном обществе предпосылкой этого стало развитие и распространение масс-медиа, господство виртуального мира и цифровых технологий, которые привели к тому, что действительность оказалась вытесненной множеством символов, хаотичными и быстро сменяющимися картинками и графическими изображениями. «...реальное изображение, изображение реального пространства объекта, видимого орудия, уступило место телеизображению “в прямом эфире” – или, выражаясь точнее, в реальном времени» [1, с. 120]. Новостные ленты и телевизионная картинка конструируют новый образ действительности, который не всегда совпадает с явью и становится ее иллюзией. События прошлого преподносятся как уже-настоящее, а социальные столкновения и войны – как противоборство лозунгов и суждений, а не фактическое физическое столкновение. Современный человек не уверен в том, что мир – реален, истинен и вообще существует, он все менее ощущает свою сопричастность этому миру.

Поэтому не удивительно, что он испытывает сильную социальную дезориентацию и даже тревогу, в конечном итоге – дереализацию.

В настоящее время граница между реальным миром и виртуальным постепенно стирается. «Логический парадокс заключается в том, что изображение в реальном времени первенствует над изображаемой вещью, время приобретает перевес над реальным пространством» [1, с. 114]. В конечном итоге, можно утверждать, что... «эффект реальности» возобладал над принципом реальности» [1, с. 109].

Если раньше приоритетным являлось познание человеком реального, существующего мира, в наличии и истинности которого не было сомнений, то сейчас человек ограничен рамками собственного восприятия. П. Вирильо констатирует, что над исследованием и изучением объективной реальности начинает работать некая новая «машина зрения», поскольку естественный взгляд человека в силу своей ограниченности не способен реализовать поставленную задачу. «Что же такое цифровая оптика, как не рациональный образ опьянения, статистического опьянения, то есть затмения восприятия, поражающего в равной степени воображаемое и реальное? Наше общество словно погружается в ночь сознательного ослепления, где горизонт видения и знания застилает его воля к цифровой власти. Служа сегодня выражением мажоритарной статистической мысли, основанной на базах данных, синтетическая образность станет вскоре последней, итоговой формой рассуждения» [1, с. 138-139].

Таким образом, социальная и психическая дереализация имеют общие и специфические характеристики. В обеих интерпретациях окружающая действительность предстает нереальной, неистинной; а субъект ощущает дезориентацию и потерянность в мире. В случае социальной дереализации господство виртуальных технологий порождает замещение реальности и является продуктом цифровизации и развития информационных новаций, а в психической – патологией развития сознания и проблемой сферы психики.

#### **Список литературы**

1. Вирильо, П. Машина зрения / П. Вирильо ; пер. с фр. А. В. Шестакова; под ред. В. Ю. Быстрова. – СПб. : Наука, 2004. – 140 с.
2. Рыбин, Д. Н. Ценностно-смысловая детерминация феномена дереализации : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / Д. Н. Рыбин ; Барнаул. гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2005. – 21 с.

3. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс ; пер. с нем. Л. О. Акопяна. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 1056 с.

## **СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМСКИЙ МОДЕРНИЗМ В ТУРЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД ХУСЕЙНА АТАЯ**

**Озджан Айдын,**

аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель - Сидоренко Ирина Николаевна,

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры,

Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В статье рассматривается философская концепция турецкого мыслителя Хусейна Атая в рамках современного исламского модернизма в Турции. Отмечается, что его концепция исламского модернизма сосредоточена на обновлении мусульманской мысли в связи с осмыслением новых вызовов, стоящих перед мусульманской цивилизацией. Х. Атай строил свои рассуждения опираясь на идеи исламской теологии, однако при этом он весьма критически относился к вопросу определения места и роли ислама в новых цивилизационных процессах, видя в нем как универсальную сущность священного. Так и источник рационализации жизни современных мусульман. Делается вывод о том, что в проекте Х. Атая, направленном на обновление ислама, содержится гуманистический идеал и экуменический потенциал.

**Ключевые слова:** ислам; исламский модернизм; Коран; сунна; Х. Атай.

## **MODERN ISLAMIC MODERNISM IN TURKEY: THE PHILOSOPHICAL APPROACH OF HUSSEIN ATAY**

**Ozdzhn Aydin,**

PhD student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Scientific supervisor – Sidorenko Irina Nikolaevna,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture,

Belarusian State University

**Abstract.** The article analyzes the philosophical concept of Turkish thinker Hüseyin Atay within the framework of modern Islamic modernism in Turkey. It is noted that his concept of Islamic modernism focuses on the renewal of Muslim thought in connection with the comprehension of new challenges facing the Muslim civilization. H. Atay based his reasoning on the ideas of Islamic theology, but he was very critical of the issue of determining the place and role of Islam in the new civilizational processes, seeing it as a universal essence of the

sacred. As well as the source of rationalization of modern Muslims' life. It is concluded that H. Atay's project aimed at the renewal of Islam contains a humanistic ideal and ecumenical potential.

**Keywords:** Islam; Islamic modernism; Quran; Sunnah; H. Atay

Хусейн Атай (1930–2023) – один из ведущих турецких ученых республиканского периода, развивал рационалистическую методологию, опирающуюся на учение Корана. Его концепция сосредоточена на обновлении мусульманской мысли в связи с необходимостью становления новой цивилизации. Х. Атай строил свои рассуждения опираясь на идеи исламской теологии, однако при этом он весьма критически относился к вопросу определения места и роли ислама в новых цивилизационных процессах.

Зафиксируем точки отсчета для анализа философских идей Х. Атая в следующих двух тезисах:

1) В конце XX – начале XIX вв. не только мусульманский мир, но и все человечество столкнулись с проблемой, суть которой заключается в том, что в современных условиях невозможно полностью установить справедливость и свободу.

2) Х. Атай отстаивал идею создания нового цивилизационного дискурса, корни которого усматривал в основах мусульманской мысли.

С его точки зрения, сами мусульмане, основываясь на своем опыте освоения религии, не смогли создать динамичный и устойчивый цивилизационный дискурс. В связи с этим, Х. Атай полагал, что мусульманскую мысль следует перечитать с критических позиций. В этом случае следует опираться на рациональный подход – как метод, и Коран – как источник. Чтобы эти ресурсы можно было использовать должным образом, их необходимо очистить от идейных и идеологических наслоений. Это, как полагал Х. Атай, возможно сделать только с позиций объективной науки. Другими словами, необходимо осуществить возвращение исламской теологии (калама) к ее критическим, системообразующим началам [1, с. 134]. Коран – это божественное слово, которое обращается к людям посредством живого чтения, суть которого заключается в возможности вопрошания, понимания, и выработки решений для практических действий.

Х. Атай придерживался того мнения, что некритическое принятие идей, устоявшихся и признанных законными, легитимными в обществе, чревато порождением проблем и кризисов. В связи с этим он подчеркивал, что Коран целесообразно рассматривать не как закрытый и догматичный

текст, а как пространство биения живой мысли, допускающей свободу истолкования. К тексту Корана, соответственно, следует применять системный подход, в том числе иджтихад, особенно там, где рациональные умозаключения утратили свою прежнюю функциональность.

Цели и задачи, лежащие в основе текста Корана, турецкий мыслитель пытался раскрыть посредством рационального исследования, а не буквального прочтения, которое не является рациональным или критическим, а потому не проникает в сам текст, не раскрывает его имманентных целей. Х. Атай определил горизонт интерпретации священного текста: с рациональных позиций он отформатировал привычное синоптическое мышление и указал, что выявлять значение следует, опираясь на Слово Аллаха [2, с. 131].

Х. Атай считал веру естественной потребностью человечества, вместе с тем, истинной религией для него выступал «ислам Корана». Полагая, что Коран определенно является словом Божиим, Х. Атай принимал его как единственный и безупречный источник религии. Турецкий мыслитель критически оценивал исследования Корана и ислама немусульманскими западными исследователями, считая, что в них предвзято относятся к своему предмету, выдвигают противоречивые утверждения, и, если бы западные мыслители применили свой критический метод к своим сакральным книгам, они неизбежно увидели бы точки пересечения смысла и идей с текстом Корана. С другой стороны, Х. Атай заявлял, что конфуцианство, буддизм и индуизм возникли на основе человеческих чувств и чаяний, они были развернуты человеческим разумом с целью постичь невидимое и открыть людям метафизический мир, уловить невидимое за пределами видимого и изучить основу человеческого существования.

Значимым считаем убеждение Х. Атая о том, что религии открывают человеку радость и дарят удовольствие, выявляют красоту и полноту жизни. Однако, учитывая то, что до сих пор существует борьба между религиями, и нет возможности выстроить единые основания для их объединения в универсальном священном, в мире продолжают существовать раздор и конфликты, вражда и насилие. Согласно позиции Х. Атая, существующие религии нельзя назвать универсальными, поскольку они пытаются решать материальные и духовные проблемы народов с субъективной точки зрения, пользуясь избирательным подходом. Поэтому в исламе необходимо раскрыть потенциал для объединения разобщенных народов и, в этом плане, стать истинной религией. Сущность священного, согласно его

размышлениями, едина для всех религий, поэтому ислам должен сделать шаг вперед для осуществления единения религий и, тем самым, прекращения конфликтов и войн, угнетения и унижения [3, с. 122].

Х. Атай различает ту религию, которую исповедуют и практикуют в традиционных мусульманских сообществах, и собственно ислам. Первую он называет «народной религией», порождающей соответствующий образ мусульманского мира в глазах всех остальных народов. По его словам, исламская религия с самого начала была неправильно понята вскоре после смерти Пророка, т.е. после халифата Св. Омара, в результате чего появились разные подходы к пониманию Божественного слова, и мусульмане во всем мире потеряли шанс на формирование исламской цивилизации, оказавшись в положении отстающих. Вместе с тем, турецкий мыслитель высказывал надежду на то, что еще есть шанс для того, что исправить эту ошибку, а именно: возврат к Корану как к чистому источнику религии благодаря новому его пониманию и прочтению с рационалистических позиций. Х. Атай, который во многом полагался на разум и установленные им принципы, и даже называл это «невербальным откровением», считал, что возможности разума превосходят Коран. Он подчеркивал, что эти два источника знания поддерживают и дополняют друг друга, и считал, что без разума Корана не существовало бы, его бы не понимали. Он утверждал, что имитации мусульманства, которые мусульмане, отказавшись от рациональных основ постижения священного текста, осуществляли со второго столетия по Хиджре, несут наибольшую ответственность за ошибочные интерпретации ислама, ведущие к исламофобии в современном мире.

По мнению Х.Атая, разум является источником норм и подпитывается опытом при их установлении. В этом отношении шариатом считаются и суждения разума, несущие теологическую нагрузку. Причисляя к традиционализму приверженность прошлому в целом, Х. Атай хотел актуализировать единичные идеи и нормы, отражающие действительную сущность ислама и применимые, адаптивные в сегодняшних реалиях. Поэтому полагаем правомерным оценить его позицию как реформистскую. Х. Атай рассматривал период аср-и саадат, или эпоху благоденствия, т.е. время, когда жил Пророк Мухаммед, не как цель, которую необходимо достичь, а как отправную точку. Он понимал этот период не метафорически, когда каждый верующий должен жить в соответствии с религиозными и нравственными образцами, а исторически, как источник подлинных ценностей, содержащий ядро совершенной жизни [3, с. 123].

В своем подходе к религии Х. Атай не считал необходимым полагаться на сунну и хадисы, которые исламские правоведы и традиционные мусульмане считают вторым после Корана источником религиозных норм и практик. Основанием его позиции считаем мысль о том, что Пророк был обычным человеком и не имел никаких других отличительных качеств, кроме того, что получил Откровение. В связи с этим он полагал, что мнение, которого придерживается хадис или сунна, следует отвергнуть, если оно противоречит Корану, разуму и науке. Несмотря на то, что Х. Атай считал сунну и хадисы Пророка его, Мухаммеда, личным пониманием Корана, то есть своего рода иджитхадом, он сделал смелое заявление, утверждая, что, возможно, было бы неправильно принимать судебную практику, созданную в соответствии с условиями того времени, поскольку условия в сегодняшнем мире изменились [3, с. 124].

Х. Атай проводил различие между «религией Корана» и «религией ученых» в исламе. Он утверждает, что «религия Корана» является естественной религией в том смысле, что она содержит и предписывает положения, соответствующие природе человека, которые не принуждают его и не причиняют ему никаких проблем, а религия ученых, в свою очередь, – это извращенная религия, потому что она построена как религия институтов и организаций. В этом контексте Х. Атай говорил, что «религия Корана» существует для человека, для того чтобы служить ему, а в «религии ученых» человек существует для того, чтобы служить религии. Х. Атай придерживался того мнения, что, обратившись непосредственно к Корану и хадисам, можно будет исправить многие ошибочные практики, существующие среди современных мусульман, и, таким образом, религию можно будет легче понять и реализовать как основание универсального священного [3, с. 125].

По мнению Х. Атая, ход истории изменяют цивилизованные народы, а основной движущей силой цивилизации является религия. Цивилизация создается нацией, а не государством. Для того, чтобы возникла мусульманская цивилизация, Х. Атай считал необходимым развитие свободы мысли и обеспечение свободы выражения мнений. Он заявлял, что мысли не следует бояться, и обращался к правителям и государственным деятелям с просьбой установить нормы, защищающие свободу мысли [3, с. 127]. Для турецкого мыслителя важным было то, каков подход к религии и религиозности у правителей государства. Идеология не заменит религию, так как не в состоянии наполнить жизнь людей смыслом. Государство должно опираться на нацию, а нация, в свою очередь, – на религию.

То, что стремился сделать Х. Атай, – это не дать сообществу верующих превратиться в приверженцев устаревших и догматических традиций с ложным пониманием религиозных истин. Его гуманистический идеал заключался в обновлении ислама, в раскрытии его универсальной священной сущности, экуменического потенциала, а также в исправлении ошибок, которые были совершены во имя религии, когда, при обращении к Корану субъективные мнения принимались за подлинную религию.

#### **Список литературы**

1. Harun Kılınçaslan. Kelâm İlminin Medeniyet Tasavvuru Açısından Önemi: Hüseyin Atay'ın Konuya Bakışı // Danisname, sayı: 4, Mart 2022, S. 133–153.
2. Tülay Dodurga. Hüseyin Atay'ın İctihat Anlayışı / Basılmamış Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2022.
3. Salih Ataçeken. Hüseyin Atay'ın Dine Yaklaşımı / Basılmamış Yüksek Lisans Tezi. Konya, 2008.

## **ЖИВОТНОЕ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИХ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Павлова Виктория Валерьевна,**

аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** Работа характеризует животное как объект этико-философских и научных исследований. Очерчиваются сходства и различия в исследовательском подходе философских и научных дисциплин, демонстрируется различие их предметных областей при исследовании животного.

**Ключевые слова:** статус животного; этико-философский подход; научный подход; объект и предмет исследований.

## **ANIMAL AS AN OBJECT AND SUBJECT OF PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC RESEARCH**

**Pavlova Viktoria V.**

Postgraduate student of the Department of Philosophy of Culture  
Belarusian State University

**Abstract.** The work characterizes an animal as an object of ethical, philosophical and scientific research, demonstrates similarities and differences in the research approach of philosophical and scientific disciplines, as well as the difference in their subject areas in the study of an animal.

**Keywords:** animal status; ethical and philosophical approach; scientific approach; object and subject of research.

Понимание животного как фигуры, кардинально отличающейся от человека, инаковость животного активно обсуждается в современной философии, антропологии, культурологии, критических исследованиях животных и в целом в гуманитарных науках, то есть в науках о человеке, новым объектом которых парадоксальным образом оказывается не-человек. Подойдя вплотную к этому объекту, науки о человеке пересматривают и переопределяют свои границы, как на формально-дисциплинарном, так и на содержательно-теоретическом уровне. Именно благодаря этому тектоническому сдвигу животное как таковое, как целостный объект

обретает самостоятельное место в современной философии уже в качестве уникального предмета исследования.

*Философское понимание сущности животного*, построенное на рациональном изучении его характеристик, обнаруживает и акцентирует в большей мере принципиальные различия, несовместимость и непознаваемость человеком животного. В этой усиливающейся дихотомии, чтобы сохранить за животным некую ценность и нормализовать человеческое к нему отношение в рамках приемлемых социальных стандартов, философия (в первую очередь практическая философия) выработала ряд критериев, по которым животное приобретает свой статус, отличный от неодушевлённого ресурса.

Феноменологический подход в философии рассматривает животное как инобытие и особую форму Другого. Животное имеет гносеологическую ценность как объект познания и сравнения, антропологическую ценность как противопоставленное человеку «зеркало». Онтологически животное может представлять как артефакт либо «аватар» природы, обладающий недоступными нам знаниями, врождёнными навыками и характеристиками. Практически в каждом философском направлении можно обнаружить отсылки к животным. Они выступают, если не как реальные объекты, то как понятия и метафоры, расширяющие сложный абстрактный язык философии. Своим вниманием, философия, по меньшей мере, признаёт животных как объект исследования, а в отдельных случаях утверждает животных как ценный и необходимый инструментальный ресурс.

Этика в своём исследовании темы животных идёт дальше всех прочих философских дисциплин и ставит целью наделение животных особым моральным статусом для нормативной регуляции обращения, отсылок и коммуникаций с ними. Для выполнения этой задачи этика обращается к правовым основам, и уже на основании разных правовых подходов вырабатывает стратегии поведения и отношения людей к животным. Хотя сами животные как объект права – понятие весьма неоднородное и требующее уточнения. Поэтому необходимо чётко определять и обоснованно отделять одни виды животных от других. Например, П. Сингер открыто говорил о том, что его понятие животного «заканчивается где-то между креветкой и устрицей» [1, с. 102].

Совместная работа исследователей этико-философского направления создала внушительную теоретическую базу, позволяющую включить животное в число объектов исследования и вполне конкретно определить его ценность и значимость, как для человека, так и самого по себе как

уникального живого субъекта. Каждая из отраслей знания по-своему прошла этот путь исследования, однако волнообразная динамика от сближения человека и животного до тотального их различия является естественной и неотъемлемой характеристикой этого пути.

Итак, сделав животное объектом своего внимания, философия постепенно очертила и предметную область своего исследования животного. Она рассматривает животное со стороны человеческого взгляда и понимания, места и роли в человеческой культуре и обществе. Философия акцентирует внимание на схожести и различии уникального бытия животного в сравнении с человеческим существованием, сравнивает познавательные способности человека и животного, устанавливает аксиологические границы между ними. Философская дефиниция животного определяет его статус через его абстрактные ключевые характеристики.

Первой и, безусловно, основополагающей *естественной наукой, изучающей животных*, является биология и производные дисциплины, такие как физиология, психология и зоология. На основе этих областей знаний возникли сравнительная психология и зоопсихология, эволюционный анализ поведения и этология, которая представляет собой комбинацию этих научных дисциплин. Поведение животных является объектом изучения физиологии высшей нервной деятельности, зоопсихологии, генетики, молекулярной биологии, этологии. Особенно плодотворным для животноводческой практики представляется союз физиологии и этологии [2]. Подобного рода работы являются качественным, точечным и независимым изучением положения дел, отражают реальные условия и динамику жизни человека и животного в соседстве друг с другом; а также служат достоверной информационной сводкой для экономических и экологических подсчетов.

Однако изучением животных занимаются не только исследователи-биологи, этот объект включен в рассмотрение современной урбанистики, экологии, климатологии, экономики и др. Важно изучать повадки животных и для безопасности человека. Крайне острой и не теряющей актуальности является проблема использования животных в биомедицинских исследованиях.

Современное научное исследование животных не предполагает отношения к ним как к ресурсу, это комплексная профессиональная попытка понимания животного через всестороннее изучение его самого как независимого и автономного субъекта. Не просто признание животного как отдельной формы жизни, отличной от человека, но и изучение животных с

целью качественно иного с ними взаимодействия, даже если это взаимодействие приносит выгоду только одной стороне.

Итак, в отличие от философии, естественные науки интересуются животным и его характеристиками в отрыве от человека, выделяя у животного собственные уникальные особенности, в том числе неповторимые среди других животных. Научные дисциплины равно интересуются положением животного, как в человеческой среде, так и в его собственном пространстве, при этом фокус изучения остаётся на животном и его порядке взаимодействия с окружением.

Таким образом, этико-философские исследования и естественные науки рассматривают животное как общий объект изучения, однако предметная область их различна. Философия разворачивает свой предмет исследования через понимание «животного для человека», в то время как научные дисциплины имеют предметом отдельные характеристики животного как такового в его естественных взаимосвязях со средой. Именно точки пересечения двух оптик понимания животного в перспективе способны вывести знание об объекте исследования на качественно новый уровень, в противовес такому пути научных изысканий, когда два направления лишь углубляют, изолируют и дистанцируют собственные исследования единого объекта друг от друга.

#### **Список литературы**

1. Сингер, П. Освобождение животных / П. Сингер. – К. : Киевский эколого-культурный центр, 2002. – 136 с.
2. Лекции по этологии // Хелпикс : Материал для ознакомительного и учебного использования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://helpiks.org/2-46912.html>. – Дата доступа : 19.09.2023.

## ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

**Радевич Екатерина Владимировна**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В статье рассматриваются трансформации, которые происходят с образом человека под воздействием современных высоких технологий. Результатом этих изменений становится появление таких концепций как постгуманизм, трансгуманизм и ингуманизм, которые переосмысливают статус человека в эпоху постсовременности. Трансгуманизм рассматривает будущее человека в неразрывной связи с развитием технологий, которые способны улучшить природу человека, усовершенствовать его тело и продлить жизнь. Постгуманизм радикально переосмысляет статус человека, рассматривая его как основу для появления новых форм жизни, а ингуманизм, в свою очередь, предполагает, что человек не единственная значимая форма существования в природе, что дает основу для появления различного рода экологических движений и переосмысления места человека в культуре.

**Ключевые слова:** человек; культура; технологии; постгуманизм; трансгуманизм; ингуманизм.

## RETHINKING THE STATUS OF HUMAN IN THE AGE OF HIGH TECHNOLOGY

**Radevich Ekaterina V.**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and methodology of science,  
Belarusian State University

**Abstract.** The article examines the transformations that occur with a person's image under the influence of modern high technologies. The result of these changes is the emergence of such concepts as posthumanism, transhumanism and inhumanism, which rethink the status of man in the postmodern era. Transhumanism considers the future of man inextricably linked with the development of technologies that can improve human nature, improve his body and prolong life. Posthumanism radically rethinks the status of man, considering it as the basis for the emergence of new forms of life, and inhumanism, in turn, assumes that man is not the only significant form of existence in nature, which provides the basis for the emergence of various kinds of environmental movements and rethinking the place of man in culture.

**Keywords:** Man; culture; technology; posthumanism; transhumanism; inhumanism.

Феномен человека в современной культуре претерпевает существенные трансформации под действием высоких технологий. Это обусловлено фронтальным проникновением данных технологий во все сферы культуры и жизни общества. В результате такого взаимодействия появляются новые подходы в интерпретации человека и осмыслении его статуса в культуре, к которым относится трансгуманизм и постгуманизм. Это две связанные междисциплинарные философские концепции, которые рассматривают будущее человеческой эволюции и развитие технологий.

Трансгуманизм (Н. Бостром [1], С. В. Тихонова, Р. Курцвейл, М. Мор [5]) сосредоточен на использовании технологий для усовершенствования человеческой природы. Он предполагает, что человек может преодолеть свои физические, умственные и эмоциональные ограничения с помощью таких технологий, как генная инженерия, нанотехнологии, искусственный интеллект и кибернетика. Представители трансгуманизма считают, что эти технологии могут помочь человечеству достичь бессмертия, улучшить качество жизни и даже создать новые формы жизни. Некоторые представители трансгуманизма считают, что человеческий мозг может быть улучшен или расширен с помощью таких технологий, как нейрокомпьютерные интерфейсы, а нанотехнологии предлагают использовать для создания «умных» протезов и имплантатов.

Критики трансгуманизма обеспокоены тем, что эти технологии могут привести к еще большему разрыву между бедными и богатыми, а также к созданию новых форм дискриминации на основе технологических возможностей.

Постгуманизм (Р. Брайдотти [2], Ж. Бодрийяр, И. Хассан [4]) – это более широкая концепция, которая рассматривает не только улучшение человеческой природы, но и изменение самого понятия «человеческого». Постгуманизм утверждает, что будущее человечества может быть связано с созданием новых форм жизни, которые могут быть более развитыми, умными и способными, чем человек. Это может быть достигнуто с помощью таких технологий, как искусственный интеллект, генная инженерия и др. Постгуманисты считают, что эти технологии могут помочь нам создать новые формы жизни, которые могут быть более устойчивыми и способными к выживанию, чем человек. Роль человека в будущем постгуманистическом мире может быть неоднозначной. Некоторые постгуманисты считают, что человек может стать необходимым элементом в новых формах жизни, тогда как другие

предполагают, что человек может уступить место новым, более развитым формам жизни. Критики постгуманизма обеспокоены тем, что создание новых форм жизни может привести к потере человеческой идентичности и к созданию новых форм социальной и политической дискриминации.

Ингуманизм (П. Вульфендейл, Р. Брассье [3] и др.) – это концепция, которая выражает отрицание значимости или ценности человеческой природы и культуры в сравнении с другими формами жизни и природными явлениями. Ингуманизм утверждает, что человек не является центром Вселенной и не имеет особого положения перед другими живыми существами и природными явлениями.

Эта концепция часто связывается с экологическими движениями и философией животных, которые утверждают, что животные и другие формы жизни имеют равные права и заслуживают защиты от человеческой эксплуатации и жестокости. Также ингуманизм может быть связан с критикой антропоцентризма, который рассматривает человека как самую важную форму жизни и придает ему центральное значение во Вселенной.

Однако ингуманизм не означает отрицание человеческой природы и культуры в целом. Некоторые исследователи считают, что ингуманизм может быть использован для того, чтобы подчеркнуть, что человеческие проблемы не могут быть решены только на основе человеческих ценностей и культуры. Вместо этого необходимо учитывать и другие формы жизни и природные явления и рассматривать их взаимодействие с человеческой жизнью и культурой.

В заключении стоит отметить, что современную культуру невозможно рассматривать в отрыве от развития современных высоких технологий. Культура влияет на дальнейшее развитие технологического сектора, «предъявляя» требования к постоянному совершенствованию технологий в соответствии с актуальными тенденциями социального прогресса. В то же время ИКТ (информационно-компьютерные технологии) трансформируют современную культуру, влияя на ее ценностный пласт, который лежит в основе культурной традиции. Система ценностей через традицию дает устойчивость любому культурному образованию, обеспечивая его преемственность, трансмиссию, а современные ИКТ начинают оказывать влияние на традиционные формы культуры, в результате чего появляются новая социальная иерархия, новые формы профессиональной ориентации, трансформируется система образования, меняются традиционные формы идентичности – то есть изменяется сама культура.

В свою очередь, посредством современных информационных технологий и масс-медиа культура оказывает влияние на все остальные сферы общества – ИКТ приобретают роль универсального посредника, доминантного звена в структуре социума. Именно через них культура может влиять на основные тренды современного развития общества (экономического, политико-институционального и др.), это влияние проявляется через специфические «заказы» культуры к технологиям, определяющим векторы их дальнейшего развития.

#### Список литературы

1. Bostrom, N. A History of Transhumanist Thought / N. Bostrom. – Journal of Evolution and Technology, 2005. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 6-18.
2. Braidotti, R. The Posthuman / R. Braidotti. – Cambridge, UK: Polity Press, 2013. – 229 p.
3. Brassier, R. Prometheism and Its Critics / R. Brassier. – ACCELERATE : The Accelerationist Reader. Urbanomic. – P.467–487.
4. Hassan, I. Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture?/ I. Hassan. – The Georgia Review, 1977. –Vol. 4. – № 31. – P. 832–835.
5. More, M. The Overhuman in the Transhuman / M. More. // Journal of Evolution and Technology, 2010. – Vol. 21. – Issue 1. – P. 17–25.

## **КАНТОВСКИЙ МИРНЫЙ ПРОЕКТ КАК ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

**Румянцева Татьяна Герардовна,**

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии культуры,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** Несомненную актуальность в условиях, когда 2023 год объявлен в Беларуси годом мира и созидания, приобретают идеи тех мыслителей, которые следует рассматривать как философско-мировоззренческое обоснование мира и безопасности. Целью данной статьи является выявление сути кантовских воззрений на проблемы мира и войны, а также анализ процесса их переосмысления в трудах его ближайших последователей – И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля. Выявление эволюции представлений И. Канта о мире и войне позволило проследить сущность процесса трансформации кантовских идей в творчестве его ближайших последователей, пришедших к выводу о неосуществимости «вечного мира» и даже правомерности и нравственного значения войн.

**Ключевые слова:** Кант; «вечный мир»; война; эволюция взглядов Канта о войне и мире; Фихте; Шеллинг; Гегель.

## **KANT'S PEACE PROJECT AS A PHILOSOPHICAL AND WORLDVIEW JUSTIFICATION FOR THE SECURITY OF THE MODERN WORLD**

**Rumyantseva Tatiana Gerardovna,**

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Culture,  
Belarusian State University

**Abstract.** In the conditions when 2023 is declared in Belarus the year of peace and creation, the ideas of those thinkers which should be considered as a philosophical and worldview justification of peace and security acquire undoubted relevance. The purpose of this article is to identify the essence of Kant's views on the problems of peace and war, as well as to analyze the process of their rethinking in the works of his closest followers – Fichte, Shelling and Hegel. The identification of Kant's ideas evolution about peace and war allowed to trace the essence of the process of transformation of Kant's ideas in the work of his closest followers, who came to recognize that the "eternal peace" is not feasible and even the legitimacy and moral significance of wars.

**Key words.** Kant; "eternal peace"; war; evolution of the of Kant's views about war and peace; Fichte; Shelling; Hegel.

Несомненную актуальность в условиях, когда 2023 год объявлен в нашей стране годом мира и созидания, приобретает обращение к идеям тех мыслителей, которые следует рассматривать в качестве философско-мировоззренческого обоснования мира и безопасности. Среди этих идей именно кантовский проект «Вечного мира», написанный в 1795 г., и предназначенный, казалось бы, для той эпохи войн и революций, оказался актуален для всей будущей истории человечества. Его современники называли его и утопическим, и нереалистически-беспочвенным, и, тем не менее, сегодня он активно вовлечен в современный политический и философский дискурс, приобретая статус проекта, включенного в актуальные полемики по вопросам войны, мира и морально-нравственной проблематики, причем, наряду с предложениями и концепциями ныне живущих авторов. Не случайно известный немецкий писатель и философ Р. Сафранский писал, что «после кантовского проекта мира для всего мира не было предложено ничего, что по богатству мыслей и реализму можно было бы поставить рядом с этим проектом Канта» [цит. по 1, с. 249] Этот кантовский проект как бы опровергает упреки всех тех, кто обвиняет нас, философов, что мы витаем в облаках и далеки от реальности.

Учитывая, что мы, философы, в той или иной мере знакомы с текстом трактата «К вечному миру», следует лишь кратко очертить его основные идеи, показать их эволюцию в более поздних текстах мыслителя и, опять же очень кратко, показать, как шел процесс переосмысления этих кантовских идей в творчестве его ближайших последователей – И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля.

Напомню, что главной идеей трактата «К вечному миру» является проблема установления состояния «вечного мира» между государствами. Кантовский проект, ставший самым известным в истории европейской мысли произведением на тему войны и мира, разумеется, не был первым трактатом на эту тему. И в Древней Индии, и в эпоху античности, и в Средние века философы рассуждали о мире, пытаясь реализовать вековую мечту человечества. Самые выдающиеся умы Нового времени и Просвещения, включая и Лейбница, и Вольтера, и даже Фридриха Великого, не говоря уже об Э. Роттердамском, Я. А. Коменском, У. Пенне, Ш.-И. де Сен Пьере, Ш.Л. де Монтескье, и Ж.-Ж. Руссо, рассуждали на эту тему. Главной же особенностью учения Канта принято считать то, что он, в

отличие от своих предшественников, пытался обосновать неизбежность вечного мира, опираясь не на моральные аргументы, как это делали его предшественники, а на социально-политические доводы.

Если очень кратко все же воспроизвести главные идеи трактата, то они сформулированы в т.н. «прелиминарных» и «окончательных» статьях его работы в виде основных принципов и предпосылок к достижению мира. В первом разделе работы он формулирует и подробнейшим образом разъясняет смысл *предварительных статей* договора о вечном мире между государствами, принятие которых и должно постепенно привести к такому состоянию.

1) Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны. 2) Ни одно самостоятельное государство не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара. 3) Постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть. 4) Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел. 5) Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств. 6) Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира [2, с. 357; 359; 361; 363; 365].

Далее Кант формулирует т.н. «окончательные» статьи, призванные обеспечить уже достигнутый между государствами мир на вечные времена. Речь идет о социальных предпосылках вечного мира: 1) «гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским» [2, с. 371–405]. При этом основной принцип республики у Канта – это правовой порядок, гласность и отделение исполнительной власти от власти законодательной. 2) Федерализм свободных государств, который есть основа международного права, гарантирующая вечный мир. 3) статья гласит, что «право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства», когда каждый человек должен иметь возможность посетить любую страну, не подвергаясь при этом каким-либо нападениям или враждебным действиям.

Кант говорит и о *гарантии* вечного мира, которую дает «великая в своем искусстве природа», цель которой – «развитие всех человеческих задатков, вложенных природой в человечество с помощью совершенного государственного устройства как единственно возможного состояния» [2, с. 405]. Иначе говоря, объективный механизм самой человеческой природы

гарантирует социальный прогресс и достижение вечного мира. Люди, как и государства, и народы, просто вынуждены регулировать отношения друг с другом с помощью специально устанавливаемых законов и норм, вступать в отношения сотрудничества и взаимопомощи. Этого требует разум, категорический императив.

Есть у Канта еще одна, так называемая «тайная», статья договора, которая сводится к тому, что государства, вооружившиеся для войны, должны принять во внимание максимы философов об условиях возможности общего мира [2, с. 426]. Для государства будет весьма благоразумно искать поучения о принципах своих отношений с другими государствами у философов, хотя для него это может быть весьма унижительно, так как последние являются его подданными. Поэтому следует привлекать их негласно, но философы должны свободно и публично высказываться об общих максимах ведения войны и заключения мира (это они уже сами будут делать, лишь бы им не запрещали). Это, правда, не означает, что государство должно предпочесть принципы философа решениям юриста; это мнение следует просто выслушать. В отличие от Платона, Кант не ожидает, что короли будут философствовать, а философы станут королями; этого, считает он, не следует и желать, «но короли или самодержавные народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк класс философов, а должны дать ему возможность выступать публично; это необходимо и тем и другим для внесения ясности в их деятельность» [2, с. 429].

Работа включает в себя также *два приложения*, главной идеей которых становится вечная и всегда актуальная проблема о соотношении между политикой и моралью. Кант был убежден, что между политикой как практическим правоведением и моралью как теоретическим правоведением не может быть спора, а их единство возможно только на основе права.

Философ прекрасно осознавал, сколько препятствий стоит на пути к вечному миру, но он не отказывался ни от самой этой идеи, ни от ее реализуемости. Нам так и хочется упрекнуть его в наивности. В самом деле, вся история прошлого, да и современности, вряд ли дают нам основания для признания реализации его идеала. Но он черпал уверенность правоты своих взглядов как раз из следствий таких негативных процессов, сопровождавших человеческую историю, считая, что следует смело взглянуть в глаза такому «опасному, лживому и предательскому, хотя и мудрствующему злему принципу в нас самих, оправдывающему все преступления на слабость человеческой природы... и победить коварство

этого принципа» [2, с. 457]. Кант здесь имеет в виду, что страдания и бедствия войн могут подтолкнуть к интеграции государств и в перспективе к продолжительному и прочному миру. Более того, он как настоящий философ, писал еще и о т.н. метафизико-телеологической гарантии движения народов к миру. Он имел в виду то, что разум и всеобщая воля через разногласия все равно приведет их к согласию. Он пишет: «Так что с точки зрения разума результат получается такой, как если бы этих склонностей не было бы совсем, и таким образом человек принуждается быть если не идеально добрым человеком, то во всяком случае хорошим гражданином...природа хочет, чтобы право неодолимо получило в конце концов верховную власть. То, что в этом отношении не сделано, совершится в конце концов само собой, хотя и с большими трудностями» [2, с. 419; 421].

Когда некоторые авторы упрекают Канта и говорят о невозможности установления вечного мира, они не совсем понимают сущность его философии как таковой, целью которой является установление безусловно-всеобщих законов познания, нравственности и человеческой истории в целом. По аналогии с упоминаемыми в разделе об идеях разума в «Критике чистого разума» идеями добродетели или же идеального государства, как примеров несбыточного совершенства, возможного лишь в нашем уме, идея вечного мира также не является химерой. От нее, по Канту нельзя отказаться, апеллируя к такому жалкому предлогу как ее неосуществимость. Подобно тому, что любое суждение о моральном достоинстве человека возможно только при посредстве идеи добродетели, благодаря которой мы приближаемся к собственному моральному совершенству, и идее свободы, которую каждый раз следует брать за основу при составлении конституции того или иного государства и его законов, принцип вечного мира является идеалом взаимоотношения между народами, несмотря на всю сложность его реализации. Иначе говоря, эта идея Канта во многом носит трансцендентальный характер, указывая на то, каково должно быть отношение между людьми и государствами, являясь конкретизацией его категорического императива применительно к международным делам.

Следует, однако, проследить некоторую эволюцию взглядов И. Канта о мире и войне в таких его работах как – «Критика способности суждения (1790) и «Метафизика нравов» (1797). Философ достаточно часто обращается в этих текстах к анализу проблематики войны. Анализ «Критики способности суждения» позволил выявить ранее почти не приводимые, или по крайней мере крайне редко упоминаемые в литературе о Канте, его позитивные оценки войны. Так, он находит в войне и «нечто возвышенное»,

полагая, что длительный мир способствует «господству торгового духа, трусости, низкого корыстолюбия, изнеженности и принижает образ мыслей народов» [3, с. 133]. И если в трактате «К вечному миру» он утверждал, что установление мира между народами и правовых отношений между государствами является необходимой предпосылкой реализации главной цели истории как развития всех человеческих задатков с помощью совершенного государственного устройства, то в «Критике способности суждения» речь у него идет о неустрашимости войн и, более того, об их способности к распространению ряда таких добродетелей, как равенство, мужество, воинская доблесть, самопожертвование и другие положительные человеческие качества, которые никак не могут быть сформированы в мирное время. Это дает возможность проследить дальнейшее развитие взглядов о войне и мире в немецкой философии XIX века.

Так, его ближайшие последователи существенным образом переосмысливают проект «вечного мира». Это будет обусловлено отнюдь не их личными пристрастиями и предпочтениями, а теми существенными трансформациями, которые будет претерпевать сама эпоха. В раздробленной полиэтнической стране начнет формироваться немецкая нация; отсюда нельзя вычесть и наполеоновские войны начала XIX века, поставившие ряд европейских народов, включая Германию, в униженное положение угнетенных наций и приведшее, в конечном счете, к переоценке со стороны ее идеологов и философов отношения к войне и миру.

Так Фихте приходит к признанию необходимости ведения не только справедливых освободительных войн против агрессора, но и тех, которые вызваны «разумными» намерениями независимых государств-автархий «получить свои естественные границы». Анализ дальнейшей эволюции его идей в «Основных чертах современной эпохи» и «Речах к немецкой нации» показал, что, конструируя модель будущего «государства разума», Фихте отводит в нем главную роль только одному народу – немцам, якобы исторически наделенным цивилизаторской миссией спасения человечества. Признание возможности ведения такого рода войн привело впоследствии к использованию этой идеи отнюдь не в мирных целях [4, с.314–315].

Что же касается Шеллинга, то если в ранних своих текстах он позитивно оценивал идеи Канта и выдвигал конкретные институциональные решения, способствующие достижению мира, то уже в «Штутгартских лекциях» он критически относится к кантовскому мирному проекту, связывая его переосмысление со своей критической позицией в отношении государства; в войне он увидел явное свидетельство отсутствия

«органического» духовного единства в государстве, которое оно стремится компенсировать с помощью войн. Еще позднее Шеллинг приходит к прямой апологии идеи священной войны и признанию ее позитивного значения, так как она, якобы, препятствует превращению государства в средство для удовлетворения прагматических запросов граждан.

Точка зрения Гегеля по вопросу о войне и мире также менялась на протяжении всей его жизни. Если в юношеских работах он включил кантовскую идею о мире в качестве одного из пунктов своей тогдашней политической программы, связывая осуществление вечного мира с реализацией «более высокой идеи» – идеи свободы, то в результате длительной эволюции своих взглядов он постепенно приходит к отказу от просветительского идеала «вечного мира» и переходит к защите идеи войны. Сначала в «Феноменологии духа», затем в «Энциклопедии философских наук» и, наконец, в «Философии права» он высказывает ряд весьма одиозных суждений о войнах, самым известным из которых стало то, что «война сохраняет нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей, ...предохраняя народ от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжающегося и тем более вечного мира»[5, с. 213-214]. Согласно Гегелю, война необходима: а) как средство для защиты суверенитета государства; б) для сохранения нравственного здоровья его граждан, поднимая отдельную человеческую жизнь до высокого дела свободы и нравственности; в) с целью предотвращения внутренних смут и укрепления государственной власти. Такие альтернативные кантовским гегелевские идеи станут впоследствии мировоззренческим и концептуальным основанием ряда последующих милитаристских теорий, способствовавших рационализации и апологетике войны.

Что же касается кантовской идеи вечного мира, то она сумела пережить века. И сегодня, когда мы вновь и вновь обращаемся к его мирному проекту, продолжаешь восхищаться тем, как точно этот мыслитель предвосхитил основополагающие условия и предпосылки для сохранения мира и безопасности, которые актуальны и сегодня.

#### **Список литературы**

1. Мотрошилова, Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Н. В. Мотрошилова. – М.: ИФРАН, «Канон+», 2010. – 480 с.

2. Кант, И. К вечному миру // И. Кант. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Том 1. «Трактаты и статьи» (1784-1796). – М.: «Ками», 1993. – с. 353-479.
3. Кант, И. Критика способности суждения // И. Кант. М.: «Искусство», 1964. С. 367 с.
4. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации / И. Г. Фихте. С-Пб.: Наука, 2009. – 350 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. М.: Мысль, 1990. – 524 с.

## ЦЕННОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

**Сайганова Вероника Святославовна**

канд. филос. наук, доцент, декан факультета философии и социальных наук  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению ценности научного знания в социальной и культурно-исторической эпистемологии. Раскрывается своеобразие интерпретации знания как социального явления в социальной эпистемологии. Обосновывается понимание научного знания как исторической и культурной ценности в культурно-исторической эпистемологии.

**Ключевые слова:** знание; научное знание; эпистемология; ценность.

## THE VALUE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN SOCIAL AND CULTURAL-HISTORICAL EPISTEMOLOGY

**Saiganova Veronica Svyatoslavovna**

PhD (philosophy), docent, Dean of the Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

**Abstract.** The article is devoted to the consideration of the value of scientific knowledge in social and cultural-historical epistemology. The uniqueness of the interpretation of knowledge as a social phenomenon in social epistemology is revealed. The understanding of scientific knowledge as a historical and cultural value in cultural-historical epistemology is substantiated.

**Key words:** Knowledge; scientific knowledge; epistemology; value.

В аспекте постулирования ценностей мира и созидания в современном обществе актуальным будет обратиться к вопросу ценности научного знания, как стратегического социокультурного ресурса. Столкнувшись в последние годы с серьезными экологическими и социально-политическими вызовами, современное общество обнаружило состояние тотальной зависимости от своей научной и научно-технологической результативности, что привело к нарастанию непредсказуемости как природных, так и социальных процессов. В этой связи гуманитарная культура пересматривает само понятие научного знания, а эпистемология, как учение о знании, постоянно обнаруживает новые формы своего проявления в культуре.

В анализе аксиологических аспектов научного знания можно выделить как минимум два устойчивых в своих исследовательских интересах направления эпистемологии, а именно социальную и культурно-историческую. В содержании социальной и культурно-исторической эпистемологии существуют схожие ориентиры в понимании научного знания, поэтому данные направления зачастую не имеют жестких демаркационных определений. Однако, рассматривая познание как сложный социальный и культурно-исторический феномен, данные направления имеют методологические особенности [1, с. 48-48].

Социальная эпистемология рассматривает научное знание с точки зрения его существования в обществе, социальных обстоятельств познания. Основатели социальной эпистемологии (Э. Голдман, У. Элстон) представляли ее как комплекс исследований, в которых интерес к знанию пересекается с интересом к практической социальной жизни, воздействующей на то, что именно и как познается. Так у Э. Голдмана акцент делается на социальные практики и их воздействие на процессы приобретения знаний [2, с. 114-118], а У. Элстон подразумевает, что существуют «санкционированные социумом процедуры и методы», которые направлены на приобретение знания [3, р. 29].

Так, социальная эпистемология описывает реальность современной науки, акцентируя включенность науки во все виды социальных отношений (экономические, политические, правовые и др.) на правах социального института, подчиненного социальным нормам. И.Т. Касавин подчеркивает социальные условия познания как сущностные характеристики научного знания, где «содержание и форма знания социальны от начала до конца» [4, с. 908]. Субъект и объект познания рассматриваются социальной эпистемологией как социальные конструкции, подчиненные социальным условиям, позволяющим познавать только так, как это диктуют социальные нормы и правила. В рамках данного направления научное знание выступает полноправным социальным явлением и имеет идеологический статус в системе отношений социального производства, однако изучение знания как феномена растворяется в его социальных условиях.

Признавая ценность научного знания лишь с позиции понимания его как социального явления, социальная эпистемология, таким образом, подчиняет научное знание внешним социальным закономерностям его развития и посягает на автономный характер научного знания в аспекте его внутренних законов существования. Например, прагматические ориентиры современного общества ориентируют оценивать научное знание с точки

зрения его быстрой результативности, практической и экономической эффективности, что привело к переориентации науки от фундаментальных исследований к прикладным, и, как следствие, к переориентации системы образования в том числе.

Культурно-историческая эпистемология настаивает на ценности научного знания как культурного и исторического феномена. Предпосылки культурно-исторической эпистемологии относятся к идеям в области критики позитивизма и истории науки во Франции в начале XX вв., а в частности, к истокам исторической эпистемологии, как самостоятельного направления в эпистемологии. Среди относительно современных авторов к традиции исторической эпистемологии в западной философии науки можно отнести Я. Хакинга, М. Фридмана, П. Галисона, Г. Хатфилда и других исследователей, которые рассматривают научное знание через анализ его историчности. Перспективным комплексом исследований в рамках культурно-исторической эпистемологии является современная российская философия науки в лице преимущественно Б.И. Пружинина, И.С. Дмитриевой, Л.А. Микешинной, А.А. Печенкина, Л.В. Шаповаловой и др.

Культурно-историческая эпистемология также как и социальная исходит из установки, что научное знание в его субъект-объектной структуре зависит от социальных условий познания, однако в рамках данного направления акцентируется не просто социальность науки, но ее культурно-историческое значение. Российские исследователи подчеркивают эвристичность культурно-исторической эпистемологии в качестве парадигмы для междисциплинарных исследований, говоря о том, что культурно-историческая эпистемология погружена в самую познавательную работу ученых и обнаруживает себя лишь в ходе этой работы, как ее важнейшая составляющая, акцентируя внимание ученого на «историзме его сознания, на его включенности в решение конкретных социокультурных задач и, тем самым ориентирует его на расширяющиеся культурные и исторические проекции его работы» [5, с. 140]. Для культурно-исторической эпистемологии научное знание и истина самоценны и зависят от ценностей культуры, а не от социальных условий и потребностей.

Таким образом, культурно-историческая эпистемология подчеркивает динамику живой науки как культурного феномена, своеобразную произвольность мнений ученых, интерсубъективные смыслы научного поиска, эвристический потенциал научного сообщества.

Например, по мнению Л.А. Микешинной, гуманитарные науки реализуют две основные возможности: когда объектом познания становится представленный через текст мир (духовный и материальный, природный и социальный); когда объектом познания становится сам текст, его языковая природа, структура и средства выражения. И если во втором случае речь идет о значении, интерпретациях, различных формах текстового анализа, то в первом случае через текст постигается мир и реализуется собственно эпистемологический подход, где возможно ставить вопрос об истине как соответствии знания, содержащегося в тексте и за его пределами. Для эпистемологии текст, как исходная точка всякой гуманитарной дисциплины, концентрирует в себе особенности гуманитарного знания и познавательной деятельности, а именно его коммуникативную и ценностную природу [6, с. 304-305]. В эпистемологическом анализе текста важнейшими являются очевидные философско-мировоззренческие предпосылки и основания, а также неявные требования и нормы, порождаемые коммуникативной природой текста, его включенностью в культурно-исторические условия. Таким образом, когнитивная практика гуманитарных наук дает возможность ученым не только изучить формы рефлексии ценностных компонентов, но одновременно увидеть, как текст независимо от своего содержания предстает выражением эпохи, человека, тем самым «принцип историзма не просто предпосылается, но обретает методологические, эвристические функции в исследовании и объяснении» [6, с. 306].

Подводя итог, следует отметить, что различное определение ценности научного знания в социальной и культурно-исторической эпистемологии взаимодополняют друг друга, предоставляют возможности полилога, обмена смыслами, открытости для нового и допустимости альтернативных способов интерпретаций научного знания. Современная эпистемология в ее социальном и культурно-историческом измерении перспективна с точки зрения разработки исследовательских программ междисциплинарного взаимодействия, конструктивной научной коммуникации, основанной на творческом поиске и признании научного знания исторической, социальной и культурной ценностью, что способно благоприятно отразиться на аксиологических аспектах современного общества.

#### **Список литературы**

1. Сайганова, В.С. Экспериментальная методология социально-гуманитарного познания: эпистемологический аспект / В.С. Сайганова // Журнал

Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2023. – № 2. – С. 46-51.

2. Goldman, A. Epistemic paternalism: Communication control in law and Society / A. Goldman // *Journal of philosophy*. Vol. 8. – 1991. – P. 113-131.

3. Alston, W.P. Belief-forming Practices and the Social / W. Alston // *Socializing Epistemology. The Social Dimensions of Knowledge*. – Littlefield publ., 2004. – P. 28-43

4. Касавин, И.Т. Социальная эпистемология // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / [ред.кол. И.Т. Касавин (гл.ред)и др.]. – М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 908-909.

5. Пружинин, Б.И. Знание как ценность: этюд по культурно-исторической эпистемологии / Б.И. Пружинин // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. – 2014. – №1. – С. 135-141.

6. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 439 с.

## ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МУЗЫКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

**Сакович Фёдор Юрьевич**

студент факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

**Воробьева Светлана Викторовна**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры факультета  
философии и социальных наук Белорусского государственного университета

**Аннотация.** В статье раскрыты прагматические аспекты музыки в условиях социальной турбулентности. Они обусловлены особенностями музыкальной эпистемологии как источника утилитарных смыслов и необходимостью разграничения созидательной и разрушительной силы музыки. Обосновано, что музыкальная эпистемология построена на связях музыки с математикой и логикой. Первая связь обнаруживается посредством различимости гармонии, ритма и мелодии, вторая проистекает из внутренних отношений музыки и математики, отображаемых в понятии музыкальной формы как организации музыкального целого и условия его восприятия. Основное значение для образования музыкальной формы имеет взаимодействие мелодии, гармонии и ритма, из чего проистекает созидательная сила музыки.

**Ключевые слова:** музыкальная эпистемология; музыка и математика; музыка и логика; гармония; ритм; созидательная сила музыки.

## PRAGMATIC ASPECTS OF MUSIC IN CONDITIONS OF SOCIAL TURBULENCE

**Sacovich Fiodor Yurevich**

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

**Vorobyova Svetlana Vikrorovna**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy  
of Culture,

Belarusian State University

**Abstract.** The article reveals the pragmatic aspects of music in conditions of social turbulence. They have determined by the peculiarities of musical epistemology as a source of utilitarian meanings and the need to distinguish between the creative and destructive powers of music. It is substantiated that musical epistemology is built on the connections of music with

mathematics and logic. The first connection has revealed through the distinctiveness of harmony, rhythm and melody, the second stems from the internal relations of music and mathematics, reflected in the concept of musical form as the organization of the musical whole and the conditions for its perception. Of fundamental importance for the formation of musical form is the interaction of melody, harmony and rhythm, from which the creative power of music stems.

**Keywords:** musical epistemology; music and mathematics; music and logic; harmony; rhythm; the creative power of music.

Для описания глобального мира, переживающего переход к многополярному способу существования, все в меньшей степени становятся применимы такие термины как «гармония», «ритм», «порядок» и все в большей степени – «хаос», «неопределенность». Отсюда вытекает актуальность музыки и ее прагматического характера в философском и социально-гуманитарном познании. Музыка имеет непосредственное отношение к теме антропологического кризиса конца XX – первой четверти XXI века, так как является атрибутом биолого-психологических, экзистенциальных и социально-культурных оснований бытия человека. Квинтэссенцией кризиса выступает, с одной стороны, «разорванный» человек, протестующий «против тотального объективизма» и тоскующий «по утерянной целостности и гармонии мира» [1, с. 203]. С другой, – человек в цифровых условиях получает неограниченный доступ к всевозможной музыке – от ее классических форм до формальных и стилистических модификаций. В таком контексте представляется важным раскрыть прагматические аспекты музыки в условиях социальной турбулентности.

Музыка как феномен человеческого бытия всегда была связана с прагматическими представлениями человека о мире и о себе. Она, во-первых, открывает вход в звуковую среду (пространство звука), значит, в сферу музыкальной деятельности, которая способствует расширению границ чувственно-эмоционального опыта и сознания как динамической модели мира, во-вторых, «разворачивает» человека к познанию самого себя, способствует нахождению своего места в мире, пониманию переживаемых состояний. Поэтому музыка выполняет ряд прагматических функций, дифференцируемых, например, как общемировоззренческая, гносеологическая, медико-терапевтическая функции. Их реализуемость обусловлена особенностями музыкальной эпистемологии, составляющей первооснову самой музыки, значит, источник прагматики.

Музыкальная эпистемология раскрывается, в первую очередь, в контексте связей музыки с математикой и логикой. Применительно к звучащим в речи словам такая связь определяется следующим образом: если первая связь защищает от числового абсурда, то вторая – от абсурда смыслового. Обоснование связи музыки и математики восходит к античной философии. Согласно Пифагору, Платону, Аристотелю, неоплатоникам и пифагорейцам, субстанциальным основанием музыки является математическая гармония, фиксируемая в виде числа и числовых пропорций [2, с. 154–167]. В частности, Пифагор объяснял палитру чувств, вызываемых музыкой, априорно заложенной в ней гармонией [3, с. 129]. Платон разработал учение о гармонии космических сфер, распространяя ее на пифагорейскую эстетику. Например, в диалоге «Тимей» он изложил теорию небесного гептахорда, в которой раскрыл «тождество музыкально-космических связей – отношений между семью планетами и музыкальными интервалами» [3, с. 129]. Уточним, что под гептахордом (букв. *пять струн*) в теории музыки понимается пятиступенный звукоряд диатонического ряда в диапазоне чистой квинты, который может быть построен от любой ступени, например, *ми–фа–соль–ля–си*.

В диалоге «Филеб» Платон изложил представления о числовой природе музыкальной гармонии на основе трех начал: истины, красоты и меры [4, 65в]. Музыкальная гармония, являясь воплощением мировой гармонии, выражает соразмерность и согласованность числовых структур, онтологией которых выступают звуки как основа мироздания. Музыкально-числовые структуры находят отражение в ритмических структурах, которые могут усиливать или успокаивать различного рода аффекты. Поэтому человек более всего нуждается в музыкальной гармонии. Платон, разрабатывая концепцию идеального государства, учитывал тот факт, что «музыка способна разжигать и доводить до предела» человеческие страсти, превращать аффекты в огонь или гасить их, «поддерживать в равновесии эмоциональное состояние людей» и, подобно разуму, вести их «по правильному пути жизни» [5, с. 56].

Музыкально-числовые структуры сопряжены с ритмом, который является не только основой всех музыкальных произведений. Он лежит «в основе движения мира и жизни по определенным правилам и траекториям» [5, с. 56]. Ритмические фигуры Платон назвал «метром» или «размером», указав, что именно от их числа зависит качество жизни. Например, жизнь воинов должна опираться лишь на такие размеры, которые ей соответствуют [6, с. 28]. Поэтому Платон, исходя из прагматических

соображений, исключил многоголосие и смешение ладов, отсеяв для этого музыкальные лады, которые содержат причитания, жалобы, изнеженность, праздность, а из музыкальных инструментов оставил лишь распространенные в городе кифару и лиру, в сельской местности – свирели и флейты. Высшему благу в мире идей соответствуют два лада – «вынужденный» (дорийский) и «добровольный» (фригийский). Поэтому идеальному воину нужен «вынужденный» лад, «который подобающим образом подражал бы голосу и напевам человека, находящегося в гуще военных действий и вынужденного преодолевать всевозможные трудности» [7, с. 399]. Для тех, «кто в мирное время занят не вынужденной, а добровольной деятельностью и поступает разумно и рассудительно» предназначен «добровольный» лад [7, с. 375].

Субстанциальным основанием музыки наряду с числом является логика, происходящая из внутренних отношений музыки и математики. Вопросы, связанные с тем, как оживлять звуки и открывать смысл в музыке, проистекают из освоения принципов музыкальной логики, актуальных для понимания классической тональной системы. Эта логика, в свою очередь, сходна с общей логикой как классическим дисциплинарным знанием, отражающим повторяющиеся отношения объектов в реальности. По определению В.П. Середы, музыкальная логика – смысловая связь элементов, которую «следует отличать от любого их случайного соседства» [8, с. 8]. Такая связь противопоставляет бесформенности нечто оформленное, например, способы связи интервалов и аккордов, характерных для классической музыки, связаны со схемами преобразования неустойчивых звуков в устойчивые [8, с. 6].

Формообразующее действие гармонии и ритма наряду с мелодией (одноголосно выраженной музыкальной мыслью) является основополагающим в музыкальной форме. В широком смысле она отражает идейно-эмоциональное содержание, отображая диалектическое единство формы и содержания. В узком смысле – организацию музыкального целого, представляющего собой логически взаимосвязанное расположение и взаимодействие частей в статике и динамике и способы развития музыкального материала. Исходя из особенностей организации музыкального целого, выводятся его типовые формы, каждая из которых имеет свои разновидности. «Когда мы воспринимаем музыку, то ясно, что, как музыка не далека от логики, она требует всего того феноменологического аппарата восприятия, какой нужен и для восприятия отдельных вещей в целях логического мышления над ними. И прежде всего

тут необходимо особое *sui generis восприятие формы*» [9, с. 275]. Присутствие в цитате латинского выражения *sui generis* означает указание на уникальность конструкции, относительно которого оно применяется: «восприятие формы». Если логика фиксирует «идеальную неподвижность» музыки, то в остальном музыка «сплошная текучесть, неустойчивость, динамизм..., напряжение и длительность» [9, с. 276]. Такое разграничение позволило А.Ф. Лосеву раскрыть «музыку как феноменологический способ постижения непостижимого» [10, с. 112–115].

Музыка в условиях социальной турбулентности составляет источник как созидательной, так и разрушительной силы, на что указал Платон, показав, каким образом она участвует в формировании стиля и образа жизни. Поэтому применительно к музыке можно говорить о логике чувств: «музыка своим существованием нарушает привычное представление о том, что чувства по своей природе спонтанны и не укладываются какую-либо схему. Именно в музыке чувственная сторона внутренней жизни человека, окутанная тайной, оказывается выверенной с точки зрения определенных закономерностей» [11, с. 7–8]. Созидательная сила музыки проявляется в единстве гармонии, выражающей соразмерность и согласованность, и ритме, лежащем в основе движения и жизни во времени. Гармония означает, порядок, строй, лад, слаженность, соразмерность, системность, поэтому она отражает прагматическую эпистемическую установку, ориентирующую на осмысление мироустройства и человека в нем с позиции их глубинной внутренней упорядоченности,

В условиях социальной турбулентности, сменившей стабильность, формообразующее действие гармонии, ритма и мелодии применимо в профилактике массовых и индивидуальных психозов. Например, концепция социальной турбулентности, разработанная Э. Тристом и Ф. Эмери, предполагает «смягчение эффектов будущих потрясений», для чего необходима подготовка населения к будущим кризисам, связанным с дефицитами, коллапсами и терроризмом. Негативные аспекты подобной подготовки связаны с тем, что люди разобщаются, «пытаясь поодиночке бежать от шокирующих реалий, уходить в себя, находить успокоение в отрицании действительности и популярных развлечениях, но при этом в любом момент будут готовы к вспышке ярости» [12].

Таким образом, искомые аспекты музыки обусловлены, во-первых, особенностями музыкальной эпистемологии как источника утилитарных смыслов, во-вторых, разграничением созидательной и разрушительной силы музыки. Музыкальная гносеология построена на связях музыки с

математикой и логикой. Первая связь обнаруживается посредством различимости гармонии, ритма и мелодии, вторая проистекает из внутренних отношений музыки и математики, которые и представляют собой логику, отображаемую в понятии музыкальной формы как организации музыкального целого и как условия восприятия музыки. Основное значение для образования музыкальной формы имеет взаимодействие мелодии, гармонии и ритма, из чего проистекает созидательная сила музыки.

### Список литературы

1. Сидоренко, И.Н. Синтез марксизма и психоанализа как основание развития критических идей Г. Маркузе и Э. Фромма / И.Н. Сидоренко // Психоанализ и общество: коллективная монография. – М.: Академический проект, 2022. – С. 200–216.
2. Коломиец, Г.Г. Философские беседы о музыке простым языком: пифагорейское число и мировая музыкальная гармония / Г.Г. Коломиец, Д. Расуль-Кареев // Концепт: философия, религия, культура. – 2023. – Том 7. – № 2. – С. 154–167.
3. Андрейкина, М.В. Музыка и математическая логика / М.В. Андрейкина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 6 (92). – С. 129–136.
4. Платон. Филеб // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. – М.: «Мысль», 1994. – С. 7–78.
5. Миронов, А.В. Платон о музыкальном искусстве: опыт систематического анализа / А.В. Миронов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – С. 51–58.
6. Кобзев, М.А. Образ идеального правителя и проект совершенного государства у Платона / М.А. Кобзев // Гуманитарный акцент. – 2018. – № 7. С. 22–31.
7. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. – М.: «Мысль», 1994. – М.: Мысль, 1994. – С. 79–420.
8. Середа, В.П. Как оживлять звуки, как открывать музыку. Логика классической тональной системы / В.П. Середа. – М.: Издат. дом «Классика-XXI», 2011. – 196 с.
9. Музыка как предмет логики / А.Ф. Лосев // Форма. Стиль. Выражение. – М.: Мысль, 1995. – С. 194–369.
10. Калицкий, В.В. Музыка как феноменологический способ постижения непостижимого в трудах А.Ф. Лосева / В.В. Калицкий // Грамота. – 2017. – № 2 (76). – С. 112–115.
11. Бахтизина, Д.И. Музыка как отражение интегративных процессов человеческого сознания / Д.И. Бахтизина // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2015. – № 50. – С.6–11.

12. Эстулин Д. Социальная турбулентность [электронный ресурс] / Д. Эстулин // URL: <https://document.wikireading.ru/hjL13DH0dT>. Дата доступа: 25.10.2023.

## ЭЛЕКТРОННАЯ КУЛЬТУРА И ЦИФРОВОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ

**Сарна Александр Янисович,**

канд. философ. наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности реализации проекта по совершенствованию информационно-коммуникационной инфраструктуры в рамках Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2020-2025 гг., которая позволяет развивать такие направления, как сохранение и популяризация историко-культурного наследия, повышение качества и доступности культурных благ и услуг, цифровизация сферы культуры. Показана значимость отечественных разработок, позволяющих осуществить крупные проекты в сфере культуры и сохранения исторического наследия в условиях инновационного развития современного общества.

**Ключевые слова:** культурно-историческое наследие, электронная культура, цифровая платформа, «облачные» сервисы, системы хранения данных.

## ELECTRONIC CULTURE AND DIGITAL DEVELOPMENT OF BELARUS

**Sarna Alexander Yanisovich,**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Social  
Communication, Belarusian State University

**Abstract.** The article discusses the features of the implementation of the project to improve the information and communication infrastructure within the framework of the State Program “Digital Development of Belarus” for 2020-2025, which allows for the development of such areas as the preservation and popularization of historical and cultural heritage, improving the quality and availability of cultural goods and services, digitalization of the cultural sector. The importance of domestic developments is shown, allowing the implementation of large projects in the field of culture and preservation of historical heritage in the conditions of innovative development of modern society.

**Keywords:** cultural and historical heritage, electronic culture, digital platform, cloud services, data storage systems.

В процессе развития современного цифрового общества радикальные трансформации происходят в самых разных социальных и культурных сферах – в том числе и в производстве научного знания, его сохранении и

распространении. Осмысление роли технологий цифровизации в данных процессах приводит к возникновению такого понятия, как «цифровая гуманитаристика» (Digital Humanities), которое используется для общего обозначения гуманитарных научных дисциплин, объединенных тематически и методологически вокруг информационно-коммуникационных технологий и новых медиа как главного предмета исследований. Считается, что в современных условиях исследователи-гуманитарии все чаще применяют информационные технологии как в качестве научного инструмента, так и культурного объекта, нуждающегося в комплексном анализе [1]. Это позволяет осмыслить особенности процессов цифровизации в Беларуси, где в рамках Национальной стратегии устойчивого развития до 2035 г. предусматривается развитие культуры и повышение ее социальной роли в жизни граждан во взаимосвязи с историко-культурным наследием и современным искусством. Реализация поставленной цели включает такие направления, как сохранение и популяризация историко-культурного наследия, повышение качества и доступности культурных благ и услуг, цифровизация сферы культуры.

В результате работы по обновлению и совершенствованию информационно-коммуникационной инфраструктуры в рамках Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2020-2025 гг. активно развиваются современные технологии, которые позволяют реализовать крупные проекты в сфере культуры и сохранения исторического наследия – такие, как разработки ИТ-компании «ASP.NET», среди которых можно выделить перевод в WEB-формат базовой части фондовой системы музеев «АМС-5», создание сетевой версии государственного реестра книжных памятников Беларуси, формирование общей базы данных (банка сведений) об историко-культурном наследии страны.

Разработанная при осуществлении данных проектов цифровая платформа Asp.net может использоваться для перевода в цифровой формат любого объекта наследия, позволяя через личный кабинет легко заполнять картотеку, вести учет и экспонировать объекты наследия, автоматизировать процессы сбора и обработки информации, оптимизировать работу в системе за счет удаленного доступа и адаптации в формате UX/UI. При этом принципы работы платформы интуитивно понятны любому пользователю, позволяя осуществлять оперативное знакомство с каталогом и предоставляя подробную информацию с дополнительными функциями. Как отмечают разработчики, данный инструмент может расширяться под любые

нестандартные задачи, легко дорабатывается при первой необходимости и имеет перспективы развития в дальнейшем [2].

Банк сведений об историко-культурном наследии Республики Беларусь составлен из технической документации, персональных данных, исторических и библиографических сведений, проектных документов, графических материалов. Ранее сбор и управление данными производилось собственно техническим персоналом (оператором) на выделенном рабочем месте, а с 2022 года за счет удаленного доступа может осуществляться широким слоем специалистов различного профиля в процессе формирования их обязанностей и управления данными независимо от привязки к рабочему месту. Основная задача модернизации банка – сделать его инструментом консолидации всех участников процесса охраны историко-культурных ценностей страны.

В библиотечной сфере также осуществляется интеграция цифрового библиографического контента библиотек Беларуси, которая возможна на основе разработки автоматизированной системы «Электронная библиотека» за счет создания «облачной» полнофункциональной автоматизированной информационной библиотечной системы (АБИС), автоматизации процессов формирования «облачной» электронной библиотеки, реализации единой точки доступа к информации, создания виртуального объектного хранилища электронных документов. Масштабный проект по оцифровке важнейших документов из библиотечного фонда страны следует таким целям, как обеспечение сохранности документов из фондов библиотек, оперативное информационное обслуживание пользователей, создание и сохранение наиболее полного собрания национальных документов (в том числе региональных изданий), а также общественно значимых зарубежных публикаций в электронном виде.

При этом отбор материалов для оцифровки должен выполняться в соответствии со следующими принципами: принципом полноты сбора национальных документов; принципом универсальности и видового разнообразия с ориентацией на различные категории пользователей; принципом системности при последовательном отборе документов за определенный хронологический период или с учетом сформированных коллекций и проектов; принципом выборочности (включением документов с учетом требований Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах»); принципом социальной мобильности, когда отбор документов осуществляется с учетом приоритетных направлений развития

общества, содержания, интенсивности читательских запросов; принципом согласованности – распределением работ между библиотеками по отбору документов с целью исключения дублирования работ, а также принципом сотрудничества, позволяющем объединить усилия по формированию фонда документов в электронном виде, организации его использования и сохранности входящих в его состав материалов.

В основу отбора документов и материалов положены такие критерии, как редкость и уникальность (приоритет отдается редким и старопечатным текстам, документальным памятникам книжной культуры); принадлежность документа к национальным изданиям, выпущенным на территории области; физическое состояние документа – в первую очередь оцифровываются издания, находящиеся в неудовлетворительном физическом состоянии; экзemplярность – предпочтение отдается документам, хранящимся в библиотеке в единственном экземпляре; интенсивность использования, когда оцифровываются издания, которые активно используются и есть высокая вероятность их повреждения или утраты [3].

При оценке указанных принципов и критериев нужно отметить, что ряд из них может противоречить друг другу. Так, самыми востребованными для читателей изданиями с высокими показателями по запросам могут быть «бульварные романы» и криминальные бестселлеры, что не позволяет считать их высокохудожественными текстами и ценными в эстетическом отношении произведениями. Соответственно, подвергать их цифровой обработке особого смысла не имеет. Однако такие издания могут представлять интерес для исследования читательских предпочтений и пристрастий с точки зрения развития популярной культуры.

Следующим важнейшим шагом в этом направлении становится трансформация государственной системы каталогизации изданий при соблюдении требований международных и национальных стандартов. Затем осуществляется создание единой точки доступа к ресурсам библиотек через электронный каталог Национальной библиотеки Беларуси. Далее планируется объединение с международными интеграторами и системами идентификации с использованием нейросетей для интеллектуального анализа данных. Для этого применяют метод интеллектуального анализа текста («data mining») на основе технологии связанных данных и осуществляют выявление семантических связей между документами путем оптического распознавания образов.

Информационный архив в электронном формате, включающий ключевые тексты и документы, имена их авторов и организаций, отображается в виде универсального дескрипторного словаря, в рамках которого база данных авторитетных записей идентифицирует объект описания в метаданных, связывает разные имена одного объекта, устанавливает связи разных объектов, обеспечивает лингвистическую совместимость метаданных, подготовленных разными библиотеками [4]. Тем самым указанные проекты создают возможность выстраивания электронной культуры Беларуси как мультиформатного информационного пространства.

### Список литературы

1. Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 352 с.
2. Кульбицкий А. Asp.net – платформа для дигитализации наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drive.google.com/drive/folders/1PYIh0bhTgIdLsBAVD0B5iTM8viDeydbu>. – Дата доступа: 25.10.2023.
3. Рекомендации для публичных библиотек по отбору документов на оцифровку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nlb.by/content/bibliotekaryam/sovetsbibliotek-belarusi-po-informatsionnomu-vzaim/struktura-soveta-/komitet-po-otsifrovke-i-obespecheniyu-sokhrannosti-bibliotechnykh-dokumentov/metodicheskie-dokumenty/Rekomendatsii-dlya-publichnykh-bibliotek-po-otboru-dokumentov-na-otsifrovku.doc>. – Дата доступа: 25.10.2023.
4. Шереметьева А. Интеграция цифрового библиографического контента библиотек Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drive.google.com/drive/folders/1PYIh0bhTgIdLsBAVD0B5iTM8viDeydbu>. – Дата доступа: 25.10.2023.

## ВОЙНЫ ЗА МЕНТАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**Сидоренко Ирина Николаевна**

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В статье анализируется специфика и природа современной войны как консциентальной, направленной на захват и трансформацию сознания за счет перекодирования ценностной системы координат, исторической памяти и паттернов поведения. Раскрывается связь консциентальной войны с политикой идентичности. Утверждается, что идентичность становится основанием для военной мобилизации, более того, она начинает рассматриваться как единственное средство для оправдания войны. Анализируются возможные механизмы противостояния консциентальному оружию. Автор делает вывод о том, что реализация этих механизмов возможна при условии развития критического мышления и способности воображения; а также отсутствия конфликта между санкционированной в рамках культурной традиции идентичностью и самоидентификационным образом человека.

**Ключевые слова:** консциентальная война; национальная идентичность; ментальность; политика идентичности; сознание; историческая память.

## WARS FOR MENTALITY IN THE MODERN WORLD

**Sidorenko Irina Nikolaevna**

Doctor of science (Philosophy), Assistant Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture. Belarusian State University

**Abstract.** The author of this article analyzes the specifics and nature of modern war as a conscientious war aimed at capturing and transforming consciousness by recoding the value system of coordinates, historical memory and patterns of behavior. It is argued that identity becomes the basis for military mobilization; indeed, it begins to be seen as the only means to justify war. The connection between the conscientious warfare and identity politics is asserted. Possible mechanisms of countering the consciential weapon are analyzed. The author of this article concludes that the realization of these mechanisms is possible under the condition of the development of critical thinking and imagination; as well as the absence of conflict between culturally sanctioned identity and self-identified image of a person.

**Keywords:** consciential war; national identity; mentality; identity politics; consciousness; historical memory.

Происходящие социально-политические изменения в международной политической сфере в начале XXI в. приводят к трансформации войны, которая из средства политики превращается в саму политику, из ограниченных военных конфликтов – в «войну всех против всех». Целесообразно отметить характерную черту нового политического порядка: война порождает новый мировой порядок, стремящийся управлять миром не посредством прямого насилия, как это делалось в эпоху модернити, а посредством страха, вызываемого угрозой насилия. Одновременно, для поддержания этого невротического состояния необходима демонстрация реальности этой угрозы в определенной точке земного шара.

Получается, что без воздействия на сознание, такое тотальное запугивание просто невозможно. Следовательно, современные войны ведутся не только на поле боя, но и в информационном пространстве, активно используя воздействия на ментальность целых сообществ. Вместе с тем, сознание человека рассматривается как новое поле боя, а победа предполагает не только захват территории и ресурсов, но и трансформацию идентичности, переформатирование памяти о прошлом, изменение в ценностной системе координат и, соответственно, принятие иных норм социального действия. Исходя из этого, полагаем правомерным утверждать, что цели современной войны уже не являются политическими в традиционном смысле, они связаны с «политикой идентичности» в большей степени, чем с идеологически или геополитически детерминированным «национальным интересом». В современном обществе (полагаем возможным определить его как постмодерное общество) происходит распадение прежних прочных форм социальной идентичности – класса и нации – и переход к более гибким и открытым формам. Деконвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Освобожденная от уз общественной функциональности, социальная идентичность приобретает свободный игровой характер театральной самопрезентации личности, становится индивидуализированной и неустойчивой. Таким образом, современная война во многом стала возможна благодаря легитимации игры в идентичности, так как предполагает гибридность самоидентификации.

С другой стороны, «политика идентичности» допускает диктат идентичности. Как справедливо отмечает британский исследователь М. Калдор (Mary Kaldor), в «политике идентичности» «речь идет о притязании на власть на основе присвоения ярлыков, ..., и она напрямую

связана с идеализированным ностальгическим представлением о прошлом» (1, р. 40). Именно ностальгия и память о прошлом становятся новым источником политической легитимности, однако в отличие от политических идей, выступающих основанием для объединения, «политика идентичности» напротив, работает по принципу исключения и, тем самым, способствует фрагментаризации социального пространства. Уже не важно – с кем ты или за кого, важно только – против кого. Так, идентичность становится основанием для военной мобилизации, более того, она начинает рассматриваться как единственное средство для оправдания войны [2, с. 144–145].

Современную войну правомерно определить как консциентальную, т. е. войну за разум и его трансформацию. Такой тип войны постепенно оформляется к началу XX в.; подтверждение этому обнаруживаем уже во время Первой мировой войны, когда военная пропаганда была нацелена на искаженное восприятие реальности. Мощь и силу консциентальная война набирает во времена Холодной войны, подменяя собой реальные боевые действия в условиях противостояния двух блоков ядерных сверхдержав. Ее целью стало создание ментальной конфронтации в ситуации невозможности «горячей» войны. Что касается войн начала XXI в., то определяя их как консциентальные, целесообразно отметить одну существенную деталь: консциентальная война – это несамостоятельный вид войны, а ее подложка, базовая составляющая и одна из характеристик ее трансформирующейся природы. Современная война не может быть реализована только на поле боя, все ее операции либо предваряются, либо сопровождаются информационным фоном, нацеленным на захват умов и сердец страны-противника.

Термин «консциентальная война» (от лат. conscientia – «сознание») был предложен российскими исследователями Ю.В. Громыко [3] и Ю.В. Крупновым [4]. Главной особенностью этого нового типа войны является ее парадоксальность: «горячий» военный конфликт достаточно низкой интенсивности, предполагающий ограниченную территорию, на которой ведутся военные действия, и тотальность, неограниченность военного насилия внутри социальных систем, втянутых прямо или косвенно в этот конфликт посредством информационных атак на сознание. При этом война не просто отражается на экране телевизора или в оптике социальных сетей, но ее информационное осуществление в СМИ и в сознании людей воздействует на реальные военные события, разжигая их посредством накала страстей и огня ненависти, не только опережая военные горячие

операции, а, по большому счету, их стратегически определяя, ломая конвенции, международные договоренности. Исходя из этого получается, что скрытой целью консциентальной войны является расширение территории войны не только в информационном, но и физическом пространствах за счет выведения «горячей» войны за четко определенные границы фронта и увеличения географии воюющих государств. Вместе с этим, консциентальная война нуждается в постоянной подпитке, захватывая не только сознание новых социальных групп, но и территорий, подчинение которых происходит не напрямую, а за счет переориентировки граждан одного государства на сетевые информационные структуры другого государства, смены их аксиологической ориентации.

Вариативность консциентальной войны отражается в семантическом пересечении определений современной войны. Так, например, консциентальная война предполагает не только захват, но и трансформацию сознания (герменевтическая война), осуществляется в сетевом пространстве, а также в пространстве знания (сетевая война) посредством СМИ, интернета (информационная война), что превращает ее в «мягкую силу». Помимо этого, в консциентальной войне возможно увидеть новую форму колониальной войны в постколониальную эпоху за идентичность, за культурную среду посредством трансформации ценностей, паттернов поведения и стереотипов. Справедливо также определение современной войны как «археологической», ведущейся за историческую память посредством переписывания прошлого. Консциентальная война обладает специфической иллюзией героизма – иллюзией свободной мысли, суть которой заключается в том, что разрешены любые формы мысли и высказывания, но при этом жестко контролируются формы сознания, самосознания, т. е. механизмы создания высказываний. Поэтому получается, что на деле свобода мысли и высказывания ограничивается как внешней, так и внутренней цензурой.

Отметим основные направления действия и, соответственно, риски и вызовы современной, консциентальной войны: 1) иллюзия «расширение» сознания за счет СМИ и информационных технологий, что приводит к «информационному передозу», 2) иллюзия гражданского согласия и солидарности, сфабрикованность консенсуса в обществе, 3) превалирование коллективной мифологии, 4) задействование механизмов «массовизации» сознания, 5) мнимая рационализация риторики, направленная на невротизацию и подпитку страха, 6) манипулирование идеологическими образцами, трансформирующими историческую память.

Еще одной особенностью консциентальной войны является ее размытость во времени: достаточно трудно определить ее начало, и, соответственно, весьма проблематично зафиксировать ее конец. В силу этого, возникает вопрос не столько о том, как закончить эту войну, сколько вопрос о том, как противостоять ее агрессии на сознание. Обратившись к работам Ю.В. Громыко, отметим два предложенных им механизма защиты: 1) аутентизация, суть которой заключается в том, чтобы сформировать посредством культурной традиции жесткое ядро идентификации, что позволило бы остановить наблюдаемый сегодня практически бесконечный процесс произвольной самоидентификации; 2) развитие «метаэкранных» технологий, позволяющих выявлять множественность репрезентаций события и осуществлять его «очистку» от его различных экранных образов, или другими словами, раскрывать, понимать, что наблюдаемое событие не есть само по себе, а представляет собой результат конструирования [3].

Вместе с тем, целесообразно отметить, что эффективная реализация этих двух механизмов возможна при условии развития критического мышления и способности воображения; а также отсутствия конфликта между санкционированной в рамках культурной традиции идентичностью и самоидентификационным образом человека, что, в принципе, достаточно проблематично в обществе, расколотом консциентальным оружием. С другой стороны, на любое действие есть противодействие, соответственно, пропаганда в рамках консциентальной войны может быть ослаблена контрпропагандой. Однозначно одно, что без изучения и понятия действия консциентального оружия, специфической логики консциентальной войны невозможно выработать способы и меры противостояния рискам и угрозам нашему сознанию.

### Список литературы

1. Kaldor M. *New and Old Wars: organized violence in a global era*. Cambridge; Polity, 2012. 224 p.
2. Сидоренко И.Н. *Философия насилия: от метафоры к концепту*. Минск: БГУ, 2017. 175 с.
3. Громыко Ю. *Консциентальное оружие и консциентальная война* // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782>. (дата обращения: 24.03.2017).

4. Крупнов Ю. Как Россия сможет предотвратить пятую мировую войну // Персональный сайт Ю. Крупнова. URL: <http://krounov.ru/pubs/2005/02/09/10403/#1-14>. (дата обращения: 24.03.2017).

## О БЕССМЕРТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

**Синюкович Илья Дмитриевич**

студент факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна, доктор философских наук,

доцент

**Аннотация.** В статье актуализирован вопрос о проблеме потенциальной гибели человечества на основе философии Г.В.Ф. Гегеля и её интерпретаций в XX и XXI веках. Эта тема стала как никогда актуальной в рамках условий современной действительности, в связи с чем всё больше исследователей обращаются к наследию великого немецкого философа. Философия Г.В.Ф. Гегеля, в сущности своей, является философией смерти, что объясняет возрастание её популярности в наше время и актуальность для нынешнего момента. При этом идеи немецкого философа подвергаются неосознанной модернизации и искажению. Именно поэтому необходимо эксплицировать тезис, что, согласно интенции Г.В.Ф. Гегеля, возможно полное исчезновение всего человеческого вида.

**Ключевые слова:** Г.В.Ф. Гегель; А.В. Кожев; смерть; негативность; отрицание; проблема конечности человека и человечества.

## THE IMMORTALITY OF MANKIND

**Sinyukovich Ilya Dmitrievich**

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor - Sidorenko Irina Nikolaevna, PhD in Philosophy, Associate Professor

**Abstract.** This article actualizes the issue of the problem of potential destruction of mankind on the basis of G.W.F. Hegel's philosophy and its interpretations in the XX and XXI centuries. This topic has become more relevant than ever within the conditions of modern reality, in connection with which more and more researchers turn to the heritage of the great German philosopher. The philosophy of G.W.F. Hegel, in essence, is the philosophy of death, which explains the increase in its popularity in our time and relevance to the present moment. At the same time, the ideas of the German philosopher are subject to unconscious modernization and distortion. That is why it is necessary to explicate the thesis that according to the philosophy of G.W.F. Hegel the complete disappearance of the entire human species is possible.

**Keywords:** G.W.F. Hegel; A.V. Kozhev; death; negativity; negation; the problem of finitude of man and mankind.

Рассуждать о неминуемом и близком конце мира – тема весьма болезненная, но популярная, и одновременно с этим крайне сложная и неблагодарная. Начиная с шумерских писцов, заканчивая современными интеллектуалами, – все так или иначе высказываются о скором конце окружающей нас действительности. Тем не менее, мир почему-то все еще продолжает существовать, а разнообразные предсказания стали лишь частью литературного наследия человечества.

Однако, проблемы, угрожающие нашему существованию, действительно существуют, и о них нельзя не говорить. В XXI веке мы подошли к пику антропогенного воздействия на окружающую среду, и при этом радикально изменить сложившуюся ситуацию не получается. В двадцатые годы XXI века наша цивилизация вновь столкнулась с проблемой глобальной эпидемии, которая, что самое страшное, разрушает устоявшиеся системы функционирования общества. Война вновь появилась в жизни человечества, притом в полном смысле этого слова, то есть в горячей ее фазе. Всё это обрамляется общей абсурдностью происходящего, отсутствием смысла существования.

Все устои разрушаются. Мир гибнет и гибнет в мучениях. И именно в этот момент современные мыслители для объяснения происходящего вновь обращаются к Г.В.Ф. Гегелю, обнаруживая в нём «страшные пророчества» о будущем. При этом возвращаются в положительном ключе, в отличие от XX века, где великого немецкого философа напрямую обвиняли в крушении европейской цивилизации и апологетике тоталитаризма. Частным доказательством возрастающего интереса является статья молодого философа из Стэнфордского университета Б. Нортон: «Диалектика антропоцена: Гегель для последнего поколения». По мысли Б. Нортонa человечество может стать производением без потомства [1], что отсылает нас таким образом к цитате самого немецкого философа: «... и только спустя некоторое время одним дает современников, а у других после этого не оказывается потомства» [2, с. 44]. Для удобства автор работы предлагает использовать более точную формулировку: «По Г.В.Ф. Гегелю возможно полное исчезновение человечества». Этот тезис следует рассмотреть подробно.

Уточним: в статье будет изложена интерпретация и интерпретация интерпретации учения великого немецкого философа. Для самого Г.В.Ф. Гегеля, если мы будем брать его творчество целиком, излагаемая проблема таковой не является. Абсолютный дух нашёл своё пристанище в

рамках Прусской монархии, а истинное отражение и полное понимание в рамках Системы Науки, окончательно оформленной великим немецким философом. Всё остальное – переосмысление.

И поскольку мы всё равно будем работать с интерпретациями, то в рамках этого доклада мы не можем не рассмотреть учение французского философа русского происхождения А.В. Кожева, которое сам он рассматривал как развитие абсолютного идеализма Г.В.Ф. Гегеля. При этом различия между взглядами двух великих мыслителей есть, и они существенные. А.В. Кожев применил систему науки Г.В.Ф. Гегеля в тех областях, в которых она была представлена весьма ограниченно. Французский философ сместил фокус диалектики с проблем устройства универсума на проблемы человеческого существования. Таким образом, абсолютный идеализм превратился в философскую антропологию, что для нас весьма полезно, так как в рамках данной работы рассматривается главная проблема именно человека и всего человечества: проблема конечности.

Система науки великого немецкого философа способна её разрешить по той причине, что, по точному замечанию А.В. Кожева, философия Г.В.Ф. Гегеля является философией смерти. Проистекает это напрямую из главного положения всей философии абсолютного идеализма: «Абсолютное есть дух, а субстанция есть субъект» [3, с. 175]. Оно было переосмысленного А.В. Кожевом в контексте проблемы человеческого существования. Соответственно, необходимо раскрыть эту сентенцию через человека.

Человек – это субъект, главной определяющей характеристикой которого является действие, подчинённое негативности, то есть отрицанию, уничтожению. Таким образом, человек представляет собой диалектическое движение. Возможно подобное благодаря абсолютной мощи рассудка, чистой негативности. Посредством этой силы человек изымает единичное, например, конкретно взятую собаку, из мира и превращает его во всеобщее понятие. И это понятие начинает существовать вне природных, естественных условий. Мощь рассудка, или негативность, есть энергия мышления, отрывающая смысл от бытия.

Точно также человек посредством своего действия изымает себя из налично-данного бытия, из природного мира. Действие реализуется через борьбу людей с природой и друг с другом, а также через труд. Соответственно, человек появляется в этом мире только тогда, когда он входит в прямое противостояние с налично-данным бытием. Именно

поэтому по сути своей человек является постоянным диалектическим процессом, направленным на преодоление внешних обстоятельств.

В процессуальности людей как раз и заключается главная проблема. По мысли А.В. Кожева, диалектика предполагает конечность, временность. Иными словами, у любого процесса, у которого есть начало, обязательно будет и конец. Именно поэтому философия Г.В.Ф. Гегеля и является философией смерти.

Мощь рассудка, она же негативность, отрицательность, постоянно уничтожает, отрицает налично-данное бытие. Человек переходит на всё новые и новые этапы своей жизнедеятельности. Результатом этого развития, этого процесса, всегда будет уничтожение негативностью человека. А.В. Кожев следующим образом раскрывает вышеизложенное: «А сущее, по самой своей сути являющееся Действием, «явлено» себе и всем остальным (в феноменологической плоскости) как непоправимо смертное»[4, с 680]. Конец определяет весь процесс, а результат является его сущностью. Следовательно, человек – воплощенная смерть, притом своя собственная.

Формулировка крайне пессимистичная, но так кажется только на первый взгляд. Только смертность человека и обеспечивает его индивидуальность, делает его свободным в этом мире. Весь смысл, если его можно так назвать, деятельности людей заключается в нашей конечности, в факте неминуемой смерти. Только она является целью и одновременно причиной всего развития. Человека делает человеком исключительно его конечность, неизбежная гибель.

Таким образом, тезис, поставленный в начале, доказан: человечество действительно придёт к собственной гибели, причиной которой будет оно само. Однако остаётся какая-то неполнота, недосказанность. Отсутствует целостность, которую отстаивал сам Г.В.Ф. Гегель, сделав её одним из основных принципов абсолютного идеализма. Против идей великого немецкого философа, разбирая его собственную систему мы идти не можем. В вышеприведённых абзацах мы разобрали «жизнь» духа, переосмысленную через призму проблемы существования человека и человечества, но совсем забыли про абсолютность сознания. В разборе упущено то, что конечное неминуемо образует собой бесконечное.

А.В. Кожев в своём изложении философии Г.В.Ф. Гегеля намеренно игнорирует важнейшее положение системы науки, проистекающее из того, что «Абсолютное есть дух, а субстанция есть субъект» [1, с. 175]. Философия Г.Ф.В. Гегеля – не просто учение, а система абсолютного идеализма. Весь мир есть субстанция-субъект, то есть всеобщее сознание,

находящееся в постоянном развитии, в постоянном процессе самопознания. Саморефлексия происходит в соответствии с диалектическим методом, всеобщим законом развития. При этом, в сущности, сознание полностью тождественно бытию, истине и абсолютному знанию, которое определяет весь процесс и является одновременно и причиной, и целью всего в этом мире. В результате, и абсолютное знание, и истина, и само сознание, и бытие оказываются методическим процессом самопознания – чистым методом, чистой негативностью, чистым ничем.

Соответственно, мощь рассудка или сила негативности, как этот закон развития определял А.В. Кожев, не принадлежит ни человеку, ни всему роду людей. Он не является характеристикой исключительно человеческого бытия. Негативность это и есть, в сущности, весь мир, а человек является лишь его частью. Частью важной, но не единственной.

В данном случае, для более полного разьяснения будет уместно привести образ реки, созданный Гераклитом Эфесским. Вся действительность – это неостановимый, бесконечный поток постоянных изменений. При этом он полностью подчиняется Логосу, всеобщему закону. Г.В.Ф. Гегель, в свою очередь, сформулировал его: переход одной противоположности в другую посредством негации, того самого уничтожения или смерти. Отрицание необходимо понимать правильно, во всей полноте, то есть не концентрироваться на одной из его сторон, так как оно является одновременным уничтожением старой формы и появлением новой. Смерть это всегда источник жизни.

Соответственно, целесообразнее говорить не о том, что человек и человечество – есть воплощенная негативность, смерть, а что весь род людей является неостановимым процессом разложения и умирания, порождающего всё новые и новые формы своего существования. В этом мы не уникальны, так как весь мир есть то же самое развитие.

В завершении необходимо отметить, что тезис, поставленный вначале, получил своё обоснование. По Г.В.Ф. Гегелю человечество в его нынешнем состоянии действительно придёт к неминуемой гибели, которую само себе и подготовит. И именно в этой конечности и заключается весь смысл процесса развития. Смерть – причина нашего появления в мире, к смерти мы и приходим в конце. Только этот факт позволяет человеку свободно действовать в мире, только он делает человека человеком. В противном случае люди были бы статичной, абсолютно безжизненной субстанцией без каких-либо качеств, мёртвым телом без перспектив к развитию.

Тем не менее, гибель, уничтожение ошибочно понимать в абсолютном смысле. Полагаем, что не следует понимать подобное как точку, завершающую развитие. Полное забвение – иллюзия. За смертью последует новая жизнь, в нашем случае совершенно новое мышление, которое будет основываться на пройденном современными людьми пути и в снятом виде содержать весь процесс развития человеческого существа в его нынешней форме.

Для нас, как представителей умирающего мира, эта данность и неотъемлемость гибели, безусловно, ужасна. Мы даже не сможем назвать человека будущего «человеком», настолько он может быть нам чужд. В данном случае уместно вновь процитировать А.В. Кожева: «Ибо, приходя к Мудрости, Человек понимает, что только лишь его конечность, или смерть, обеспечивает ему абсолютную свободу...» [4, с 712]. Только благодаря смерти человек способен реализоваться как человек, только таким образом он способен удовлетворить все свои внутренние потребности. Суть мудрости как раз и заключается в полном осознании этого факта. А к чему, как не к мудрости, стремятся все философы?

#### Список литературы

1. Norton, B. Dialectics of the anthropocene: egel for the last generation / Bryan Norton. — Текст : электронный // <https://thephilosophicalsalon.com/dialectics-of-the-anthropocene-hegel-for-the-last-generation/> (дата обращения: 29.10.2023).
2. Гегель, Г.Ф.В. Феноменология духа / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. - М. : Наука, 2000. – 495 с.
3. Гайм, Р. Гегель и его время: лекции о первоначальном возникновении, развитии, сущности и достоинстве философии Гегеля / Р. Гайм. - Санкт-Петербург : Наука, Санкт-Петербургская издательская фирма, 2006. - LIV, 391, [1] с, [1] л.
4. Кожев, А.В. Введение в чтение Гегеля: лекции по "Феноменологии духа", читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высш. практ. шк. / Александр Кожев. - СПб. : Наука, С.-Петербург. изд. фирма, 2003. - 791, [1] с.

## ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

**Степанов Алексей Георгиевич,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,  
Казанский институт (филиал) Всероссийского Государственного Университета  
Юстиции (РПА Минюста России)

**Обухов Вадим Сергеевич,**

студент факультета философии и социальных наук  
Белорусского государственного университета

**Аннотация.** Воспроизведение прошлого в качестве истории составляет форму осознания человеком определенности собственного бытия. Онтологическая специфика прошлого обуславливает его включенность в экзистенциальный мир субъекта опосредованно – через институты рефлексивного сознания. История представляет собой не столько отражение процесса эволюции в целом, это прежде всего форма конституирования технологий экзистенции – поиска человеком оптимальных форм существования. Многообразие форм жизнедеятельности актуализирует различные стороны опыта социального взаимодействия и объективно обуславливает его воспроизведение. Способ существования человека фундирует освоение прошлого в настоящем в качестве специфического инструментария обеспечения целостности культуры собственной экзистенции. История представляет собой институты реализации социального развития субъекта и выступает как форма актуализации ценностей экзистенции в культуре. В параметрах культуры исторического выражены представления о социально-технологическом формате человеческой деятельности.

**Ключевые слова:** культура; история; экзистенция; человек; социальный способ бытия.

## HISTORY AND CULTURE

**Stepanov Alexey Georgievich,**

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the  
Department of Philosophy, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of  
Justice of Russia), Kazan

**Obukhov Vadim Sergeevich,**

Student, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University

**Abstract.** The reproduction of the past as history is a form of human awareness of the certainty of one's own being. The ontological specificity of the past determines its involvement in the existential world of the subject indirectly – through the institutions of reflective

consciousness. History is not so much a reflection of the process of evolution as a whole, it is primarily a form of the constitution of the technologies of existence – a person's search for optimal forms of existence. The variety of life forms actualizes various aspects of the experience of social interaction and objectively determines its reproduction. The way of human existence bases the development of the past in the present as a specific tool for ensuring the integrity of the culture of one's own existence. History is an institution of realization of a socially developed subject, as a form of actualization of the values of existence in the narrative of culture. In the parameters of the historical culture, ideas about the socio-technological format of human activity are expressed.

**Keywords:** culture; history; existence; man; social way of being.

Жизнь людей, безусловно, связана с поиском оптимальных вариантов существования, выраженным в стремлении к достижению абсолютной уверенности в будущем за счет его предсказуемости. Этнос предсказуемости представляет собой проявление естественного состояния человека, атрибутивный принцип его реализации, задающий формат преодоления отчужденности бытия. Воспроизведение прошлого в качестве истории, составляет форму осознания человеком специфики социального способа бытия: «История в своём первоначальном смысле... представляет собой структурный момент самого человеческого существования» [1, с.23]. Экзистенция без историзации представляет собой существование без сущности, то есть без качественное и бессмысленное, а значит противоположное естественному для человека способу жизни. Становление прошлого как истории связано с переходом от биологического типа эволюции человека к социальным формам развития. Началом истории в этом смысле следует считать период преодоления форм естественно-природного существования технологиями культуры: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии – вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни» [2, с. 19].

Характеристика институциональной уникальности человека очевидно связана с видами его активности. Речь идет о действиях, направленных на удовлетворение комплекса потребностей человека, независимо от их происхождения, «от того, чем они порождены желудком или фантазией» [3, с. 74]. Рационализированное, осознанное, структурированное, систематизированное действие становится деятельностью. Деятельность, обращённая на обеспечение бытия человека как социального субъекта является базовым основанием возникновения культуры. Культура предстаёт

в качестве всеобъемлющей формы организации деятельности, развёртывающей свое бытие в интегральном единстве субъективного и объективного, идеального и материального, аккумулирующей необходимые средства социального способа существования.

Преодоление ограниченности естественно-природных форм существования посредством их трансформации в системы надбиологического жизнеутверждения составляет объективную сторону возникновения культуры. Создавая мир явлений вещей отличных от их первоначального состояния, субъект организует комплекс значений, соотнесённых со смыслом существования. Экзистенциальный контекст культуры предполагает включение в содержание картины мира не только объективно-прагматических институций отражения вызовов бытия, но и формат их значений в структуре мировоззрения. Человек осознает определенность экзистенциального выбора (решение пограничной ситуации) посредством сопоставления актуальной значимости элементов культуры как вариантов социальной реакции: «Система различных видов человеческой деятельности складывается из дискретных актов преобразования объектов и превращения продуктов одной деятельности в компоненты другой» [4, с. 37]. Человеку требуется подтверждение значения собственного интеллектуально-нравственного становления, что и определяет параметры истории. Культура неразрывно связана с историей, если только речь идет о надбиологическом, сознательном формате существования.

Картина истории опосредована институциями сознания, которые в свою очередь детерминированы параметрами социокультурной активности. Актуализация модуса прошедшего обусловлена процессами взаимной проекции свойств объективного в сознание социализированного субъекта при одновременной проекции содержания сознания на объект (обратной проекцией). Результатом взаимной проекции является организация артефактов – вещей культуры (материальных и духовных ценностей).

В предложенном подходе история рассматривается как культурная универсалия – неотъемлемая форма сознания социализированного субъекта, аккумулирующая опыт социального способа бытия. История обеспечивает обоснованность ценностей культуры воспроизводства жизни человека как человека.

#### Список литературы

1. Демин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта, Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. - 273с
2. Маркс, Карл. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. - 2-е изд. - Москва: Госполитиздат, 1954-.Т. 3: 1845-1847. Т. 3 / подгот. к печати И. И. Прейс и А. А. Уйбо. - 1955. - 630 с.
3. Межуев В.М. Культура и история. (Проблема культуры в философско-исторической теории марксизма). М.: Политиздат, 1977. - 199 с.
4. Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2018. - 796 с.

## **ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССА ВОССОЕДИНЕНИЯ**

**Хомич Дарья Александровна,**  
магистрантка исторического факультета  
Белорусского государственного университета  
Научный руководитель - Курбачёва Ольга Владиславовна  
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию первых изменений в жизни местного населения Западной Беларуси в условиях процесса воссоединения. Население Западной Беларуси в сентябре 1939 г. оказалось в ситуации противостояния двух систем: коммунистической и капиталистической, что обусловило возникновение ряда нововведений в различных сферах жизни. Изменения в поведении людей, их взглядах, образе жизни представляют большой интерес для изучения.

**Ключевые слова:** Западная Беларусь; повседневная жизнь; политическая обстановка; советизация.

## **FEATURES OF DAILY LIFE OF THE LOCAL POPULATION OF WESTERN BELARUS UNDER THE CONDITIONS OF THE REUNIFICATION PROCESS**

**Khomich Daria Alexandrovna,**  
master's student of the Faculty of History,  
Belarusian State University  
Scientific supervisor - Kurbacheva Olga Vladislavovna  
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of  
Philosophy, Belarusian State University

**Abstract.** This article is devoted to the study of the first changes in the life of the local population of Western Belarus in the context of the reunification process. The population of Western Belarus in September 1939 found itself in a situation of confrontation between two systems: communist and capitalist, which led to the emergence of a number of innovations in various spheres of life. Changes in people's behavior, their views, and lifestyle are of great interest for study.

**Keywords:** Western Belarus; everyday life; political situation; Sovietization.

Белорусская культура является ярким примером межкультурного пограничья, в рамках которого аккумулируются различные типы духовно-мировоззренческих, социально-политических и этнокультурных ценностей и знаков. Наличие отличающихся, зачастую противоречивых интенций в развитии можно проследить благодаря реконструкции конкретных исторических событий, одним из которых стал процесс воссоединения Беларуси в 1939 г. Воссоединение Западной Беларуси с БССР стало сложным многогранным историческим процессом. Одним из интереснейших аспектов темы является изучение повседневной жизни населения Западной Беларуси. Нестабильная внешнеполитическая и внутривнутриполитическая ситуации в сентябре–декабре 1939 г. оставили значительный отпечаток на развитии региона и в судьбе местных жителей.

После похода Красной Армии в Западную Беларусь начался процесс установления и закрепления в регионе советской власти. Среди местного населения не было единства по отношению к данному факту. Подтверждением этому служат сведения о встрече местным населением солдат Красной Армии в своих населенных пунктах. Например, в д. Лежитковичи Дрогичинского района еще до прихода войск была начата подготовка к их встрече. Уже 10 сентября крестьяне начали подготавливать материалы для сооружения торжественной арки: чистили жерди, выпиливали в них гнезда для перекладин, собирали еловые ветки. Все заготовки хранились в сарае до подходящего времени [2, с.71]. Накануне в городах и селах были развешены красные флаги, на некоторых размещались такие лозунги, как «Спасибо товарищу Сталину за освобождение Белоруссии от польского ига» [4]. В Скидельской волости Гродненского повета в поддержку войскам Красной Армии местными жителями 17 сентября было поднято восстание. Восставшими были заняты магистрат, почта, электростанция, клуб, полицейский участок, также была разоружена часть польской полиции и воинские части, над магистратом был поднят красный флаг. Однако после прихода подкрепления польские части подавили восстания и удерживали город под своим контролем еще несколько дней до прихода Красной Армии. В то же время повсеместно наблюдались случаи распространения антисоветской пропаганды от осадников, помещиков и других представителей зажиточного слоя населения. Представители данной группы населения продолжали сотрудничать с польскими формированиями и отстаивали сохранение капиталистической системы в западных областях БССР.

После успешного похода Красной армии на территорию Западной Беларуси и провозглашения там советской власти начался период преобразований. Уже 19 сентября на русском, белорусском и польском языках был опубликован приказ командующего войсками Белорусского фронта М. П. Ковалёва, в котором население призывалось к сотрудничеству в формировании органов новой власти [8, с.132]. Наиболее активно включались в работу представители бедных слоев населения. Зажиточные крестьяне и помещики проявляли недоверие советской власти и не спешили сделать вклад в укрепление новой системы.

Временные органы власти были созданы сразу после освобождения населенных пунктов. В городах создавались временные управления, в сельской местности – крестьянские комитеты. Данные структуры должны были находить решение первостепенных проблем. Органы власти формировались из наиболее склонных к государственной деятельности представителей рабочих коллективов, бедноты, интеллигенции, Красной Армии.

Особенностью жизни местного населения в данный период стала необходимость постоянного контроля над внутривластной обстановкой и настроением. Для этого в городах согласно приказу М. П. Ковалёва от 21 сентября 1939 г. создавались вооруженные отряды Рабочей гвардии [7]. Они оказывали помощь частям Красной Армии в охране предприятий, железнодорожных станций, мостов и городских околиц от диверсий со стороны оказывающих сопротивление советской власти. Формировались Рабочие гвардии на собраниях рабочих, кандидатуры вступающих обсуждались. Возглавляли организацию чаще всего комсомольские активисты [1, с.134]. Численность Рабочей гвардии варьировалась от 300–400 человек в крупных городах региона и до 30 в более мелких [8, с. 134]. Так в первые дни после воссоединения в Белостоке численность членов Рабочей гвардии составила 307 человек, в Пинске – 400, в Кобрине – 120 [3, с. 29].

В сельской местности формировались отряды добровольной сельской милиции. Они охраняли от разграбления имущество, инвентарь имений, амбары. Данные факты свидетельствуют о стремлении большей части населения оказать помощь советской власти в установлении нового порядка.

Население Западной Беларуси получило право избрать и быть избранным. Впервые данным правом жители воспользовались во время выборов депутатов в Народное Собрание Западной Беларуси. Правом

выбора в Народное собрание могли пользоваться все граждане мужского и женского пола, достигшие 18 лет, независимо от социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности. Таким образом, можно отметить, что выборы в Народное собрание имели черты демократического характера. По итогам выборов было избрано 927 кандидата: 804 мужчин и 123 женщин. Из них 563 были представителями крестьян, 197 – представителями рабочего класса, 167 – представителями интеллигенции.

Народное собрание Западной Беларуси было проведено в период 28–30 октября 1939 г. В ходе работы собрания были решены вопросы о государственной власти, о вхождении Западной Беларуси в состав БССР, о земле, а также о национализации банков и крупной промышленности. Делегаты от населения Западной Беларуси приняли активное участие в ходе собрания. Депутат от Глубокского уезда М. А. Машара заявил, что Народное собрание дало возможность впервые собралось смело и свободно местным жителям вместе. По его словам, до этого население могло встречаться только в тюрьмах и карательных лагерях. Также отмечалось, что значительно выросло количество прав и свобод [6, с.42]. Депутат от Молодечненского уезда А. С. Шустер говорил о том, что после установления на территории уезда советской власти значительно улучшилось качество медицинского обслуживания населения и количество больниц. Всюду устраиваются больницы, амбулатории, ясли для детей. Лечение стало бесплатным. В самые отдаленные деревни направлялись фельдшера [6, с.56]. Депутат от Гродненского уезда И. К. Житков отмечал, что с установлением советской власти в уезде улучшилось качество образования. Если ранее на дела народно образования выделялось 7,5 % от бюджета, то теперь эта цифра будет увеличена в 2 раза. К тому же повсеместно растет количество школ и образовательных учреждений [6, с. 56]. Таким образом, на Народном собрании прозвучали мнения депутатов и были озвучены результаты наблюдений очевидцев первых преобразований советской власти.

Дальнейшее законодательное оформление воссоединение Западной Беларуси с БССР произошло на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 2 ноября 1939 г. Процесс юридического оформления принятия Западной Беларуси в состав единого национального государства завершился 14 ноября 1939 г. Внеочередной третьей сессией Верховного Совета БССР, которая утвердила закон «О принятии Западной Беларуси в состав Белорусской Советской Социалистической Республики».

Тем не менее на фоне стабилизирующейся политической обстановки в Западной Беларуси, экономические проблемы в регионе решались медленно. В политсводке политотдела 22 лёгкотанковой бригады №0369 от 14 ноября 1939 г. сообщается, что в г. Гродно наблюдаются огромные очереди за хлебом, солью, керосином и т. п. продуктами. Снабжение населения продуктами первой необходимости неудовлетворительное. В городе отмечены факты перепродажи товаров и обмен. Также отмечалось, что враждебные к советской власти элементы начинают влиять на трудящихся и требовать введения карточной системы [5]. В докладной записке от 6 декабря 1939 г. военного комиссара погранвойск НКВД Белорусского округа Верещагина отмечалось, что в г. Брест-Литовске советские торгующие организации медленно разворачивают торговлю хлебом. В ближайшее время изъятое у помещиков зерно не может быть переработано из-за недостаточного количества молотилок. Муки у торгующих организаций остается на два дня и составляет 55–60 т.

Советское руководство предпринимало попытки улучшить ситуацию в регионе. Согласно решению политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 декабря 193 г. на территории Западной Беларуси должен был осуществиться переход на советскую валюту. Уже с 21 декабря 1939 г. все денежные расчеты переводились только на советский рубль. С 11 декабря 1939 г. выплата заработной платы рабочим и служащим также должна была производиться только в советской валюте. Для выполнения полученных указаний Государственному банку СССР было разрешено осуществить в западных областях БССР эмиссию в 300 млн. руб. Пересчёт злотых на советские рубли осуществлялся по курсу: 1 злотый равен 1 рублю. Однако выдача в советских рублях сверх 300 злотых не производилась, т. е. денежные средства выше данной цифры обесценивались.

Также с целью стабилизации обстановки были введены единые розничные цены на изделия из муки, сахар, текстиль, швейные изделия, кожаную резиновую валяную обувь, кондитерские изделия, парфюмерию и трикотаж. В сельском хозяйстве также начались первые преобразования. На территории западных областей БССР запрещалось создавать новые хутора. Так были созданы предпосылки к установлению в Западной Беларуси колхозного строя. Также оказывалась помощь в снабжении сельскохозяйственным инвентарем, что значительно облегчило для крестьян обработку земли. Большие изменения коснулись образования. Вскоре после начала воссоединения в школах Западной Беларуси было введено всеобщее, обязательное, бесплатное образование. В городах – 7

классов средней школы, в селах – начальная школа. Для изучения повсеместно вводился русский и белорусский язык [5].

Еще одним нововведением стал запрет на преподавание религии и проведение религиозных обрядов в школах. Советская власть считала религию пережитком и преградой в установлении социализма.

Таким образом, после начала воссоединения Западной Беларуси с БССР в различных сферах жизни местного населения произошли значительные изменения, которые затронули не только бытовые, но также социально-политические, культурные и духовно-мировоззренческие установки и представления местного населения. Среди жителей Западной Беларуси не было единства по отношению к новой политической системе, однако преобладала благоприятная реакция на события воссоединения. Жители Западной Беларуси принимали активное участие в создании временных органов власти и работе Народного собрания Западной Беларуси. Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые советским руководством меры, наблюдались сложности экономического и продовольственного характера. Заметно усложнилось положение религиозных институтов. Тем не менее введенные в жизнь местного населения Западной Беларуси изменения стали необходимым этапом его дальнейшего развития.

### Список литературы

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII –пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2. / М. У. Смяховіч [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус.навука, 2012. – 654 с.
2. Данилов, И. П. Записки западного белоруса: 1937-1945 гг. / И. П. Данилов. – 2-е изд, доработанное и дополненное. – Минск: В. Хурсик, 2007. – 357 с.
3. Василючек, М. В. В семье единой / М. В. Василючек. – Мн: Вышэйшая школа, 1977 г. – 112 с.
4. НАРБ.– Ф. 4п.– Оп.1. – Д. 14001.– Л. 1.
5. НАРБ.– Ф. 4п.– Оп. 1.– Д. 13593.– Л. 75–79.
6. Народное (национальное) собрание Западной Белоруссии, 28–30 октября 1939 года: стенографический отчет / под редакцией В. Н. Малина. – Минск: Государственное издательство БССР, 1946. – 193 с.
7. Письмо секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко И. В. Сталину о положении в Западной Беларуси // «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы Западной Украины и Западной Беларуси // «Ты з

Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. – 1956 г.: дакументы і матэрыялы: у 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 г.–1941 г. /склад.: У. І. Адамушка [і інш.]. – Мінск: Беларус. Навука, 2009. – С. 20–25.

8. Толочко, Д. М. Формирование органов государственного управления в Западной Беларуси осенью 1939 г. / Д. М. Толочко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины: научный и производственно-практический журнал. – 2011. – № 5. – С. 132–136.

## КУЛЬТУРА ВНЕАУДИТОРНОГО ЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

**Чжан Нин,**

аспирант факультета философии и социальных наук  
Белорусского государственного университета

**Аннотация:** В статье рассматривается феномен внеаудиторного чтения как потенциального образовательного ресурса для студентов вузов в эпоху Интернета. На основе исследования социологически репрезентативной выборки группы студентов Наньчанского университета (Китай) было выявлено, что внеаудиторное чтение студентов характеризуется следующими особенностями: 1) отсутствуют четкие и осмысленные цели выбора тематики и объема читаемой литературы; 2) среди выбранной номенклатуры чтения преобладают электронные СМИ; 3) при выборе тематической направленности читаемой литературы приоритет отдается изданиям, в которых преобладает развлекательное содержание; 4) клиповый характер и визуальные формы подачи информации также являются важным аргументом при выборе литературных источников для внеаудиторного чтения. Эти особенности достаточно убедительно свидетельствуют о том, что проблема формирования читательской культуры студентов в эпоху Интернета стоит очень остро и требует принятия и реализации комплексной системы образовательных и организационных мер.

**Ключевые слова:** читательская культура студентов; внеклассное чтение как образовательный ресурс; читательская грамотность; эпоха Интернета в современном китайском образовании.

## THE CULTURE OF EXTRACURRICULAR READING AMONG STUDENTS IN THE INTERNET ERA

**Zhang Ning**

PhD student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

**Abstract.** The article examines the phenomenon of extracurricular reading as a potential educational resource for university students in the Internet era. Based on a study of a sociologically representative sample of a group of students at Nanchang University (China), it was found that students' extracurricular reading is characterized by the following features: 1) there are no clear and meaningful goals for choosing a subject and the amount of literature read; 2) among the selected reading nomenclature, electronic media dominate; 3) when choosing the

thematic orientation of the literature being read, priority is given to publications in which entertaining content predominates; 4) the clip nature and visual forms of presenting information are also an important argument when choosing literary sources for extracurricular reading. These features quite convincingly indicate that the problem of a reading culture among students in the Internet era is very acute and requires the adoption and implementation of a comprehensive system of educational and organizational measures.

**Keywords:** reading culture of students; extracurricular reading as an educational resource; reading literacy; Internet era in modern Chinese education.

In the Internet era, people's reading has seen new changes, and the reading of contemporary university students has also shown some phenomena such as with shallow reading, fragmented reading and micro-reading and even short-lived screen reading. These phenomena have a relatively profound impact on the improvement of university students' reading literacy. Studying these phenomena and exploring the reasons for them will help to further educate and guide the reading behaviour of university students and continuously improve their reading literacy. For this reason, we take the students of Nanchang University majoring in liberal arts in all grades as the research object, and analyse the tendency of extracurricular reading of university students majoring in liberal arts and the reasons for this phenomenon. This article is based on a study of a sociologically representative student sample of Nanchang University.

### 1. Studies on Reading Literacy of university Students

Good reading literacy is the foundation of university students' learning and development, and reading literacy refers to the ability to "comprehend, apply, evaluate, reflect on, and participate in reading activities in order to achieve personal goals, increase knowledge, explore potential, and participate effectively in social life"[1, P.46-58]. Regarding reading tendency, its meaning refers to "a tendency of readers to put their reading needs into reading behaviours and express their reading characteristics in order to achieve their reading desires" [2, P.30-43], it means the relatively stable tendency or pattern shown by readers' personal or a reading group in terms of their choice of reading methods and reading content preferences. In the digital era, the reading tendency of university students presents some new changes and new features, which need to be further explored and studied.

Reading can increase all kinds of cultural knowledge, improve personal cultivation, broaden their horizons. This is especially true for extracurricular reading, which not only extends the learning of professional knowledge, but also enriches other insights. From the research of many scholars and the actual

situation of reading in recent years, it can be seen that reading literacy has become an important aspect of the new era to improve the quality of nationals, scientific and technological progress and development of the quality of all the people in all aspects of the higher requirements.

## 2. Survey on Reading Tendency of university Students in the Digital Era

### 2.1 Time and quantity of extracurricular reading

In terms of reading time, there is a difference between the time university students spend on paper book reading and e-book reading. In terms of reading paper books, the proportion of university students who read less than half an hour a day is 43.46%, the proportion of those who read more than 2 hours a day is 13.85%, and the proportion of university students who read 1 to 2 hours a day is 42.69%; in terms of the reading time of university students for e-books, 25.38% of the university students read more than 2 hours a day, 40.38% of the university students read 1 to 2 hours. It can be seen that most of the students read more than 2 hours a day through e-books, reflecting the fact that in the digital age, university students gradually tend to read e-books as their medium of choice. In terms of the number of reading, there is a difference between the number of paper books and electronic books read by university students.

### 2.2 Purpose and content of extracurricular reading

Regarding the purpose of extracurricular reading of university students, the study shows that the purpose of extracurricular reading of university students is as follows: most of the university students read for hobbies and recreation, followed by "broadening the coverage of their own knowledge", "deepening their professional knowledge" and "preparing for exams". The second is to "broaden their knowledge coverage", "study professional knowledge in depth" and "prepare for exams", in order to master more professional knowledge and obtain certificates through exams to improve their own content.

From the survey of the type of reading content, education class ranks as the most favourite reading material for university students, with a proportion of 49.23%, followed by detective class (36.54%), romance class (35%), philosophy class (32.31%). Among them, 20.77% of university students chose entertainment and fashion books, reflecting that some university students tend to choose entertainment as their reading content. It can be seen that under the pressure of academic stress and employment, university students' extracurricular reading is more fond of literature and art, on the contrary, they are relatively less fond of books on examination and counselling.

### 2.3 Source and process of extracurricular reading

Currently, university students' extracurricular reading channels are mainly

through Internet reading and purchasing by themselves, followed by library borrowing, borrowing from others is 27.69%, of which the proportion of reading through the Internet reaches 67.31%. These data show from a certain point of view that the channels of extracurricular reading of university students are diversified, and that reading on the Internet, borrowing from libraries and purchasing by themselves are the main channels for university students to acquire extracurricular reading.

The formalisation trend of university students' extracurricular reading process in the digital era is obvious. From the record of university students' extracurricular reading process, 44.62% of university students will "extract good words and sentences and read them over and over again", followed by circling and annotating in the process of reading (the proportion of 38.46%) and writing reading tips and notes (the proportion of 36.92%), and even 26.54% of university students do not form a better reading habit. Even 26.54% of university students do not form good reading habits. This shows that the reading habit of university students presents the characteristic of diversified forms, university students will have some good habits to assist the comprehension and memorisation of extracurricular reading.

### 3 Problems of extracurricular reading of university students in the digital era

#### 3.1 Ambiguous reading goals and low reading volume

From the analysis of the survey data, some students do not have a clear objective of extracurricular reading, and some students are not clear about the purpose of their extracurricular reading. Reading is not only to get all kinds of certificates or pass a series of exams, reading can also give university students a wide range of knowledge and horizons, so as to improve the personal qualities of university students. Zhu Yongxin said that: "a person's spiritual development is his reading history, a nation's spiritual realm depends largely on the reading level of the nation" [3, P.16-19]. Reading can keep one's mind alive and inspire one's wisdom. Truly take reading and learning as a life attitude, a work responsibility, a spiritual pursuit, consciously develop the habit of reading, really make reading and learning become an important part of work, life, so that all the beneficial knowledge and culture into the brain into the heart [4, P.56-58]. Therefore, university students need to further clarify the goal of reading in extracurricular reading. From the results of the questionnaire most of the university students read outside the classroom for less than two hours, which shows that university students have little time for extracurricular reading, and some of them have difficulty in arranging their study time reasonably, which leads to the lack of time

for extracurricular reading, the amount of extracurricular reading is also reduced, and the scope of extracurricular reading also becomes narrow. Some university students have bad reading habits, some students even have no reading habits, which is difficult to control the understanding and mastery of the article, reading accompanied by manual writing or sketching will deepen the memory and understanding.

3.2 The reading medium tends to be electronic, and the reading content tends to be entertaining.

Through the questionnaire, it can be found that contemporary university students focus more on the way of reading electronic books, while the traditional paper books are far away from reading, the traditional paper books have slowly disappeared from the public's field of vision, in order to university students need to do more reading of paper books, the reading of paper books can effectively avoid the reading of the fragmentation and superficial. The content of extracurricular reading tends to be entertaining, most of the university students are more inclined to popular entertainment readings in extracurricular reading, and interesting books and newspapers are the first choice of the university students, but they are very indifferent to traditional masterpieces and professional books, and have a high demand for the books of examination counselling. In the questionnaire, it can be observed that most of the university students are more interested in entertainment and interesting books, but less interested in extracurricular reading of professional books, even if some extracurricular reading of professional books is to cope with the tasks assigned by the teacher.

3.3 Inaccurate Screening of Reading Information, Reading Literacy Needs to be Improved

The development of new media, the type of network reading endless, a variety of forms of literature appeared in the field of vision of university students, which requires university students to have a pair of eyes that can distinguish between right and wrong, and learn to grasp the quality of information to read [5, P.599-604]. Shallow reading has emerged with the media network, but in the short time of shallow reading, can university students really appreciate the core ideas in the extracurricular reading content? Can they really think deeply about the issues raised in the reading? This is the need for university students to learn to sift through the information, whether it is light reading or verbatim reading, they need to learn to use efficient and correct methods of reading. At present, most of the university students are involved in extracurricular activities and preparation for exams and grades in school, and there is a lack of awareness of their own cultural quality and reading literacy. In addition, universities organize fewer

extracurricular reading activities, libraries are less attractive to university students, and students rarely participate in extracurricular reading activities, so whether university students read extracurricular relies on their own interest in reading, coupled with the rise of network reading, it is difficult for university students to read extracurricular in a good collective reading environment, and university students are rarely involved in reading in the courses they study in universities. Universities need to carry out extracurricular reading activities to improve the reading literacy of students. The conclusions of this paper are mainly concerned with Chinese students and the specifics of using Internet information resources in China. As such, the Chinese experience is unique and requires a certain amount of standardization and adaptation relative to other countries and universities.

### References

1. Плотников С.Н. Читательская культура в России // Homo legens: памяти С.Н. Плотникова: сб. науч. тр. – М., 1999. – С. 46-58.
2. Lei S A, Rhinehart P J, Howard H A, et al. Strategies for improving reading comprehension among university students[J]. Reading Improvement, 2010, 47(1): 30-43.
3. Zhu Yongxin. The spiritual level of a nation depends on the "reading level"[J]. Inner Mongolia Education, 2012(7):16-19.
4. WANG Zhenjie, ZHOU Xun, ZUO Hong. Analysis of the Current Situation of College Students' Reading Behavior and Countermeasures to Promote It--Taking a College in Beijing as an Example[J]. China Publishing, 2019(18):56-58.
5. Holschuh J P. university reading and studying: The complexity of academic literacy task demands[J]. Journal of Adolescent & Adult Literacy, 2019, 62(6): 599-604.

## ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОНЯТИЯ «КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»

**Шахова Ксения Витальевна,**

студентка Института социальных и гуманитарных наук,

Вологодский государственный университет

Научный руководитель – Дрянных Наталия Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии,

Вологодский государственный университет

**Аннотация:** В статье рассматривается детальный и подробный анализ понятия «критическое мышление» как категории, возникшей намного ранее и развивающейся параллельно с понятием «мышление», как фундаментом знания. В данном тексте перечисляется ряд имеющихся дефиниций, приведен анализ термина с точки зрения философии, психологии и педагогики. Критическое мышление – это нематериальная категория, теоретически обоснованная и, с некоторого времени, являющаяся объектом обсуждений и споров. Критически мыслить необходимо в работе с информацией. И речь идет не только о проверке информации на действительность, ее сопоставлении с реальностью, но и с нахождением необходимого знания среди большого медийного потока. Настоящую статью можно рассматривать как первую часть серии, посвященной вопросам критического мышления.

**Ключевые слова:** критическое мышление; определение; информация; мышление; анализ; рефлексивное мышление.

## THE HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL EXPLICATION OF THE CONCEPT «CRITICAL THINKING»

**Shakhova Kseniya Vital'evna,**

the student of the Institute of Social and Humanitarian Sciences,

Vologda State University

Scientific supervisor – Dryannykh Nataliya Viktorovna, Ph. D. in philosophical science,

associate professor and the head of the Department of philosophy.

Vologda State University

**Abstract.** The article deals with a detailed analysis of the concept of “critical thinking” as a category that has appeared much earlier and which is developing simultaneously with the concept of “thinking” as the foundation of knowledge. This article lists a number of existing definitions and provides an analysis of the term from the point of view of philosophy,

psychology and pedagogics. Critical thinking is a non-material theoretically based category and, for some time it is an object of discussion and debates. Critical thinking is necessary to work with information. It is not only about its validation comparing with reality, but also about discovering necessary knowledge within large media streams. This article can be considered the first part of a series of articles on critical thinking.

**Keywords:** critical thinking, definition, information, thinking, analysis, reflective thinking.

В последнее десятилетие объем информации, накопленный в мире относительно различных сфер жизни общества, значительно возрос, и каналы восприятия, организации и обработки информации у представителей современного общества находятся в постоянной работе. В условиях высокого развития СМИ успешность и правильность самостоятельной работы и всестороннего анализа человеком информации, работы с ней посредством работы с письменными источниками зависят от уровня развития критического мышления личности. Еще в школе главное место в учебном процессе отводится именно самостоятельной познавательной деятельности учащихся. Каждый человек должен уметь осмысленно усваивать материал и иметь навыки обобщения информации. Возникают вопросы об истоках понятия «критическое мышление», его особенностях и отличительных чертах.

Считается, что термин «критическое мышление» впервые был применен в комплексной работе «О важности учебного плана по математике и роли точности мышления» Кларка и Рива (1928 г.). До этого он не использовался в научной сфере, и тождественным понятием было рефлексивное мышление. В настоящее время предлагается множество определений понятия «критическое мышление». Авторы, философы, специалисты в педагогической сфере обращают внимание в своих определениях именно на умения работать с информацией. Так, в педагогическом словаре 2005 года Г. М. Коджаспировой. и А.Ю. Коджаспирова критическое мышление определяется «как способность анализировать информацию с позиций логики, умение выносить обоснованные суждения, решения и применять полученные результаты как к стандартным, так и нестандартным ситуациям, вопросам и проблемам» [1].

С точки зрения психологии критическое мышление определяется как использование таких когнитивных навыков и стратегий, увеличивающих

вероятность получения желаемого результата, отличающихся взвешенностью, логичностью и целенаправленностью.

И хотя, множество определений «критического мышления» предлагаются современными исследователями, все же опосредованно данная категория возникла намного ранее и развивалась параллельно с понятием «мышление», как фундаментом знания.

Первым, известным для нас, к понятию «мышление» в V веке до нашей эры обратился древнегреческий философ, главный представитель Элейской школы Парменид, который в своей поэме «О природе» утверждал, что нельзя мыслить о том, чего нет [2]. Данное утверждение является достаточно значимым относительно критического мышления, характеризующееся своей направленностью, существованием в рамках сравнения и оценки разнообразных понятий, которые выступают в роли предмета его изучения.

Большой вклад в философское развитие понимания мышления внес древнегреческий философ Анаксагор, первым, в V веке до н.э., обозначив разум как закон и положив его в основу бытия, утверждая: «Все вещи были вперемешку, затем пришел «разум» и их упорядочил»**Ошибка! Залка не о пределена..** Так мышление становится нематериальной категорией с предметной отнесенностью.

Древнегреческие учителя красноречия Софисты (Протагор, Горгий, Продик) обозначили разум как способность человека. Цель логических рассуждений по софистам – мгновенная убедительность, а целью критического мышления является объективная оценка фактов. Данные направления противоположны. Таким образом, возникновение и становление софистики можно принять за исходную точку создания теории критического мышления.

Современник софистов, древнегреческий философ Сократ высказывал иную от софистов точку зрения, рассматривая мышление как способ познания бытия и как способ его изменения. Способ рассуждения Сократа – основа современного критического мышления. Техника Сократа стала важнейшей частью творческого процесса в образовательной системе.

В рамках развития критического мышления интересны учения Платона. Разум – по Платону – регулятор взаимодействия частей. Сопоставляя учения о душе и о познании, Платон выделил две составляющие души: разумную (обращение к миру идей) и неразумную (обращение к миру вещей). Душа в процессе мышления является активной. Также в платонических диалогах встречаются критические аргументы.

Афинский философ классического периода Древней Греции Платон писал о том, что разум, то есть мышление, является первостепенным способом познания, активным и самостоятельным, что является обязательным условием критического мышления [3].

Аналитика, по Аристотелю, – учение об основных логических законах, о доказательстве и о его методах. Аристотель выделяет высший и пассивный разумы. С помощью второго человек только воспринимает, а высший разум описан Аристотелем как деятельный и созидательный, каким и является критическое мышление. Внося большой вклад в совершенствование самой процедуры критического мышления, Аристотель определил место критического мышления в системе познания человека.

«Перипатетиками» называли приверженцев философии Аристотеля. К ним относятся средневековые философы Ансельм Кентерберийский и Ибн Рушд (Аввероэс), философы эпохи Возрождения: Николай Кузанский и П. Помпонаци. Католический богослов Ансельм Кентерберийский обосновывал существование Бога, опираясь на собственный разум, его способности, тем самым, одним из первых, применяя критическое мышление. Андалусский философ Ибн Рушд (Аввероэс) считал, что человек достигает счастья с помощью деятельного разума (о котором писал Аристотель), то есть в познании истины. На данное познание необходимых истин и направлено критическое мышление, являясь, тем самым, формой деятельного разума. Диалектика (учение о способах разрешения противоречий мышлением) приверженца философии Платона и Аристотеля, немецкого философа Николая Кузанского предвосхитила диалектику Гегеля и теорию критического мышления. Философ Италии П. Помпонаци утверждал о том, что мышление невозможно без органов чувств, ощущений и представлений [4, с. 146]. К характеристикам разума он относил рациональность, целенаправленность, что является и характеристиками критического мышления, поэтому можно считать, что критическое мышление является одним из видов данного разума.

Рассмотрим идеи философов Нового времени: Ф. Бэкона и Т. Гоббса. Английский философ, основоположник эмпиризма Ф. Бэкон писал о мышлении как о беспристрастном уме, который освобожден от предрассудков, открыт опыту и окружающему миру [5]. Данное положение лежит в основе современной теории и практики критического мышления. Аналитические и синтетические методы познания, выделяемые британским философом Т. Гоббсом, сейчас являются важнейшими составляющими критического мышления.

Появление первоначального направления теории критического мышления обязано критической философии немецкого философа И. Канта, основной идеей которой является то, что перед познанием необходимо изучить само «орудие познания», подвергая критике способности познания. Но если И. Кант считал критику предварительным этапом, то К. Поппер считал критическое мышление ядром любого рационального мышления.

Последующие философские размышления, прямо или косвенно относящиеся к критическому мышлению (система аргументации немецкого философа XIX века М.Хайдеггера, деятельность немецких философов XX века Х.Гадамера и Э.Фромма), связаны с обращением к уже упомянутым вопросно-ответным процедурам Сократа, которые составили основу логики. Направление развивалось, и критическая техника стала иметь уже несколько названий: «критическая теория образования», «новая социология образования», «социально-критическая педагогика» и, наконец, «критическое мышление». Как целостная концепция направления была сформулирована также в немецкоязычных государствах. Хотя еще ранее в СССР был подготовлен к печати (но не издан) сборник под редакцией советского философа Г.П. Щедровицкого «Педагогика и логика», который опирался на философию и теорию деятельности.

Результатом этого движения стало появление в 1970-е годы новой образовательной парадигмы, сосредоточенной вокруг идей критического мышления. В настоящее время в нашем государстве данное движение достигло значительных масштабов, и ориентация на развитие критического мышления личности ребенка стала одним из активно развивающихся направлений реформирования системы современного образования, о чем подтверждает и то, что одной из технологий образования, которая предоставляет возможность развивать функциональную грамотность обучающихся в рамках учебной деятельности, является технология развития критического мышления. Одна из образовательных технологий, которая дает возможность развивать функциональную грамотность учащихся в процессе учебной деятельности, – это технология развития критического мышления.

Таким образом, возникновение термина «критическое мышление», становление нематериальной категорией восходит еще к V веку до нашей эры, его теоретическая обоснованность – к первой половине IV века до нашей эры и в последующие периоды в истории данное понятие еще более распространяется и становится объектом споров и обсуждений. В средневековье появились суждения о неразрывной связи мышления и

органов чувств, ощущений и представлений. Теоретизация критического мышления связана с XVIII веком в истории и научной деятельностью И. Канта. Последующие идеи были связаны с прошлым философским опытом, а с постоянным развитием общества необходимость владения критическим мышлением только возрастала. Теоретические основы критического мышления показывают, что сама категория «критическое мышление» предполагает не только отношение к информации, ее верификацию и сопоставление с реальностью, но и к непосредственную работу с информацией, а именно нахождение необходимого знания среди больших информационных потоков.

### Список литературы

1. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: Для студ.высш. и сред. пед. учеб. заведений. – М.: И; М.: Издательский центр «Академия», 2000. 176 с.
2. Антология мировой философии. В 4-х томах. Т.1. Философия древности и средневековья. Часть 1. Ред. Коллегия: В.В. Соколов и др. М.: Мысль, 1969. – 576 с.
3. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т 1. // Общ. Ред. А.Ф. Лосева и др.; Авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев.; Примеч. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. – 860 с.
4. Мареева, Е.В. Пьетро Помпонацци: у истоков культурно-исторической методологии // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 146.
5. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е испр. и доп. изд. Т. 2. Сост., общ. Ред. И вступит. статья А.Л. Субботина. – М., Мысль, 1978. – 575 с.

## РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

**Шершнева Ольга Александровна,**

старший преподаватель кафедры философии и методологии науки  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** В статье представлена историческая реконструкция феномена человекомерности, проводится сравнительный анализ гуманистических идеалов разных эпох, делается акцент на постнеклассическом понимании человекомерности и тех техногенных факторов, которые трансформировали представления о человеческой природе и человеческом в современном обществе.

**Ключевые слова:** человекомерность, гуманизм, гуманность, техногенное общество, технократизм, антропологический поворот.

## RECONSTRUCTION OF HUMANITY IN CONDITIONS OF SOCIAL TURBULENCE

**Shershnyova Olga A.**

Senior Lecturer of the Faculty of Philosophy and Social Sciences  
Belarusian State University

**Annotation.** The article presents a historical reconstruction of the phenomenon of human being, a comparative analysis of humanistic ideals of different eras is carried out, emphasis is placed on the post-non-classical understanding of humanity and those technogenic factors that transformed the ideas of human nature and humanity in modern society.

**Keywords:** human being, humanism, humanity, technogenic society, technocratism, anthropological turn.

Проблема человека, его идентичности, смысло-жизненных ориентиров и самоопределения всегда были и остаются остроактуальными. На протяжении всей истории человечества величайшие представители социально-гуманитарного знания озадачивались вопросами природы человека и его сущности. Несмотря на колоссальное количество как теоретических, так и практико ориентированных исследований в этой области (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, К. Ясперс и др.), эта тема остается по-прежнему открытой.

Кажется, что чем больше становится известно о бытийственных началах, фактах и модусах существования человека, тем менее прозрачным он является. Безусловно, природа человека многомерна и многолика, она динамична и всегда пребывает в стадии незавершенности и открытости, тем не менее сегодня можно наблюдать определенные трансформации природы человека, поэтому неслучайно наш век часто знаменуют как «второе осевое время» или «второй антропологический поворот».

Первый антропологический поворот произошел в начале XX века, был спровоцирован радикальными научными открытиями, бурным ростом нового знания и в итоге крушением идеалов классической рациональности с ее верой в безграничные возможности человеческого разума. Мировые войны, социальная и политическая всепланетарная нестабильность обострили интерес к живому человеку и его будущему. С одной стороны, антропологический поворот снова поставил в центр исторических перспектив самого человека, только уже не как абстрактного индивида, а как живую личность с присущими ей экзистенциальными параметрами, такими как страх, тревога, забота, ответственность, свобода, личностный выбор и т.д. Как отмечает Б. В. Марков, «это поворот к новому философскому обоснованию гуманитарных и социальных наук, в котором произошла...апелляция к проблематике человека во всей его широте» [1, с. 23].

С другой стороны, выработка новой парадигмы видения человека столкнулась с непреодолимыми трудностями, вызванными прежде всего редукционизмом сути человека или к природному, или к биологическому, или к психологическому, или к метафизическому, или к культурному, или к социальному, или к инструментально-техническому. Построить целостное знание о человеке не увенчалось успехом потому, что многогранную природу человека нельзя свести к некому интеллектуальному конструкту, к заданной и уже готовой идее, «человек оказался безмерным в мире мер» [2, с. 260].

Такая ситуация правомерно ознаменовала собой необходимость поиска новых методологических оснований изучения природы человека. Нынешнюю современность можно квалифицировать как второй антропологический поворот, цель которого – реанимировать гуманитарные смыслы человеческого существования в мире и выстроить новый вектор целостности личностного бытия человека. Сделать это возможно посредством обращения к человекомерности как своеобразной методологической парадигме, включающей в себя проекции

«природомерности» и «социомерности» и ориентированной на место человека в бытии и на способ его ценностного духовного становления в самоорганизующемся мире, его окружающим и им же самим создаваемом.

Несмотря на то, что человекомерность особенно актуализируется в эпоху технократического общества, она не является исключительно современным конструктом, а уходит корнями в далекое прошлое и неизбежно отсылает к античному антропоцентризму. В античности «humanitas» – «человечность», обозначала духовную культуру, образованность, гражданственность. Человекомерность соизмерялась с культурой, разумностью, ученостью, энциклопедичностью, в том смысле греческий гуманизм воплощал в себе образец высокой человеческой культуры. Ориентация на такие добродетели, как справедливость, честность, истина, а также гармонию с обществом и природой выстраивала взаимообусловленность человекомерности с природомерностью и социомерностью. Нравственный идеал человека совпадал с рациональностью (поступать гуманно значит поступать разумно), и ограничивался исключительно сферой разума.

В средние века статус человека как «меры всех вещей» переосмысливается. Схоластическая направленность мировоззрения этой эпохи предопределила сакральный смысл гуманизма, который измерял человекомерность приобщением к боговдохновенным смыслам, соответственно ограничивал ее сферой божественного. Средневековое наследие наделило человекомерность, а вместе с ней и социомерность и природомерность божественной природой, тем самым замкнула их в границах духовной религиозной культуры.

Эпоха Ренессанса, возрождая античные идеалы, ознаменовала собой подлинно личностный этический гуманизм, признающий самоценность человека, его прав и свобод. Человек становится интересным не с точки зрения авторитета божественного и высших сакральных принципов, а как личность с ее потребностями, ценностными установками, целевыми ориентациями. Человекомерность эпохи возрожденческого гуманизма характеризуется отсутствием всяческих границ, налагающих запрет на волеизъявление человека. Безграничные возможности человека ускорили становление потребительской позиции по отношению к природе и смоделировали в социальной среде научно-прогрессистский вектор как ключевой. Соответственно наблюдается дисбаланс между человекомерностью, природомерностью и социомерностью.

Такой дисбаланс только усугубился в новоевропейской традиции, которая прошла под знаком механицизма и техницизма. Научная рациональность этого периода гуманизм соотносит с пользой и практикой. Человекомерность уступает место наукоцентризму, сам человек перестает быть мерой, превращается в субъект познания и становится в тоже время объектом познания. Гуманистические идеалы человеколюбия, морально-этические принципы соизмерятся с научным прогрессом как способом их реализации, выступают на вторых зависимых от науки началах и перестают обладать статусом самоценности.

Поворот к технизации нарушил технико-гуманитарный баланс в процессе цивилизационного развития, вытеснил человекомерность на периферию, но только он же и способен преодолеть разрыв между научно-техническим и гуманитарным, реабилитировать человекомерность, тем самым видится возможным коэволюция сферы технического и подлинно человеческого. Чтобы прояснить, на каких основаниях и при каких условиях возможна такая коэволюция, необходимо обратиться к анализу техногенного общества, его технократических идеалов и антропологическому измерению этого общества.

Техногенное общество – это общество, генезис которого осуществляется на основе достижений науки, развитых технологий и становления нового типа реальности - техносферы как урбанизированной искусственной среды. Техника (производственная, управленческая, транспортная, военная, научных исследований, культуры и быта и пр.) становится важнейшим фактором регламентации общественной жизни и необходимым условием ее развития.

В постнеклассическом понимании человекомерность – это «способность человека к разновекторной самореализации (качественная характеристика), а не только многовекторной (количественная характеристика), в процессе которой высвобождаются его творческие и деструктивные потенции» [3, с. 76].

Импульс к дальнейшей разработке данной проблематики дал В. С. Стёпин, который ввел представление о «человекомерности» в естественно-научные постнеклассические стратегии, обозначив необходимость «антропологического поворота» как в философии, так и в науке. Данный термин используется В. С. Стёпиным в контексте междисциплинарного анализа сложных систем, включающих человека и его деятельность в качестве составного компонента [4]. В. С. Стёпин показывает, что определение стратегии и возможных направлений

преобразования человекомерных систем непосредственно затрагивает «аксиологические, гуманистические аспекты и часто предполагает необходимость проведения гуманитарной экспертизы» [5, с. 28].

В постнеклассической науке утверждается парадигма целостности, согласно которой мироздание, биосфера, ноосфера, общество, человек и т. д. представляют собой единое целое. Проявлением этой целостности является то, что человек находится не вне изучаемого объекта, а внутри него, он лишь часть, компонент.

Таким образом, сложный постсовременный мир в виду тотальной технизации социальной реальности все больше измеряется в категориях систематизации, стандартизации, рационализации, формализации, виртуализации. Появились предпосылки для деперсонализации человека, его дигитализации и дегуманизации, все больше предупреждают человечество об «антропологической катастрофе», которая связывается с разрушением устойчивых культурных традиций при участии технической индустрии. Деструктивное влияние технических инноваций с точки зрения сторонников технофобии ведет к становлению «искусственной бесчеловечной техногенной реальности и расчеловечиванию человека» [6, с. 31], главными характеристиками которого становятся размытость самоидентификации, примитивность, манипулятивность, эгоцентризм.

В этой связи встает необходимость мыслить о человеке не в категориях готового данного сущего, а в категориях постоянной переориентации, навигации, поиска места. Как отмечает Смирнов С. А., «человек – не сущее, а меняющаяся, пульсирующая точка на онтологической карте [7, с. 28].

### Список литературы

1. Марков Б. В. Антропологический поворот в философии XX в. // Очерки социальной антропологии / отв. ред. В. В. Шаронов. СПб.: Петрополис, 1995. С. 18–29.
2. Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы. В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. – СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2011. – 336 с.
3. Донникова И. А. Человекомерность в постнеклассическом понимании / И. А. Донникова // Міжнародна наукова конференція «Дні науки філософського факультету – 2012», 18-19 квітня 2012 р.: (матеріали доповідей та виступів) – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2014. – Ч. 3.– С. 74–76.
4. Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

5. Стёпин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Стёпин. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

6. Смирнов С. А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. – 2017. – № 2. – С. 23 –35.

7. Смирнов, С. А, Яблокова Е. П. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // Философская антропология. – 2019. Т. 5. № 1. С. 26–44.

## «НОМО COMMUNICARES»: «ЧЕЛОВЕК КОММУНИЦИРУЮЩИЙ» КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

**Янчук Елена Игнатьевна**

кандидат философских наук, доцент,  
доцент кафедры философии и методологии науки,  
Белорусский государственный университет

**Аннотация.** Статья посвящена одному из важнейших аспектов социальности – социальной коммуникации. Особое внимание уделяется носителю коммуникативных способностей – «человеку коммуницирующему». Рассмотрение данного конструкта осуществляется через призму двух современных философских традиций: персонализма и экзистенциализма, - представленных в творчестве немецкого философа Мартина Бубера и французского философа Эммануэля Мунье. Особое внимание уделяется фигуре Другого, весьма противоречиво проявляющей себя в различных коммуникативных обстоятельствах.

**Ключевые слова:** личность; коммуникация; философская рефлексия; персонализм; экзистенциализм; проблема Другого.

## “НОМО COMMUNICARES”: “COMMUNICATING PERSON” AS AN OBJECT OF MODERN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

**Yanchuk Elena I.**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences,  
Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science,  
Belarusian State University

**Abstracts.** The article is devoted to one of the most important aspects of sociality – social communication. Particular attention is paid to the bearer of communicative abilities – the “communicating person”. This construct is examined through the prism of two modern philosophical traditions: personalism and existentialism, represented in the works of the German philosopher Martin Buber and the French philosopher Emmanuel Mounier. Particular attention is paid to the figure of the Other, which manifests itself very contradictorily in various communicative circumstances

**Keywords:** person; communication; philosophical reflection; personalism; existentialism; problem of the Other.

Одним из достижений современной социальной философии вполне заслуженно считается открытие темы коммуникации. Коммуникация как процесс и важный аспект социальности привлекала к себе внимание уже античных мыслителей. Однако именно в 20 веке она стала одной из главных тем социально-гуманитарного рассмотрения. Некоторые авторы придали коммуникации особый статус и трактуют коммуникацию как «революционное открытие». [1]

Не осталась в стороне от интереса к коммуникации и философия. Самые разнообразные ее направления весьма охотно апеллируют к этому понятию. Так, широко известен интерес современной философии к проблемам языка (различные версии структурализма и постструктурализма, символические теории и т.п.), проблемам смысла и его понимания (феноменологически-герменевтическая традиция), будущего человеческой цивилизации (различные социально-философские модели будущего общественного развития, в том числе информационного и постиндустриального общества) и т.д. И решить эти проблемы без обращения к коммуникации: и как к процессу, и как к понятию, - практически невозможно. Тем не менее среди многообразия философских концепций можно выделить два направления, наиболее полно прорабатывающие тему коммуникации. Речь идет о персонализме, современную версию которого предложил французский философ Э. Мунье, и экзистенциализме, в рамках которого весомый вклад в изучение коммуникации и темы Другого внесли немецкие и французские философы от М. Бубера, М. Хайдеггера, К. Ясперса до Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса.

«Человек коммуницирующий» появляется не случайно. Тому есть свои основания. Немецкий философ М. Бубер в своей работе «Два образа веры: Проблема человека» исследует генезис постановки проблемы человека через призму исторического познания. Он различает в истории европейской цивилизации две эпохи: эпоху «обустроенности» и эпоху «бездомности» [2]. Эпоха «обустроенности» обеспечивает человеку комфортное существование. Человек чувствует себя в мире как дома. Человек в таких условиях не чувствует себя одиноким, и ничто не побуждает его проблематизировать свое существование. Совсем другая ситуация складывается в эпохи «бездомности»: человек ощущает себя как «в диком поле», одиноким, брошенным, проблематизированным. Такой человек-одиночка готов к постановке проблемы человека, к рефлексии над своим собственным существованием. М. Бубер отмечает, что первый такого

рода кризис приходит с концом эллинизма, что сопровождается гибелью единого греческого космоса, единой греческой ойкумены, разрушением той гармонии человека и мира, которая обеспечивалась античной греческой цивилизацией. И пришедший ей на смену ранний христианский мир перестает быть домом для человека. Такие эпохи сменяют друг друга: более или менее обустроенный Фомой Аквинским космос затем в Новое время вновь рухнул под ударами Коперника. Бесконечность надвинулась на человека и ужаснула его. Причем с высоты текущего времени можно утверждать, что бесконечность не просто пришла в рамках какого-либо этапа истории: она пришла навсегда. Подтверждением тому может служить популярная в научных кругах так называемая М-гипотеза или гипотеза Мультиверсума, суть которой состоит в том, что наша Вселенная – далеко не единственная в своем роде.

М. Бубер обращает наше внимание не только на «космические» факторы, способствующие постановке проблемы человека. Автор указывает также на прогрессирующий распад традиционных форм человеческого общежития: семьи, ремесленных союзов, сельских и городских общин, - которые вместе с новыми социальными формами лишь заглушают одиночество человека, сохраняя иллюзию обустроенности. Не следует игнорировать также и фактор отчуждения, согласно которому творения рук человеческих становятся независимыми от своего создателя и даже могут стать враждебными ему.

В сложившейся ситуации индивидуальное, самодостаточное «Я», с одной стороны, осознало свою незащищенность и покинутость, а с другой стороны, обнаружило, что оно на самом деле не одиноко. «Я» обнаружило, что кроме него есть еще некто. И этим некто оказался «Другой». Этот Другой сразу выступил в двух диаметрально противоположных ролях. Он оказался и «светом в конце туннеля», обеспечившим выход из индивидуалистического кризиса, и в то же время его присутствие создало новую для Я проблему: с ним необходимо общаться, коммуницировать тем или иным образом.

Философ отмечает, что встреча Я и Другого образует принципиально новую реальность. Ее открытие «указывает для будущих поколений новый путь жизненного решения, который забирает выше индивидуализма и коллективизма. Здесь намечается то истинное Третье, познание которого поможет человеческому роду вновь обрести подлинную личность и учредить истинную общность» [2, с. 231].

Таким образом, в постклассической философии складывается новый концепт, выраженный дихотомией Я–Ты, Я–Мы, Я–Другой. В рамках данного концепта главное место занимает коммуникативная, интеракционистская сторона человеческого существования, а интерсубъективность и язык в целом ряде философских концепций позиционируют себя как две важнейшие манифестации социальной сущности человека. Сфера общения, коммуникации становится одним из главных рычагов преодоления назревшего мировоззренческого кризиса. Выход из сложившейся ситуации во многом видится в преодолении отчуждения в сфере общения, в развитии таких качеств, как коммуникабельность и коммуникативная грамотность.

М. Бубер довольно полно и всесторонне разработал «проблему Другого» в своей знаковой работе «Я и Ты», также вошедшей в сборник «Два образа веры» [3]. В центре внимания философа – встреча человека с самим собой через встречу с иным человеческим бытием. Отсюда вытекает основополагающий факт человеческой экзистенции: состояние человека с человеком, состояние коммуникации. Бытие Другого может быть при этом представлено в двух основных формах: Ты-бытие и Оно-бытие. Автор при этом подчеркивает, что именно во взаимодействии с этими двумя формами бытия происходит становление Я. Другими словами, Я само по себе не существует, его существование обеспечивается слитностью с Ты и Оно. По сути дела, Я выступает как своеобразный конгломерат Я-Ты и Я-Оно.

Коммуникация с Оно представлена отношениями понятийно-рационального типа. Коммуникация же с Ты окрашена эмоциями, сопровождается переживаниями. Но в том и в другом случае М. Бубер отводит весьма важную роль языку, рассматривая его не только в вербальной, но и в невербальной его составляющей. Невербальное при этом вступает в действие в особо значимых, экзистенциально важных ситуациях.

Выделяя Оно и Ты как два типа реальности, противостоящих Я в коммуникации, М. Бубер считает, что человек проживает в двух принципиально отличных мирах: монологическом, функциональном и диалогическом, эмоционально-одухотворенном. В первом Другой выступает в качестве инструмента, позволяющего решать общие для Я и Другого проблемы. Такая коммуникация носит чисто деловой характер и исключает какие-либо личностные моменты. Во втором мире Другой не является объектом. Он, скорее, партнер в жизненном потоке. Именно в этом мире реализуется подлинное со-бытие личностей, знаменуя собой вершину человеческой коммуникации.

С рассуждениями немецкого мыслителя перекликаются идеи французского философа Э. Мунье. В своем «Манифесте персонализма» автор уделяет внимание не только центральному понятию персонализма: персоне, личности, - но также и коммуникации [4]. Исходной идеей в рассуждениях автора является положение о существовании свободных и творческих личностей. Личность при этом не определяется как объект, так как объектом может быть только нечто внешнее по отношению к человеку. Личность, напротив, это такая реальность, причем единственная в своем роде, которая познается и одновременно создается человеком изнутри. «Личность – это духовное существо, конституируемое, как таковое, способом существования и самостоятельностью в своем бытии; она поддерживает это существование посредством принятия некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых ценностей, посредством ответственного включения в деятельность и постоянно осуществляемого обращения; таким образом, она осуществляет свою деятельность в свободе и сверх того развивает посредством творческих актов свое призвание во всем его своеобразии» [4, с. 333]. «Являясь повсюду, – пишет Э. Мунье, – она нигде не дана заранее» [4, с. 507]. «Личность есть живая активность самотворчества, коммуникации и единения с другими личностями, которая реализуется и познается в действии, каким является опыт персонализации. И ничто не может навязать личности этот опыт или понуждать к нему» [4, с. 507]. При этом фундаментальнейшим свойством личности Э. Мунье называет именно коммуникацию.

Согласно Э. Мунье, существование человека может протекать в двух мирах: в мире индивидов и в мире личностей. «Жизнь общества — это постоянно возобновляющаяся герилья. Когда же вражда затихает, наступает всеобщая апатия и чувства боевого братства, дружбы, любви, кажется, тонут в пучине безразличия. Хайдеггер и Сартр ввели эту проблематику в философию. Коммуникация, согласно указанным мыслителям, заблокирована потребностью человека подчинять себе подобных, владеть ими. Каждый из нас по необходимости либо тиран, либо раб. Стоит лишь человеку посмотреть на меня, и почва уходит у меня из-под ног, присутствие "другого" сковывает мою свободу, его выбор встает препятствием на моем пути; любовь отравляет человеческие отношения, превращая их в ад» [4, с. 525]. Мир других людей постоянно угнетает, выбивает из колеи, ни на минуту не оставляет в покое, причиняет страдания. Этим существенно омрачается коммуникация [4, с. 526]. “Даже при самых

благоприятных условиях индивид одним своим присутствием омрачает коммуникацию. Всюду, где он заявляет о себе, он несет с собой смуту, расстраивает доверительные отношения, и каждый испытал это на собственной шкуре. Добродетель, если ею кичатся, перестает быть таковой; потворство соблазну разрушает любовь; смена одной веры на другую часто соседствует с неверием. Даже самое ненавязчивое вторжение одного индивида в мир другого порой отравляет уже сложившиеся отношения». [4, с. 526].

И для того, чтобы стать способным на благосклонное отношение к другому человеку, надо стать личностью. А для этого, считает Э. Мунье, надо избавиться от укрывшегося в человеке индивида, надо стать открытой, доступной и самой себе и другим. «Личность существует только в своем устремлении к "другому", познает себя только через "другого" и обретает себя только в "другом". Первичный опыт личности – это опыт "другой" личности. Ты, а в нем и Мы предшествуют Я или, по меньшей мере, всегда сопровождают Я» [4, с. 527].

«Общество личностей, – рассуждает далее философ, – основывается на ряде оригинальных деяний, подобных которым еще не было во всей Вселенной.

1. *Выйти за собственные пределы.* Личность есть существование, способное отсоединиться от самого себя, отказаться от самого себя, рассекретить себя, чтобы открыться "другому". Согласно персоналистской (особенно христианской) традиции, в личностной жизни главенствует аскеза, отказ от себя: освободить других и весь мир может лишь тот, кто сам освободился...

2. *Понимать.* Надо не ограничиваться собственной точкой зрения и уметь принять позицию "другого". Это не значит искать себя в "другом", тебе подобном, не значит это и постигать "другого" вообще... Это значит соединять наши отличные друг от друга позиции в ни с чем не сравнимом согласии. Приспосабливаться ко всем, не теряя собственного Я, – это вовсе не то же, что все понимать, никого не любя; раствориться в "другом" – вовсе не значит "понять другого".

3. *Взять на себя ответственность за судьбу "другого"*, разделить с ним его огорчения и радости, его заботы – словом, "заболеть" им.

4. *Отдавать.* Живительная сила личностного порыва заключена не в материальных притязаниях..., не в устремленности к смерти..., а в бескорыстном великодушии, иными словами, в щедрой и безвозмездной самоотдаче... Великодушные, даже если оно не получает отклика, топят лед

недоверия и разрывает круг одиночества... Оно сглаживает острые углы несогласия в, казалось бы, безвыходном положении, предлагая "другому" достойные его внимания ценности.

5. *Быть верным.* Жизнь – это нескончаемое приключение, которое длится от рождения до смерти. Преданность, любовь и дружба совершенны, если только они постоянны. Постоянство не имеет ничего общего ни с устойчивостью, ни с единообразием, свойственным материальным объектам или логическим обобщениям, оно – непрекращающееся излучение... Такова диалектика личностного общения, которая приумножает и укрепляет бытие каждого, вступающего в него». [4, с. 528–529]

#### Список литературы

1. Брэтон, Ф., Пру, С. Выбух камунікацыі. Нараджэнне новай ідэалогіі. /Ф. Брэтон, С. Пру. - Мінск: Беларускі Фонд СОРАСА, 1995.- 332 с.
2. Бубер, М. Два образа веры: Проблема человека /М. Бубер. – М.: Республика, 1995. С. 158 – 232.
3. Бубер, М. Два образа веры: Я и Ты /М. Бубер. – М.: Республика, 1995. С.16-92.
4. Мунье, Э. Манифест персонализма /Э. Мунье. – М.: Республика. 1999. - 559 с.

## Оглавление

Антоненко Д.Е. КЛАССИФИКАЦИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ 3	
Барковская А.В. СОЦИЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ПРОЕКТ В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ .....	10
Барсук И.А., Александренков Ю.В. ГЕНЕЗИС ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН .....	16
Бобр А.М. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОЦИОДИНАМИКИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА .....	22
Беляцкая Е.В. КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР «ВСПЛЕСКА» ПЕРЕМЕН ВО ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ.....	26
Булыго Е.К. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ГОРОДА .....	32
Ван Синь. ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАКТИКЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	37
Ван Чжэнцянъ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ .....	43
Вышедко Г.В. КРИТИКА УТОПИИ И ВЕРЫ Ф. НИЦШЕ VS «ФИЛОСОФИЯ НАДЕЖДЫ» Э. БЛОХА: К ВОПРОСУ КОНСТРУИРОВАНИЯ УТОПИИ .....	50
Гиммельрейх О.В. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	55
Голуб А.В., Воробьева С.В. ТАНЕЦ КАК ФОРМА ПОСТИЖЕНИЯ БЫТИЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТУРБУЛЕНТНОМ МИРЕ .....	61
Демидович Е.Д. Э. ЛЕВИНАС: НОВОЕ ВДОХНОВЕНИЕ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	68
Евсей О.А., Новикова О.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИЙ У ЖИВОТНЫХ И ПРОБЛЕМА ИХ БЛАГОСОСТОЯНИЯ.....	74
Екадумов А.И. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И ДИНАМИКА МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ .....	81
Зеленков А.И. ТРАДИЦИИ В НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО СТАТУСА ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ПЕРЕХОДА .....	87
Кисель Н.К. АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ .....	94
Климович А.И. КУЛЬТУРА КАК ПУТЬ ПОСТРОЕНИЯ ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. БУЧИНСКОГО .....	101
Колядко И.Н. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ.....	108
Коховец Я.А. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГНОСТИЦИЗМА .....	114

Кравцов О.Ю. ВЫЗОВЫ И РИСКИ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ .....	120
Курбачёва О.В. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭТНИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ» .....	126
Лаптёнок А.С. ЭТИКА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ .....	133
Левдиков А.И. ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ Е.Н.ТРУБЕЦКОГО .....	139
Легчилин А.И. ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ .....	145
Лещинская И.И. УЧЕНИЕ О МОГУЩЕСТВЕ РАЗУМА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ Б. СПИНОЗЫ.....	153
Личевский Г.А. ПЕРЕОЦЕНКА СТАТУСА ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ Ю. ХАБЕРМАСА.....	159
Лукьянович Н.М. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА .....	165
Лунская М.О. РЕАБИЛИТАЦИЯ ПРЕДРАССУДКОВ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ Х. - Г. ГАДАМЕРА.....	170
Майборода Д.В. ДУХ МАШИН ИДЕНТИФИКАЦИИ .....	176
Макеева Е.С., Фадеев А.Н. КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК ВЫЗОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА .....	183
Маркиш А.В. СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ЖИВОПИСЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ .....	188
Мозалевская Д.А. ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА .....	194
Навицкая П.С. ДЕРЕАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И ПСИХИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН .....	200
Озджан Айдын. СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМСКИЙ МОДЕРНИЗМ В ТУРЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД ХУСЕЙНА АТАЯ .....	205
Павлова В.В. ЖИВОТНОЕ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИХ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ .....	211
Радевич Е.В. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	215
Румянцева Т.Г. КАНТОВСКИЙ МИРНЫЙ ПРОЕКТ КАК ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА.....	219
Сайганова В.С. ЦЕННОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ .....	227

Сакович Ф.Ю., Воробьева С.В. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МУЗЫКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ .....	232
Сарна А.Я. ЭЛЕКТРОННАЯ КУЛЬТУРА И ЦИФРОВОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ...	239
Сидоренко И.Н. ВОЙНЫ ЗА МЕНТАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ .....	244
Синюкович И.Д. О БЕССМЕРТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА .....	250
Степанов А.Г., Обухов В.С. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА .....	256
Хомич Д.А. ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССА ВОССОЕДИНЕНИЯ.....	260
Чжан Нин. КУЛЬТУРА ВНЕАУДИТОРНОГО ЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА.....	267
Шахова К.В. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОНЯТИЯ «КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ».....	273
Шершнева О.А. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ.....	279
Янчук Е.И. «НОМО COMMUNICARES»: «ЧЕЛОВЕК КОММУНИЦИРУЮЩИЙ» КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА .....	285